Гавріилъ Петровъ, митрополитъ новгородскій и с.-петербургскій (род. 1730 г., ум. 1801 г.), въ первые годы жизни и служенія.

I.

Гавріилъ родился 18 мая 1730 года въ Москвѣ [1]). Отца его звали Петромъ Федоровымъ, по фамиліи же, кажется, Шапошниковымъ [2]). При крещеніи будущій Гавріилъ былъ названъ Петромъ [3]), а по фамиліи сталъ потомъ называться Петровымъ. Петромъ Петровымъ онъ былъ зачисленъ въ Московскую академію: въ тогдашнемъ обычаѣ было отчество превращать въ фамилію [4]). Отецъ Петра Пет-

---

[1]) Записки *Антонія Знаменскаго*, въ рукоп. новгор. сем. библ. № 6833, на л. 114.

[2]) Въ вѣдомости московской академіи 1748 г., присланной въ Синодъ, отецъ Гавріила названъ Петромъ Федоровымъ, синодальнымъ иподіакономъ. Но Федоровъ, повидимому, было отчествомъ отца Гавріила, какъ и самъ онъ назывался потомъ по отцу Петровымъ. У Венгерова же въ „Источникахъ Словаря русскихъ писателей", т. I, сказано, что фамилія Гавріила была, собственно, Шапошниковъ. Однако, откуда почерпнулъ это свѣдѣніе Венгеровъ, неизвѣстно.

[3]) Въ запискахъ *Антонія Знаменскаго* мірское имя Гавріила обозначено: Григорій. Но это невѣрно, потому что въ академіи Гавріилъ назывался Петромъ и подъ этимъ именемъ былъ извѣстенъ до принятія монашества. Петромъ Петровымъ называетъ его и его сотоварищъ и современникъ митр. Платонъ въ своей автобіографіи (стр. 210 у *Снегирева*, „Жизнь м. Платона", Москва, 1891 г.). Вѣроятна догадка *архим. Макарія* („Сказаніе о жизни и трудахъ преосв. Гавріила, митр. новг. и спб.", СПб. 1857 г., стр. 3, прим.), что Антоній смѣшалъ мірское имя Гавріила Петрова съ мірскимъ именемъ Гавріила Кременецкаго.

[4]) Подъ именемъ Петрова значился Гавріилъ и въ Академіи, и на службѣ.

рова былъ синодальнымъ иподіакономъ [1]). Впослѣдствіи, послѣ 1753 года [2]), онъ, повидимому, былъ священникомъ церкви Козьмы и Даміана въ Москвѣ, что въ Китай городѣ [3]). Мать будущаго Гавріила, какъ можно догадываться, звали Ириною [4]). Что касается другихъ родныхъ, то положительно извѣстна лишь личность старшаго брата Гавріила, Варлаама Петрова, бывшаго съ 1768 года сначала епископомъ, а потомъ архіепископомъ тобольскимъ [5]). Затѣмъ, въ завѣщаніяхъ Гавріила упоминаются имена усопшихъ, о поминовеніи которыхъ онъ завѣщаетъ молиться: княгини Іуліаніи, Григорія, Гликеріи, Николая, Евдокіи (въ завѣщаніи 1782 г.); іерея Петра, Іоанна, Ирины, Іоанна, Стефана, Іоанна, Василія, Вассы, Льва (въ завѣщаніи 1785 г.). По всей вѣроятности почти всѣ названныя лица были родственники Гавріила, но кто именно, неизвѣстно. Неизвѣстно также, кто были братья Генцовы, упоминаемые въ завѣщаніи Гавріила отъ 4 янв. 1801 г. [6]).

---

[1]) Записки *Антонія Знаменскаго*, въ рукоп. новг. сем., на л. 114; въ академическихъ спискахъ (дѣло Арх. Син., 1753 г. № 391) Петровъ названъ также сыномъ синодальнаго иподіакона.

[2]) Послѣ 1753 г. потому, что въ акад. спискѣ 1753 г. отецъ Петра Петрова названъ еще иподіакономъ.

[3]) Въ завѣщаніи Гавріила отъ 25 іюля 1783 г. (дѣло Арх. Син. 1801 г. № 75) говорится, что родители его погребены при церкви Козьмы и Даміана, очевидно потому, что отецъ служилъ здѣсь предъ смертью. Отсюда же, между прочимъ, видно, что отецъ и мать Гавріила скончались до 25 іюня 1783 г. Значитъ, ошибается Бентышъ-Каменскій (Словарь достопамятн. людей, ч. II), полагая, будто отецъ Гавріила видѣлъ сына въ санѣ митрополита. Ближайшимъ образомъ можно опредѣлить, что отецъ и мать Гавріила умерли между 30 іюля 1782 г. и 25 іюля 1783 г. Дѣло въ томъ, что въ другомъ завѣщаніи Гавріила, отъ 30 іюля 1782 г., гдѣ также вносится сумма на поминовеніе, въ числѣ лицъ, о упокоеніи которыхъ Гавріилъ завѣщалъ молиться, нѣтъ именъ іерея Петра и Ирины, упоминаемыхъ въ завѣщаніи 2 дек. 1785 г., подъ которыми надо подразумѣвать родителей Гавріила (д. А. С. 1801 г. № 75).

[4]) Ирина—первое женское имя, упомянутое въ завѣщаніи 2 декабря 1785 г.

[5]) Своему брату Варлааму, архіеп. тобольскому, Гавріилъ, умирая, завѣщалъ бриллiантовыя вещи. Варлаамъ былъ настоятелемъ монастырей тверской епархіи, сначала Желтикова, потомъ Новоторжскаго, въ бытность Гавріила епископомъ тверскимъ (д. А. С. 1768 г. № 104); въ 1768 году назначенъ епископомъ тобольскимъ (д. А. С. 1768 г. № 93); скончался въ 1802 г. (д. А. С. 1803 г. № 37/167). См. о немъ у Аскоченскаго, Кіевъ съ Академіею, т. II, стр. 290. Въ октябрьской кн. „Странника“ за 1863 г. помѣщена ст. *Н. Абрамова*: „Варлаамъ I-й Петровъ, архіеп. тобольскій и сибирскій“, впрочемъ, бѣдная содержаніемъ.

[6]) Завѣщаніе Гавріила въ дѣлѣ А. С. 1801 г. № 75.

По словамъ Антонія Знаменскаго, отецъ Гавріила былъ «человѣкъ добродѣтельный, равно какъ и его жена» [1]). Въ качествѣ синодальнаго иподіакона, Петръ Федоровъ получалъ до 300 рублей въ годъ, каковая сумма по тому времени доставляла «изрядное содержаніе» [2]). Стало быть, съ матеріальной стороны семейство Петра Петрова было достаточнымъ, и онъ не терпѣлъ въ дѣтствѣ нужды, а, навѣрно, жилъ въ полномъ довольствѣ. Какою можно себѣ представить обстановку жизни московскаго духовенства въ 30—40-хъ годахъ XVIII вѣка, объ этомъ даетъ нѣкоторое понятіе описаніе быта духовныхъ лицъ хотя бы въ сѣверной столицѣ—Петербургѣ, въ XVIII в. Такое описаніе, хотя очень краткое, мы находимъ въ V томѣ «Историко-статистическаго описанія СПбургской епархіи» и въ статьѣ Н. И. Барсова: «Петербургскій приходскій священникъ второй половины XVIII и начала XIX ст.» [3]). Это была простая трудовая жизнь, обыкновенно весьма патріархальная, особенно же патріархальная въ патріархальной Москвѣ. Въ то время дѣтей въ духовномъ кругу довольно рано начинали учить грамотѣ, что было по тогдашнему задачей весьма нелегкой. Въ автобіографіи митр. Платона (Левшина), почти сверстника Гавріила (Платонъ родился въ 1737 г., около Москвы), разсказывается, что его начали учить грамотѣ (азбукѣ, часослову и псалтыри, а потомъ писать) на шестомъ году [4]). Навѣрно и заботливые родители Гавріила приблизительно въ такіе же годы начали учить своего сына, тѣмъ же «обычнымъ» домашнимъ порядкомъ, о какомъ говоритъ и митр. Платонъ [5]). Послѣдній сообщаетъ и о достигнутыхъ имъ успѣхахъ: черезъ два года онъ обучился грамотѣ и письму, и на восьмомъ году уже въ церкви не только читалъ, но и пѣлъ церковные обыкновенные стихи; а черезъ годъ могъ одинъ отправлять на клиросѣ все пѣніе литургіи [6]). Такъ какъ Гавріилъ не уступалъ своему знаменитому сверстнику въ способностяхъ, то и

---

[1]) Въ рукоп. новг. сем. № 6833 на л. 114.

[2]) Ibid. Дѣйствительно, по вычисленіямъ Ключевскаго (В. Ключевскій, Русскій рубль XVI—XVIII в., Москва 1884 г.), сдѣланнымъ въ началѣ 80-хъ годовъ, рубль 1730—1740 г.г. равнялся 10 нынѣшнимъ (т. е. 80-хъ г.г.); а въ настоящее время эта расцѣнка можетъ быть увеличена раза въ полтора. Значитъ, на современныя цѣнности отецъ Гавріилъ получалъ до 4500 р. въ годъ.

[3]) „Хр. Чтеніе“ 1876 г., ноябрь—дек.

[4]) У *Снегирева* стр. 204. [5]) Ibid. [6]) Ibid., стр. 204—205.

его ученіе, надо полагать, было столь же успѣшно; и онъ, навѣрно, также утѣшалъ своего отца, участвуя въ пѣніи на клиросѣ съ малыхъ лѣтъ. Правда, въ Москвѣ, да особенно въ московскихъ кремлевскихъ соборахъ, дѣтскія упражненія были не такъ удобны, какъ въ селѣ Чашниковѣ или Липицахъ, гдѣ проводилъ дѣтство будущій Платонъ. Но въ будніе дни, возможно, что и маленькій Петръ Петровъ, восьми-девяти лѣтъ, воспѣвалъ уже въ церкви церковныя пѣснопѣнія. Нечего и говорить, что благочестивые, какъ подобаетъ духовенству, родители Петра вели его воспитаніе въ самомъ религіозномъ духѣ, подобно родителямъ Левшинова [1]). Въ доброе старое время село и городъ мало отличались въ семейныхъ нравахъ духовенства; а свободныя идеи екатерининскаго вѣка еще не всколыхнули московскую жизнь, когда будущій Гавріилъ проводилъ здѣсь свое дѣтство.

Въ 1740 году, т. е. на одиннадцатомъ году своей жизни (навѣрно осенью), Петръ Петровъ былъ отданъ учиться въ московскую академію [2]). Въ такомъ же приблизительно возрастѣ, на десятомъ году жизни, поступилъ въ академію и Платонъ [3]). Что Петровъ былъ отданъ въ московскую академію, это вполнѣ естественно. Московскіе священнослужители прямо обязывались отдавать дѣтей въ академію, которая, надо замѣтить, нуждалась въ ученикахъ. Въ 1742 году былъ изданъ синодальный указъ, который подъ угрозой штрафа требовалъ отъ московскаго духовенства помѣщенія сыновей въ академію [4]). Поэтому скорѣе представляется странной судьба брата Петра Петрова, будущаго Варлаама, который не попалъ въ академію. Варлаамъ, въ мірѣ Василій, родился въ 1729 году и былъ почти однолѣтокъ Петру. Но онъ былъ отданъ отцомъ учиться пѣнію въ капеллу московскаго синодальнаго дома и былъ пѣвчимъ, а потомъ уже, когда у него пропалъ голосъ, онъ отправился въ Кіевъ для поступленія въ Печерскую Лавру, гдѣ былъ послушникомъ и одновременно учился въ Кіевской ака-

---

[1]) Ibid., стр. 204.

[2]) О поступленіи Петра Петрова въ академію въ 1740 г. отмѣчается въ спискѣ учениковъ академіи 1748 г. У *Антонія Знаменскаго* же (на л. 114), а отъ него и въ Словарѣ м. Евгенія и въ сказаніи Макарія указанъ 1741 г.; но академическій списокъ заслуживаетъ большаго довѣрія.

[3]) Автобіографія, у *Снегирева* стр. 205.

[4]) П. С. П. и Р. Цар. Елиз., т. I, № 187.

деміи [1]). Очевидно, однако, что отецъ потому и не отдалъ Василія въ академію, что у него былъ хорошій голосъ и онъ назначался въ пѣвчіе; а потомъ поступать въ академію Василію Петрову было уже поздно (въ 1753 году), и если онъ поступилъ все-таки въ Кіевѣ, то уже на монашескомъ положеніи. Петръ Петровъ пошелъ обычной дорогой, и потому попалъ прямо въ московскую академію.

Московская славяно-греко-латинская академія въ періодъ обученія въ ней Петра Петрова представляла схоластическую школу, устроенную по образцу кіевской академіи главнымъ образомъ кіевскими выходцами—учителями. Въ ней были обычные тогдашніе классы, начиная съ низшаго—фары и кончая высшимъ—богословскимъ. Въ фарѣ учили читать и писать по латыни; въ инфимѣ изучались первыя грамматическія правила славяно-русскаго и латинскаго языка. Въ классѣ грамматики продолжалось преподаваніе латинской грамматики и славянской; здѣсь же, по Регламенту, надлежало учить географіи и исторіи, и начинали ученіе катихизическое и ариѳметику. Въ синтаксимѣ, или высшемъ грамматическомъ классѣ, читали латинскій синтаксисъ, продолжали изученіе катихизиса, ариѳметики, географіи и исторіи. Въ піитикѣ преподавалось стихотворное ученіе русское и латинское. Въ риторикѣ учили краснорѣчію. Въ философіи—логикѣ, физикѣ, математикѣ и политикѣ. Въ богословіи изучали богословіе въ томъ видѣ, какъ то указывалось въ § 7 главы Регламента о домахъ училищныхъ [2]). Въ 1738 году въ академіи введено было преподаваніе греческаго языка; съ 1743 года греческій классъ соединенъ съ еврейскимъ; греческому языку учились ученики синтаксимы и піитики, а еврейскому—риторики и философіи [3]). Годы ученія въ академіи распредѣлялись обычно слѣдующимъ образомъ: курсъ богословія—четыре года, философіи—два года,

---

[1]) *Аскоченскій*, Кіевъ съ Академіею, т. II, стр. 290—291. Должно быть именно потому, что Василій Петровъ былъ послушникомъ въ Лаврѣ, онъ въ академическихъ спискахъ названъ Петровымъ-Лавровскимъ. Въ Лавру онъ поступилъ въ 1753 г.; черезъ шесть лѣтъ, будучи въ философскомъ классѣ, постриженъ въ монахи съ именемъ Варлаама.

[2]) Программа академическаго курса въ общихъ чертахъ указана въ Духовномъ Регламентѣ. О московской академіи см. у *С. Смирнова* въ „Исторіи московской славяно-греко-латинской академіи“, Москва 1855 г., стр. 109—114.

[3]) *Смирновъ*, Исторія академіи, стр. 114.

риторики—два года, піитики и синтаксимы по году; а въ прочихъ школахъ ученики проводили разное время, смотря по успѣхамъ [1]). Нормальный стажъ ученья былъ 12 лѣтъ. Но немногіе кончали курсъ въ такой срокъ, хотя нѣкоторые кончали его и раньше (наприм. Платонъ) [2]). Учились ученики по тогдашнимъ схоластическимъ латинскимъ руководствамъ [3]). Классныя занятія учениковъ состояли въ чтеніи уроковъ, въ переводахъ съ древнихъ языковъ, въ приготовленіи экспромтовъ. Успѣхи испытывались на диспутахъ и экзаменахъ [4]). Нельзя сказать, конечно, чтобы учебное дѣло стояло въ то время на должной высотѣ. В. Н. Татищевъ, напримѣръ, даетъ весьма нелестный отзывъ о московской академіи 30-хъ годовъ XVIII в. [5]). По его словамъ, въ кіевской и московской академіяхъ «языкъ латинскій не совершенъ», потому что многихъ нужныхъ книгъ и прежде всего лексикона и грамматики совершенныхъ въ учебномъ употребленіи не имѣется; необходимыхъ классическихъ авторовъ, какъ то Ливія, Цицерона, Тацита и друг., не читаютъ и не понимаютъ, слѣдовательно и въ философіи успѣвать не могутъ. Что касается риторики, «то болѣе вралями, нежели реторами именоваться могутъ, зане отъ недостатка вышеобъявленнаго часто всѣ ихъ слоги реторическіе пустыми словами болѣе, нежели сущимъ дѣломъ наполняютъ», а еще удивительнѣе, что иные риторы не знаютъ грамматическихъ правилъ правописанія и не умѣютъ правильно говорить. Философы ихъ, по Татищеву, не лучше, какъ только годятся въ лекарскіе ученики; сами учителя у нихъ не знаютъ математики, которая служитъ основаніемъ философіи. Физика ихъ «состоитъ въ однихъ званіяхъ или именахъ, новой же и довольной, какъ Картезій, Малебранжъ и другіе преизрядно изъяснили, не знаютъ». Логика ихъ состоитъ въ пустыхъ и не всегда правильныхъ силлогизмахъ. «Законоученію» и нравоученію не только правильно, на основаніи права естественнаго, не учатъ, «но и книгъ Гроціевыхъ, Пуффрендоровыхъ и тому подобныхъ, которыя за лучшихъ во всей Европѣ почитаются, не

---

[1]) *Смирновъ*, Исторія академіи, стр. 181.

[2]) См. примѣры у *Смирнова*, стр. 182.

[3]) Перечисленіе ихъ у *Смирнова*, стр. 112—114, а подробный разборъ у него же стр. 136—176.

[4]) Ibid., стр. 182, 184.

[5]) Разговоръ о пользѣ наукъ и училищъ, въ „Чтен. въ Общ. Ист. и др. Росс.“, 1887 г. кн. I, стр. 116—117.

имѣютъ. О исторіи же съ хронологіею и географіею, врачествѣ и проч., что къ философіи принадлежитъ, про то и не слыхали. И тако въ семъ училищѣ (московской академіи) не токмо шляхтичу, но и подлому научиться нечего». Такъ сурово оцѣниваетъ Татищевъ учебное значеніе академіи. Но приговоръ этотъ несомнѣнно слишкомъ строгъ и не совсѣмъ справедливъ. Какъ ни несовершенна была схоластическая школа, она учила своихъ питомцевъ настолько хорошо, что изъ нихъ выходили замѣчательные дѣятели на всѣхъ поприщахъ. Платоновъ, Гавріиловъ и под. не было бы, если бы въ московскомъ святилищѣ науки тогда рѣшительно нечему было бы научиться. Вообще, давно доказано, что схоластика не была такъ плоха и безплодна, какъ ее нѣкоторые представляютъ.

Платонъ Левшинъ въ своей автобіографіи сообщаетъ, что онъ, по опредѣленіи въ академію, двѣ недѣли учился читать и писать по латыни, потомъ переведенъ былъ въ фару, гдѣ пробылъ годъ; потомъ по году былъ въ классахъ грамматики, синтаксимы и піитики, по два года—въ реторикѣ и философіи, и черезъ два года богословскаго ученія былъ опредѣленъ учителемъ [1]). Если мы предположимъ, что весьма вѣроятно, что приблизительно такимъ же образомъ двигался въ низшихъ классахъ Петръ Петровъ, обладавшій не менѣе хорошими способностями, чѣмъ Левшиновъ, то годы ученія Гавріила распредѣлялись такимъ образомъ. Поступивъ въ 1740 году, возможно, что уже послѣ начала учебнаго года, Петръ Петровъ до осени 1741 г. пробылъ въ русской школѣ, а съ осени поступилъ въ фару. Въ 1742 году онъ перешелъ въ классъ грамматики, въ 1743 году—въ классъ синтаксимы, въ 1744 г. въ піитику, въ 1745 г. въ реторику, въ 1747 году въ философію и въ 1749 году въ богословіе. Богословскій курсъ Петровъ изучалъ полностью четыре года, какъ полагалось, и окончилъ академію въ 1753 году [2]). Почему Платонъ Левшинъ учился въ богословіи только два года, это не представляетъ чего-либо необычнаго. Платонъ былъ взятъ на учительство, а въ учителя лучшихъ студентовъ брали и до окончанія богословскаго класса. Ректорами академіи во время ученія будущаго Гавріила были: Платонъ Левитскій (1739—

---

[1]) У *Снегирева* стр. 206, 210.

[2]) Объ окончаніи курса Петромъ Петровымъ въ 1753 г. имѣются документальныя свѣдѣнія, которыя см. ниже.

1741 г.), Кириллъ Флоринскій (1741—1742 г.), Порфирій Крайскій (1742—1748 г.), Іоаннъ Козловичъ (1748—1753 г.) [1]). Никто изъ этихъ ректоровъ не представлялъ достаточно яркой личности, чтобы можно было говорить о ихъ вліяніи на питомцевъ, въ частности на Петрова. Въ фарѣ Петровъ учился, вѣроятно, у учителя Григорія Кондакова (1741—1744 г. былъ учителемъ фары) [2]); въ грамматикѣ—у іерод. Θеофила Бенклевскаго [3]); въ синтаксимѣ—у іером. Ананіи Мокрицкаго [4]); въ піитикѣ—у іером. Иларіона Завалевича [5]); въ реторикѣ—у іером. Никодима Рудинскаго [6]); въ философіи—у іером. Константина Бродскаго [7]); у того же Бродскаго онъ обучался и богословію [8]). Греческому языку Петру Петрову, должно быть, приходилось учиться у іером. Іакова Блонницкаго [9]). Изъ этихъ лицъ Блонницкій былъ ученымъ человѣкомъ [10]); но по самой постановкѣ греческаго языка въ академіи съ его стороны нельзя предполагать особаго вліянія на Петра Петрова. Говорить о вліяніи на послѣдняго можно развѣ только со стороны Константина Бродскаго, у котораго Гавріилъ учился 6 лѣтъ, при томъ самымъ важнымъ и развивающимъ наукамъ—философіи и богословію. Бродскій былъ, можно сказать, главнымъ руководителемъ образованія Петра Петрова. Однако, тогдашній способъ преподаванія и отношенія между учителями и учениками не даютъ возможности предполагать много въ указанномъ отношеніи. Сверстникъ Гавріила Левшиновъ, находившійся въ аналогичныхъ условіяхъ, въ своихъ воспоминаніяхъ не передаетъ никакихъ впечатлѣній отъ академическаго преподаванія. Значитъ, эти впечатлѣнія были слишкомъ незначительны, чтобы оставлять глубокій слѣдъ въ душѣ учащагося юношества.

Учился будущій Гавріилъ хорошо, какъ и слѣдовало ожидать отъ благонравнаго и способнаго мальчика. Въ вѣдомости

---

[1]) *Смирновъ.* Исторія академіи, стр. 198—200. Платонъ Левитскій былъ незамѣтной личностью. О немъ въ „Русскомъ Біографическомъ Словарѣ, изд. Имп. Рус. Ист. Общ.“. Здѣсь же біографич. свѣдѣнія и литература о Порфиріи Крайскомъ (дѣятельный архіерей впослѣдствіи, но не особенно ученый), Іоаннѣ Козловичѣ (будучи еп. переяславскимъ, былъ милостивымъ, но ученостью также не отличался). О Козловичѣ и у *Аскоченскаго,* Кіевъ съ Академіею, II, стр. 118.

[2]) *Смирновъ.* Ист. ак., стр. 220. [3]) Ibid. [4]) Ibid.

[5]) Ibid., стр. 214. [6]) Ibid., стр. 221. [7]) Ibid., стр. 209.

[8]) Ibid.; [9]) Ibid., стр. 220. [10]) См. Рус. Біограф. Словарь.

объ ученикахъ академіи 1753 г., въ годъ окончанія курса, Петръ Петровъ отмѣченъ: «понятенъ, ученія добраго и надеженъ». Рекомендація—одна изъ самыхъ лучшихъ для его класса. Также отмѣченъ былъ въ названной вѣдомости младшій сверстникъ Петрова Левшиновъ [1]). Жилъ Гавріилъ—Петровъ дома, на собственномъ содержаніи [2]). Поэтому ему не приходилось испытывать той матеріальной нужды, которая такъ тяжело отражалась на жизни академіи и ея питомпевъ [3]). Не испытывалъ юноша Петровъ и всѣхъ прелестей «бурсацкой» жизни. Однако, конечно, и ему приходилось чувствовать на себѣ тѣ неудобства, какія переживала академія изъ-за недостатка и тѣсноты помѣщенія въ 1740-хъ годахъ, когда разные классы должны были странствовать съ одного мѣста на другое и вся академія готовилась къ переводу изъ Заиконоспасскаго монастыря [4]).

Какъ протекали учебные годы жизни Гавріила въ школьной и домашней обстановкѣ, можно отчасти судить по воспоминаніямъ Платона. Левшиновъ, подобно Гавріилу, жилъ въ Москвѣ у родныхъ, а именно у своего брата, служившаго діакономъ у церкви Спаса въ Спасской. Обстановка жизни Левшинова должна была быть скромнѣе; но общій характеръ быта былъ, навѣрно, одинаковъ. А Платонъ такъ описываетъ домашній образъ жизни въ ученическіе годы. «Жилъ онъ при братѣ своемъ Тимофеѣ, который былъ діакономъ у Спаса въ Спасской, гдѣ вмѣстѣ жили и родители его. Петръ, исправивъ задачи, назначенныя отъ школы, дома упражнялся въ чтеніи книгъ, и въ хожденіи въ церковь на службу Божію... Но книгъ дома никакихъ не было... Почему Петръ, чтобы утолить жажду свою, читалъ всѣ книги, какія въ церкви могли найтиться, яко то: Четьи Минеи, Прологи, Камень вѣры, Маргаритъ, Обѣдъ духовный, Вечерю, исторію Баронія, а паче всего посланія Апостола Павла...; и никто ему столько не нравился, какъ сей высшаго имени и духа мужъ и святый Іоаннъ Златоустъ. А къ лучшему знанію въ латинскомъ языкѣ много ему послужила книжка Цицеронова о должностяхъ..., а другая:

---

[1]) Дѣло А. С. 1753 г. № 391.

[2]) „Безъ жалованья“, какъ отмѣчено въ вышеозначенной вѣдомости.

[3]) См. у *Смирнова* стр. 97, 99; дѣла А. С. 1743 г. № 376; 1744 г. № 458, 459.

[4]) *Смирновъ*. Ист. акад., стр. 91—94. Дѣла А. С. 1741 г. № 561; 1742 г. № 583; 1744 г. № 433; 1744 г. № 434; 1751 г. № 215.

исторія Курціева... Въ чтеніи книгъ Левшиновъ препровождалъ домашнее время, а притомъ никогда не оставлялъ ходить въ церковь, когда отъ школъ было свободно... Въ церкви былъ первый изъ читающихъ и поющихъ... Никуда, даже весьма рѣдко и къ сродникамъ хаживалъ... На гулянья также весьма рѣдко куда хаживалъ... Былъ крайній уединенія любитель» [1]). Вотъ жизнь скромнаго учащагося духовнаго юноши того времени. Конечно, многое зависѣло отъ личнаго характера. Но мы имѣемъ право думать, что Петръ Левшиновъ и Петръ Петровъ имѣли много общаго въ отношеніи ко вкусамъ и привычкамъ юности. Чтеніе книгъ, навѣрно, Петровъ любилъ не меньше Лебшинова, и посвящалъ ему свободные часы. Любовь къ церковной службѣ—естественная черта для такого церковника въ будущемъ, какимъ былъ Гавріилъ. А любовь къ уединенію, удаленіе отъ шума улицы и общества, можно думать, свойственны были Гавріилу въ юности, при его замкнутомъ характерѣ, еще больше, чѣмъ Платону.

Платонъ говоритъ, что онъ проводилъ все-таки часть времени среди немногихъ вѣрныхъ товарищей и друзей [2]). Кто были такими сотоварищами и друзьями у Гавріила, мы не знаемъ. Въ московской академіи было много учащихся, хотя годы ученія Гавріила были уже временемъ сравнительнаго малолюдья академіи. Всѣхъ учениковъ въ 40-хъ годахъ бывало 200—300 чел. [3]). Среди нихъ были не только изъ московской епархіи, а и изъ другихъ епархій, каковыхъ въ 1753 г. съ Гавріиломъ въ богословскомъ классѣ числилось около половины [4]). Не имѣя свѣдѣній, съ кѣмъ Гавріилъ былъ близокъ на школьной скамьѣ, мы во всякомъ случаѣ можемъ отмѣтить, съ кѣмъ изъ своихъ будущихъ сотоварищей по церковному служенію онъ могъ познакомиться еще въ школѣ. Сюда прежде всего надо отнести Платона Левшинова, такъ долго украшавшаго каѳедру старой столицы одновременно съ тѣмъ, какъ Гавріилъ украшалъ каѳедру столицы новой, ближайшаго сотрудника Гавріила по многимъ дѣламъ въ первые годы ихъ церковнаго служенія. Платонъ, какъ выше сказано, поступилъ въ московскую академію въ 1747 г., т. е., когда Гавріилъ переходилъ въ философскій классъ. Они были одновременно въ академіи шесть лѣтъ, и въ спискахъ

---

[1]) Автобіографія у *Снегирева*, стр. 208—209. [2]) Ibid., стр. 209.
[3]) *Смирновъ*. Ист. акад., стр. 181. [4]) Дѣло А. С. 1753 г. № 391.

1753 года, когда Петръ Петровъ кончалъ курсъ, 23-лѣтнимъ молодымъ человѣкомъ, 16-лѣтній Петръ Левшиновъ числился въ школѣ риторики [1]). Разница въ годахъ Платона и Гавріила была довольно большая. Но вполнѣ возможно, что они знали другъ друга, и не только по имени, на школьной скамьѣ, тѣмъ болѣе, что оба жили дома, у родныхъ, въ средѣ московскаго городского духовенства. Быть можетъ и родители ихъ были знакомы между собою. Правда, Платонъ въ автобіографіи ничего не говоритъ о школьномъ знакомствѣ съ Гавріиломъ. Но автобіографія его вообще не касается товарищеской среды юности, да и отношенія съ Гавріиломъ у Платона впослѣдствіи сложились не такія, чтобы особенно располагать его къ воспоминаніямъ о прежней связи. Старшимъ сверстникомъ Гавріила по академіи былъ другой видный іерархъ екатерининской эпохи, человѣкъ, въ теченіи тридцати лѣтъ трудившійся рука объ руку съ Гавріиломъ въ дѣлахъ церковнаго управленія,—Иннокентій Нечаевъ, потомъ архіеп. псковскій. Иннокентій родился въ 1722 году [2]). Значитъ, онъ могъ поступить въ академію въ 1732—1733 гг. и учиться здѣсь, по разсчету ученія Гавріила, до 1746 г., а можетъ быть и дольше. Когда Гавріилъ учился въ низшихъ классахъ, Иннокентій проходилъ философію и богословіе; и у нихъ была такая же возможность знать другъ друга, какъ у Гавріила съ Платономъ. Въ подобныхъ же условіяхъ должно было произойти знакомство Гавріила съ третьимъ знаменитымъ современникомъ и сотрудникомъ на церковномъ поприщѣ—протоіереемъ Іоанномъ Памфиловымъ, впослѣдствіи духовникомъ имп. Екатерины II и вліятельнымъ синодальнымъ членомъ. Памфиловъ родился въ 1720 г. [3]); съ 1733 г. онъ учился въ с.-петербургской семинаріи, а въ 1740 году поступилъ въ московскую академію, такъ какъ отецъ его былъ переведенъ въ Москву. Въ академіи Памфиловъ пробылъ до 1744 года и стало быть четыре года учился одновременно съ Петромъ Петровымъ. Принимая же во вниманіе, что отецъ Памфилова былъ назначенъ священникомъ Благовѣщенскаго собора, т. е. принадлежалъ къ тому же кремлев-

---

[1]) То-же дѣло.

[2]) См. объ Иннокентіи у *Смирнова*, Ист. ак., стр. 210; и „Рус. Біографич. Словарь“, гдѣ и литература.

[3]) Объ Іоаннѣ Памфиловѣ въ „Рус. Біогр. Словарѣ“, гдѣ и подробн. литература.

скому духовенству, гдѣ состоялъ и отецъ Петра Петрова, можно съ достовѣрностью полагать, что мальчикъ Петровъ и юноша Памфиловъ были знакомы другъ съ другомъ и не только по школѣ, а и внѣ школы. Въ послѣдній годъ своего ученія въ академіи Гавріилъ могъ видѣть въ ней и еще одного будущаго виднаго церковнаго дѣятеля — Дамаскина Руднева, поступившаго въ академію въ 1752 году [1]). Не даромъ впослѣдствіи Дамаскинъ пользовался особымъ покровительствомъ Гавріила. Старшій покровитель могъ цѣнить не только таланты молодого іерарха, а и память о школьной жизни, упроченную дальнѣйшею связью.

II.

Петръ Петровъ окончилъ курсъ академіи въ 1753 г., въ числѣ лучшихъ учениковъ, какъ значится онъ въ академическомъ спискѣ 1753 г. Естественная дорога для талантливаго студента, по тому времени, открывалась къ учительству въ той же академіи. Младшій сверстникъ Гавріила Платонъ, напримѣръ, послѣ двухлѣтняго богословскаго ученія былъ взятъ на учительство. Тѣмъ болѣе, изъ доношеній назначеннаго ректоромъ академіи лѣтомъ 1753 г. архим. Варлаама Лящевскаго [2]) видно, что академія тогда нуждалась въ учителяхъ [3]). Однако, Петръ Петровъ не былъ избранъ къ учительству и нѣсколько мѣсяцевъ по окончаніи курса жилъ безъ службы при своихъ родителяхъ. Чѣмъ объяснить этотъ фактъ: начальство ли забыло о талантливомъ воспитанникѣ, или онъ самъ не желалъ поступать въ учителя? Первое предположеніе едва ли вѣроятно, потому что академія тщательно слѣдила за своими питомцами, а духовная власть всячески старалась использовать образованныхъ людей. Вѣроятнѣе всего, что причиною неназначенія Петра Петрова въ учители лежала въ немъ самомъ. По словамъ Антонія Знаменскаго, будущій Гавріилъ, «конча курсъ не хотѣлъ жениться, а вести уединенную жизнь, не вступая въ монашество. Посему хотѣлъ испросить мѣсто просвирническое, чтобъ имѣть маленькій кусокъ

---

[1]) *Я. Горожанскій*, „Дамаскинъ Семеновъ-Рудневъ, еп. нижегородскій". Кіевъ, 1894 г., стр. 15.

[2]) О немъ у *Смирнова* въ Ист. ак., стр. 200—201.

[3]) Дѣло А. С. 1753 г. № 391.

хлѣба и быть при церкви» [1]). Повидимому, въ отношеніи Петра Петрова къ вопросу о принятіи монашества и было все дѣло. Молодой человѣкъ, хотя и любитель уединенія, монашества не желалъ. Это нежеланіе онъ обнаружилъ и четыре года спустя, при опредѣленіи въ семинарію [2]). Почему не хотѣлъ быть монахомъ Петровъ, можно догадаться. Онъ, видимо, слишкомъ высоко понималъ монашескія обязанности и не считалъ себя вправѣ принимать ихъ на себя. По характеру Гавріила трудно допустить иное объясненіе, какое напрашивается, напримѣръ, по отношенію къ преосв. Евгенію (Болховитинову) [3]). Между тѣмъ въ то время учительство почти обязательно связывалось съ монашествомъ. Наставники академіи тогда обычно были монахи; а если назначались міряне, то только временно, съ обязательствомъ принять монашество. Изъ учителей Гавріила, какъ мы видѣли, свѣтскимъ былъ одинъ младшій учитель фары, но и ему скоро пришлось совсѣмъ уйти изъ академіи, такъ какъ онъ монашество принять отказался [4]). Петръ Петровъ, должно быть, рѣшительно думалъ монашества не принимать, а потому не давалъ и обѣщаній, или самъ не желалъ оказаться въ фальшивомъ положеніи.

Однако, замѣчаніе Антонія Знаменскаго о намѣреніи молодого Петрова быть просвирникомъ также не представляется правдоподобнымъ. Должность просвирника совсѣмъ не подходила для ученаго человѣка и не видно, чтобы Петровъ пытался занять ее; да это была установившаяся привиллегія вдовъ духовнаго званія. Петровъ обратился къ другому, болѣе подходящему занятію. 25 февраля 1754 г. онъ подалъ въ Синодъ прошеніе слѣдующаго содержанія: «Обучался я имянованный въ... московской академіи безъ полученія Ея Имп. В-а жалованья, и минувшаго 1753 года богословское ученіе окончалъ, а къ мѣсту никакому еще не опредѣленъ. Того ради Св. Прав. Синода всепокорно прошу опредѣлить меня... въ московскую типографію справщикомъ». На это

---

[1]) Въ рукописи новг. сем. на л. 114.

[2]) См. у *Антонія Знаменскаго*, л. 114; у Платона въ автобіографіи, стр. 210 у *Снегирева*.

[3]) См. его письма „Рус. Арх." 1870 г., кн. 4—5, ст. 771—772.

[4]) См. у *Смирнова*, Ист. ак., стр. 84—85. Болѣе подробно у *К. В. Харламповича*, „Малороссійское вліяніе на великорусскую церковную жизнь", т. I. Казань 1914 г., стр. 639—641.

прошеніе тогда же послѣдовало синодальное опредѣленіе: «Оному студенту Петрову до указу и впредь до усмотрѣнія ему по наукѣ ево надлежащаго мѣста, въ московской типографіи справщикомъ быть, а Ея Имп. В-а жалованья на первой случай производить ему въ годъ по семидесяти рублевъ» [1]). Отсюда видно, что Синодъ не считалъ справщическую должность соотвѣтствующей образованію Петра Петрова и смотрѣлъ на нее, какъ на временную. Да и самъ Петровъ, поступая въ типографію, едва ли намѣренъ былъ здѣсь остаться. Служба въ типографіи составляла лишь первый служебный стажъ для ученыхъ людей; а потомъ они обычно выходили или въ монахи и на учебное поприще, или въ священники.

Петръ Петровъ въ типографіи нашелъ своего прежняго учителя, Григорія Кондакова, бывшаго теперь справщикомъ, и также потому, что уклонялся отъ монашества [2]). Петровъ былъ назначенъ на самый младшій окладъ. Какъ разъ въ январѣ 1753 г. справщикамъ было возвышено жалованье до 100 р. [3]), а новоопредѣленному Петрову положили старый 70-ти-рублевый окладъ. Но хотя Петровъ былъ на положеніи младшаго служащаго въ типографіи, на самомъ дѣлѣ на долю его выпали весьма серьезныя обязанности. Въ это время въ типографіи какъ разъ производилась важная работа по исправленію опечатокъ въ печатной славянской Библіи 1752 г. При печатаніи Библіи, для необходимыхъ исправленій, еще въ 1747 году были вызваны въ Москву іеромонахи Варлаамъ Лящевскій и Гедеонъ Сломинскій [4]). При ихъ содѣйствіи Библія была напечатана въ 1752 году [5]). Въ январѣ 1754 г. Гедеонъ Сломинскій былъ назначенъ ректоромъ Троицкой Лаврской семинаріи [6]), а въ февралѣ ему снова поручено заняться исправленіемъ замѣченныхъ еще погрѣшностей

---

[1]) Дѣло А. С. 1754 г. № 424. Опис. Арх. Син., т. XXXIV, № 97/424.

[2]) П. С. П. и Р. Цар. Елиз., т. IV, № 1365. [3]) Ibid.

[4]) П. С. П. и Р. Цар. Елиз., т. III, № 1001.

[5]) См. въ П. С. П. и Р. Цар. Елиз., т. III, №№ 1026. 1030, 1035, 1045, 1047, 7051, 1057, 1058, 1066, 1067, 1069, 1072, 1080, 1083, 1084, 1086, 1090, 1091, 1098, 1100, 1122, 1123, 1131, 1132, 1133, 1136, 1137, 1138, 1139, 1147, 1148, 1155, 1160, 1163, 1167, 1168, 1169, 1171, 1172, 1173, 1175, 1176, 1177, 1178, 1183—1186, 1189, 1195, 1197, 1198, 1200, 1202, 1203, 1205, 1206, 1208, 1209, 1210, 1213, 1214, 1216, 1217, 1220, 1221, 1224, 1226, 1227, 1231, 1242, 1244, 1247, 1250—1252, 1254, 1256, 1258, 1261, 1296, 1297, 1310.

[6]) Дѣло А. С. 1754 г. № 354.

въ новонапечатанной Библіи, причемъ предоставлялось требовать себѣ въ ближайшую помощь кого-либо изъ справщиковъ, или другихъ [1]). Вотъ въ этомъ-то дѣлѣ и явился Гедеону помощникомъ новый служащій типографіи Петръ Петровъ [2]). Работа была кропотливая, надо было дѣлать массу выписокъ, справокъ и проч. [3]). Во всемъ этомъ помогалъ Гедеону Петръ Петровъ [4]). На дѣятельность его обратило вниманіе и типографское начальство. Поэтому, когда въ 1756 г. (3 іюля) Петровъ обратился въ Синодъ съ прошеніемъ о прибавкѣ ему жалованья до 100 р., какъ получали другіе справщики, то типографская контора дала ему такую аттестацію: «Справщикъ Петръ Петровъ со времени опредѣленія въ московскую типографію справщикомъ въ должности справщической обращается при поступкахъ честныхъ со всякимъ трудолюбіемъ, а особливо во время производимаго въ московской типографіи библейскаго печатанія, съ прочими опредѣленными къ тому библейскому дѣлу справщиками, яко противъ ординарнаго печатанія наибольшаго труда требовавшему, обращаяся какъ въ правленіи до справщиковъ слѣдующихъ кавычныхъ листовъ, такъ особенно противъ прочихъ и въ сочиненіи объ оказавшихся сумнительствахъ выписокъ. Сверхъ же того неоднократно отъ типографской конторы посыланъ былъ въ Свято-Троицкую Сергіеву Лавру къ соборному іеромонаху и тамошней семинаріи ректору Гедеону Сломинскому съ требованіями о разрѣшеніи оказавшихся въ исправленіи Библіи сумнительствахъ, гдѣ употреблялся въ немалыхъ трудахъ же со онымъ ректоромъ нѣсколько времени». Контора считала Петра Петрова, за его прилежные труды, вполнѣ заслуживающимъ прибавки къ жалованью [5]). Прибавка была дана [6]).

Въ 1757 году работы по исправленію Библіи подходили

---

[1]) П. С. П. и Р. Цар. Елиз., т. IV, № 1372.

[2]) Дѣло А. С. 1756 г. № 10.

[3]) О характерѣ работы можно судить по П. С. П. и Р. Цар. Елиз., т. IV, №№ 1412, 1437, 1570.

[4]) Вѣроятно Петровъ тотъ справщикъ, котораго упоминаетъ Гедеонъ П. С. П. и Р. Цар. Елиз., т. IV, № 1412.

[5]) Дѣло А. С. 1756 г. № 10.

[6]) Указъ Синода 28 авг. 1756 г. въ томъ же дѣлѣ. Антоній Знаменскій (рук. новг. сем. № 6833, л. 114) отмѣчаетъ, что Петровъ „особливо“ трудился надъ исправленіемъ Апостола.

къ концу. Весьма вѣроятно, что въ связи съ этимъ стоитъ возникшее лѣтомъ этого года предположеніе перевести Петра Петрова изъ справщиковъ въ учителя академіи. Платонъ Левшинъ въ своей автобіографіи говоритъ, что когда его опредѣляли въ 1757 г. учителемъ, то первымъ кандидатомъ въ учители піитики въ академіи представленъ былъ справщикъ Петръ Петровъ, котораго и велѣно было опредѣлить, но съ условіемъ принятія монашества; а такъ какъ Петровъ отказался, то жребій палъ на его, Левшинова [1]). Очевидно, духовное начальство слѣдило за Петровымъ и старалось вывести его на учебную службу. Но, хотя по свидѣтельству Антонія Знаменскаго, будущій Гавріилъ, будучи справщикомъ, упражнялся въ чтеніи книгъ и хожденіи въ церковь [2]), т. е. велъ полумонашескую жизнь; однако онъ по прежнему, видимо, уклонялся отъ высокой чести иноческаго званія. Тѣмъ не менѣе жребій Петрова указывалъ ему обычную тогда для людей его положенія дорогу ученаго монашествованія и его рѣшимость скоро была сломлена. Кажется, виновникомъ этого былъ знаменитый витія и церковный дѣятель елизаветинскаго времени Гедеонъ Криновскій. Оригинальная судьба этого іерарха свела его еще на школьной скамьѣ съ Петромъ Петровымъ. Будучи іеродіакономъ и учителемъ семинаріи въ Казани, Гедеонъ 3-го іюля 1751 г. самовольно оттуда отлучился, т. е. попросту бѣжалъ въ Петербургъ, горя желаніемъ продолжать образованіе (онъ учился въ казанской семинаріи), и подалъ въ Синодъ прошеніе о дозволеніи поступить ему въ московскую академію. Св. Синодъ удовлетворилъ прошеніе, разрѣшивъ ему поступить въ богословскій классъ и дозволивъ проповѣдовать слово Божіе [3]). Въ московской академіи іерод. Гедеонъ слушалъ богословіе въ теченіе двухъ лѣтъ 1751—1753 г., т. е. какъ разъ въ то время, когда проходилъ послѣднее двухлѣтіе и Петръ Петровъ. Значитъ, они оказались ближайшими сотоварищами, да и по возрасту были почти однолѣтки (Гедеонъ родился въ 1728 или 1729 г.). По выходѣ изъ академіи Гедеона ждала блестящая и необыкновенно быстрая карьера.

---

[1]) У *Снегирева*, стр. 210. [2]) Рукоп. новг. сем. № 6833, на л. 114.

[3]) Проф. прот. *Ѳ. Титовъ*. Къ біографіи Гедеона Криновскаго, епископа псковскаго и нарвскаго. Казань, 1907. Стр. 14—17. Просьба Гедеона и дѣло о ней см. въ опис. д. и д. А. С., т. XXXI, № 189/220. У проф. Титова указана литература о Гедеонѣ. О судьбѣ Гедеона вспоминаетъ Платонъ въ автобіографіи, стр. 213—214.

Проповѣдническій талантъ его обратилъ на себя вниманіе, и въ сентябрѣ 1753 года онъ былъ опредѣленъ придворнымъ проповѣдникомъ [1]). 31 янв. 1757 г. Гедеонъ былъ назначенъ архимандритомъ ставропигіальнаго Саввина монастыря, а 4 марта 1758 г.—членомъ Св. Синода [2]). Вскорѣ изъ саввинскихъ архимандритовъ онъ сдѣлался архимандритомъ Троице-Сергіевой лавры и тотчасъ же вспомнилъ о своемъ школьномъ товарищѣ Петрѣ Петровѣ. Судя по автобіографіи Платона [3]), Гедеонъ искалъ и умѣлъ находить талантливыхъ людей. Онъ выдвинулъ Левшинова; онъ же выдвинулъ и Петрова, съ которымъ у него было еще больше связей. Какимъ образомъ удалось Гедеону уговорить своего товарища вступить на учительское поприще, неизвѣстно. Весьма возможно, что онъ убѣдилъ его сначала просто перейти на школьную службу, не настаивая на немедленномъ принятіи монашества. Во всякомъ случаѣ, едва ли безъ всякаго согласія Петрова Гедеонъ сдѣлалъ представленіе Св. Синоду объ его увольненіи изъ типографіи въ Лавру (въ апрѣлѣ 1758 г. [4]). Петровъ былъ уволенъ, а 30-го апрѣля сдѣланъ учителемъ реторики въ лаврской семинаріи вмѣсто вызваннаго Гедеономъ въ Петербургъ учителя Игнатія Калинина [5]).

Однако, не для такой скромной должности приглашалъ Гедеонъ Петрова. По всѣмъ признакамъ, у него связывались съ переводомъ товарища другіе разсчеты. Повидимому, Гедеонъ съ самаго начала предназначалъ Петрова въ ректоры семинаріи и только путемъ временнаго учительства хотѣлъ смягчить для него переходъ къ монашеству, безъ котораго ректура была невозможна. Какъ разъ одновременно съ переводомъ Петрова въ лавру, ректоръ семинаріи, Гедеонъ Сломинскій, былъ назначенъ ректо-

[1]) У *Титова*, стр. 18.

[2]) Ibid., стр. 19—20; здѣсь указаны и архивныя дѣла синод. архива, которыми пользовался авторъ.

[3]) У *Снегирева*, стр. 211—214.

[4]) Въ журналахъ Синода за 1758 г. доношеніе Гедеона, архим. лавры, записано подъ 3 апрѣля (№ 3) и замѣчено, что протоколъ подписанъ того же числа. Между тѣмъ въ справкѣ, сдѣланной въ духовномъ соборѣ Сергіевой лавры, которая находится въ рук. новгор. сем. № 6847, сказано, что Петръ Петровъ уволенъ въ лавру 28 апрѣля. Находящаяся въ той же рукописи копія указа Синода получена именно 28 апрѣля. Значитъ, указъ нѣсколько запоздалъ.

[5]) Въ справкѣ въ рукоп. новг. сем. № 6847.

ромъ московской академіи [1]). Надо было подготовлять ему преемника, и выборъ Гедеона Криновскаго остановился на молодомъ учителѣ-товарищѣ. Этотъ товарищъ, переходя въ лавру, въ сущности долженъ былъ предвидѣть, что ему монашества не избѣгнуть. Но онъ, очевидно, не думалъ, что неизбѣжность эта наступитъ такъ скоро. По крайней мѣрѣ Антоній Знаменскій въ своихъ запискахъ сообщаетъ, что Петровъ согласился постричься только послѣ двукратнаго понужденія. Сначала онъ отказался, но когда Гедеонъ заявилъ, что онъ никакимъ отговоркамъ внимать не будетъ, Петровъ уступилъ и только просилъ, чтобы ему дали принять постригъ въ лаврѣ, а не въ Петербургѣ [2]), куда вызывалъ его указомъ 25 мая Криновскій [3]). Послѣдній согласился на просьбу, но его отвѣтъ не засталъ уже Петрова въ Москвѣ: онъ уѣхалъ въ Петербургъ, опасаясь, очевидно, раздражить своего начальника промедленіемъ. Здѣсь, на троицкомъ подворьи, 28-го іюня Петръ Петровъ былъ постриженъ Гедеономъ въ монашество подъ именемъ Гавріила. 29-го іюня онъ получилъ посвященіе въ іеродіакона отъ руки новгородскаго архіеп. Димитрія Сѣченова а 1-го іюля, тѣмъ же іерархомъ, постриженъ въ іеромонахи [4]). Дорога къ дальнѣйшей карьерѣ, такимъ образомъ, была открыта предъ Гавріиломъ. Правда, онъ самъ еще не зналъ, что его ожидаетъ быстрое возвышеніе. Уѣзжая изъ Петербурга послѣ посвященія, онъ спрашивалъ своего начальника Гедеона, къ чему ему готовиться: къ философіи, или чему другому? Онъ разсчитывалъ лишь на префектство. Гедеонъ не раскрылъ ему категорически своихъ плановъ, замѣтивъ: дѣлай, что заставятъ; но намекнулъ на ректуру [5]). Дѣло въ томъ, что Гедеонъ Сломинскій, назначенный ректоромъ академіи, еще въ концѣ апрѣля просилъ отсрочки на два мѣсяца, ссылаясь на свои занятія по сочи-

---

[1]) Протоколы Синода 1758 г., апрѣль, № 37. Журналъ Синода 27 апрѣля № 7.

[2]) У *Антонія Знаменскаго*, л. 114 об.

[3]) Въ справкѣ въ рукоп. новг. сем. № 6847.

[4]) Дата посвященія въ іеродіаконы въ запискахъ Антонія Знаменскаго указана 30-го іюня; но въ оффиціальной справкѣ, что въ рукоп. новг. сем. № 6847, она—29 іюня. Послѣднее и вѣроятнѣе (праздникъ Петра и Павла). По Знаменскому, посвященіе въ священныя степени происходило на Карповкѣ въ домовой церкви у Димитрія (рукоп. новг. сем. № 6833 л. 114 обор.).

[5]) У *Знаменскаго*, л. 114 об.

ненію книги объ обрядахъ, и Синодъ разрѣшилъ ему остаться въ семинаріи до 29 іюня [1]). Сломинскій уѣзжать, должно быть, не очень торопился и назначеніе новаго ректора нѣсколько замедлялось. Преемникомъ его былъ назначенъ Гавріилъ. Однако, точную дату его назначенія опредѣлить затруднительно. Въ дѣлахъ, журналахъ и протоколахъ Синода мы напрасно ея искали. Въ «Сказаніи» Макарія указано 7-е іюля [2]); однако, у Антонія Знаменскаго, которымъ пользовался Макарій, числа нѣтъ, а сказано, что назначеніе состоялось тотчасъ по возвращеніи Гавріила въ лавру [3]). Между тѣмъ въ оффиціальной справкѣ, на которую мы уже неоднократно ссылались [4]), сказано, что Гавріилъ 9-го іюля былъ назначенъ ректоромъ, богословія учителемъ и первымъ соборнымъ лавры. Всего вѣроятнѣе дата оффиціальной справки. Что касается назначенія намѣстникомъ лавры, то и эта дата въ названной справкѣ значится иначе, чѣмъ у Макарія: 3-го августа [5]).

Итакъ, на 29-мъ году жизни Гавріилъ началъ свое монашеское служеніе, на обычномъ учебномъ поприщѣ. Сравнительно съ другими современниками, это было поздно. Не говоря о Гедеонѣ Криновскомъ, карьера котораго была исключительна, и другіе въ годы Гавріила двигались выше. Платонъ Левшинъ 29 лѣтъ уже нѣсколько лѣтъ ректорствовалъ и приближался къ епископству. За то Гавріилъ двинулся сразу, безъ предварительнаго учительскаго стажа, на что, конечно, ему давали право его прежнія заслуги. *)

Б. Титлиновъ.

---

[1]) Журналы Синода 1758 г., 3-го іюня, № 2. Протоколы, іюнь, № 24. О порученіи Гедеону составить толкованіе на обряды—дѣло А. С. 1754 г. № 354; Журналъ Синода 1758 г. 30 марта, № 1; П. С. П. и Р. Цар. Елиз., т. IV, № 1593.

[2]) Стр. 11.

[3]) На л. 114 об. [4]) Рукоп. новгор. сем. библ. № 6847.

[5]) У Макарія—14-е августа.

*) Продолженіе слѣдуетъ.

Воспоминанія стараго профессора

(съ 1847 по 1913 г.).

IV. Въ Московской Духовной Академіи—начало службы 1863—1867 г.г.

ВСТРѢЧИ и знакомства. Въ августѣ 1864 г. посѣтила академію Великая Княгиня Елена Павловна, извѣстная покровительница просвѣщенія, составлявшая центръ группировавшагося около нея кружка. Собрались въ академической залѣ, гдѣ представлялась ей академическая корпорація, въ томъ числѣ и пишущій эти строки. Великая Княгиня, при представленіи меня, какъ преподавателя церковной археологіи, видимо поражена была полнымъ несоотвѣтствіемъ моей наружности съ характеромъ предмета моего преподаванія. Она не могла сдержать улыбки на лицѣ, видя очень юнаго археолога, не представлявшаго по фигурѣ ни малѣйшей солидности, хотя бы сколько-нибудь соотвѣтствовавшей спеціальности его занятій. Въ 1865 г. въ квартирѣ ректора академическіе преподаватели представлялись новому оберъ-прокурору Св. Синода гр. Дм. Андр. Толстому, только что назначенному, тогда молодому человѣку, живому и показавшемуся намъ мало солиднымъ для высокаго, занятаго имъ поста. Почему-то (вѣроятно, въ связи съ недавно явившимся соч. гр. Толстаго—Le Catholicisme en Russie. 1863,—соч., которому, кстати замѣтить, онъ обязанъ былъ своимъ назначеніемъ на должность об.-прок.) зашла рѣчь о только что вышедшемъ, въ 1864 г., соч. Пихлера о соединеніи церквей и попыткахъ къ тому. Гр. Дм. Андр. спросилъ: извѣстно ли это сочиненіе въ академіи? А. В. Горскій по этому случаю, не безъ видимаго удовольствія, доложилъ, что не только извѣстно, но что объ этомъ

сочиненіи есть уже замѣтка въ печатной статьѣ одного баккалавра, именно А. Катанскаго, при чемъ указалъ на меня. Нужно замѣтить, что нашъ великій библіофилъ, о. ректоръ, сейчасъ же какъ только вышло это сочиненіе, выписалъ его и, зная о моей диссертаціи на ту же тему, далъ его мнѣ, а я составилъ статью для «Прав. Обозр.» (1865 г., янв. и февр.) подъ заглавіемъ: «Вопросъ о соединеніи церквей, исторія попытокъ къ его рѣшенію и будущая его судьба», гдѣ, между прочимъ, помѣстилъ коротенькую библіографическую замѣтку о вновь вышедшей заграницей книгѣ Пихлера. Главное содержаніе статьи составляло переработанное введеніе къ моему магистерскому сочиненію (см. гл. III).

Кстати о печатныхъ моихъ трудахъ. Первыя мои печатныя произведенія, которыми я дебютировалъ на литературномъ поприщѣ, были двѣ статьи въ газетѣ «День», издававшейся тогда извѣстнымъ славянофиломъ, И. С. Аксаковымъ: «Какое значеніе имѣетъ распространеніе просвѣщенія въ русскомъ народѣ для будущей судьбы русскаго раскола» (1864 г. дек.), «О движеніи религіозной мысли образованнаго класса въ Россіи» (1865 г. № 1). Затѣмъ слѣдовали двѣ вышепоименованныя статьи въ «Прав. Обозр.» 1865 г.

Отчасти въ связи съ этими первыми моими опытами публицистической дѣятельности завязывались у меня въ Москвѣ и знакомства. Изъ нихъ самыми интересными были—съ И. С. Аксаковымъ и Н. П. Гиляровымъ-Платоновымъ.

У И. С. Аксакова былъ нѣсколько разъ. Въ редакцію газеты «День» рѣшился отправить первую мою статью о расколѣ (представлявшую въ нѣсколько передѣланномъ видѣ студенческое мое сочиненіе, писанное на ту же тему), такъ сказать на авось: въ рукописи своей не обозначилъ ни своей фамиліи, ни адреса. Статья оказалась, однако, напечатанною, послѣ чего отправилъ И. С. Ак—ву письмо съ обозначеніемъ моей фамиліи и адреса. Отвѣтилъ онъ мнѣ очень интереснымъ письмомъ [1]), а затѣмъ я явился къ нему, чтобы познакомиться

[1]) Въ немъ между прочимъ сообщалось, что въ числѣ выдержекъ изъ газетныхъ и журнальныхъ статей, представляемыхъ Государю Императору Александру II, были выдержки и изъ моей статьи и что эти выдержки не заслужили одобренія Государя. И. С. Аксаковъ приписывалъ это обстоятельство тенденціозному подбору дѣлавшаго эти выдержки чиновника (Капниста), враждебно настроеннаго въ отношеніи къ славянофильству. Такимъ оказался мой „первый“ литературный „блинъ“.

съ нимъ лично и получить гонораръ. Бывалъ у него еще нѣсколько разъ, по случаю напечатанія второй статьи. Между прочимъ И. С. Аксаковъ очень жаловался на несправедливое отношеніе къ нему петербургскихъ властей и извинялся за скромную плату за мои статьи, ссылаясь на денежныя затрудненія по изданію газеты, поглощавшей, по его заявленію, личныя его средства.

Въ связи съ этимъ знакомствомъ стояло другое, не менѣе интересное. Пришлось мнѣ встрѣтиться, при довольно оригинальныхъ обстоятельствахъ, съ однимъ изъ самыхъ замѣчательныхъ тогдашнихъ литературныхъ дѣятелей, Никитою Петровичемъ Гиляровымъ-Платоновымъ, бывшимъ въ то время управляющимъ московской синодальной типографіи [1]). Много слышалъ о немъ отъ сослуживцевъ, но лично знакомъ съ нимъ не былъ. Вдругъ однажды онъ самъ приходитъ ко мнѣ въ мою баккалаврскую квартиру. Оказалось, что онъ слышалъ обо мнѣ отъ И. С. Аксакова и желалъ со мною познакомиться. Среди разговоровъ съ неожиданнымъ гостемъ я пораженъ былъ массою самыхъ разнообразныхъ его познаній [2]), оригинальностью его взглядовъ и кипучестью его мысли. Взялъ онъ съ меня слово, что я буду у него въ Москвѣ, въ синодальной типографіи. Въ Москвѣ при свиданіи, послѣ осмотра этой замѣчательной типографіи, онъ повезъ меня къ себѣ на дачу (собственную въ Петровскомъ Разумовскомъ), гдѣ пришлось ночевать. Здѣсь, среди разговоровъ

---

[1]) Никита Петровичъ Гиляровъ-Платоновъ, москов., 2-й маг. XVI к. 1848 г. моск. акад., 1848—бакк. герменевтики и ученія о вѣроисповѣданіяхъ, ересяхъ и расколахъ, 1854—по русск. расколу, 1855—выбылъ изъ академіи, сотрудникъ славянофильскихъ изданій кружка Хомякова и Аксаковыхъ, 1856—членъ московскаго цензурнаго комитета, 1862—чиновникъ особыхъ порученій при Мин. Нар. Просв. (А. В. Головинѣ), 1863—управляющій москов. Синодальной Типогр., 1867—оставилъ службу и началъ издавать газету „Соврем. Извѣстія“ (съ 1 дек. 1857 г.). Скончался 13 окт. 1887 г. 20 лѣтъ издательства газеты, при 20 карахъ, его постигшихъ, совершенно его раззорили и истощили его силы. См. „Гиляр.-Платоновъ. Сборникъ сочиненій“ т. 1. Москва 1899 г. предисл. стр. 1—LX.

[2]) Очень удивило меня, что Н. П. изучалъ даже многотомныя Acta Sanctorum. Въ то время занималъ меня вопросъ, какъ образовалась наша служба всенощнаго бдѣнія. Н. П. совѣтовалъ мнѣ поискать данныхъ для исторіи этой службы въ одномъ изъ мѣсяцевъ Acta Sanctorum (помнится сент.—ноябрь), что я потомъ и сдѣлалъ и дѣйствительно нашелъ нѣчто, относящееся къ исторіи первой половины службы.

и массы разнообразныхъ проэктовъ, которыми была полна горячая его голова, онъ высказалъ между прочимъ мысль, что намѣренъ издавать большую общенародную газету. Намѣреніе это, какъ оказывается изъ его біографіи, онъ питалъ еще съ юныхъ лѣтъ, къ осуществленію его началъ стремиться съ 1859 г. и осуществилъ въ концѣ 1867 г. (въ изд. «Соврем. Извѣстій»). Въ этой проэктируемой газетѣ предлагалъ участвовать и мнѣ въ качествѣ ближайшаго своего сотрудника, помощника. Но я былъ тогда еще такъ юнъ и незрѣлъ (это было въ 1865—6 г.г.), что чувствовалъ себя совершенно ему не «подъ пару», да кромѣ того несовсѣмъ былъ увѣренъ въ осуществимости этого проэкта,—одного изъ многочисленныхъ его проэктовъ. Нѣкоторое предубѣжденіе противъ Н. П. Гилярова поселили во мнѣ и отзывы о немъ бывшихъ его сослуживцевъ. Дѣло въ томъ, что этотъ даровитѣйшій человѣкъ не пользолался любовью академической корпораціи, главнымъ образомъ за свой злой языкъ и увлекающійся характеръ. Не отрицали большой его даровитости, но считали его неособенно основательнымъ человѣкомъ, разбрасывающимся въ разныя стороны, увлекающимся то однимъ, то другимъ предметомъ, не входившимъ въ кругъ академической его спеціальности. Вдругъ, напр., онъ увлечется политической экономіей, или статистикой, запирается на нѣсколько мѣсяцевъ въ квартирѣ, усиленно занимается этимъ предметомъ, потомъ бросаетъ, переходитъ къ другому.

Прочими знакомствами я обязанъ былъ сослуживцамъ и друзьямъ. У о. ректора, А. В. Г., познакомился съ Кап. Ив. Невоструевымъ, маг. XII к. (1840 г.) моск. акад., до 1849 г. препод. симбир. сем., съ 1849 г. въ Москвѣ, помощн. А В. Горскаго по описанію рукописей моск. синод. библіотеки. К. И. Нев—въ, замѣчательный, выдающійся археологъ, поражалъ оригинальностью своей наружности и привычекъ. Напр., онъ не признавалъ, подобно м. Филарету, желѣзной дороги и направлялся изъ Москвы въ Посадъ, къ своему другу А. В. Гор—му, пѣшкомъ, на подобіе странника, съ котоммою за плечами и съ посохомъ въ рукахъ. М. Филаретъ пріѣзжалъ въ Лавру также не по желѣзной дорогѣ, а въ экипажѣ. У своихъ сослуживцевъ я встрѣчался еще съ А. Е. Викторовымъ (орлов., кандид. XVII к. 1850 г. моск. акад.), также извѣстнымъ московскимъ археологомъ. Н. К. Соколовъ познакомилъ меня съ проф. Моск. Унив. прот. Н. А. Сергіев-

скимъ и съ своимъ братомъ прот. А. К. Соколовымъ (6-й маг. XIII к. 1842 г. Моск. акад., первый бакк. ц. археол. до 1854 г.). Живо помню двухъ его сыновей учившихся тогда въ московской семинаріи, въ томъ числѣ В. А. Соколова, впослѣдствіи талантливаго, краснорѣчиваго профессора Московской Академіи. В. Н. Потаповъ познакомилъ меня съ своимъ зятемъ, прот. Василіемъ Петровичемъ Нечаевымъ († пр. Виссаріонъ, еп. костромской, 3-й маг. XVI к. 1848 г. моск. акад.), тогда настоятелемъ одной изъ замоскворѣцкахъ церквей и редакторомъ «Душеполезнаго Чтенія». У проф. С. К. Смирнова познакомился съ его товарищемъ по студенчеству и свойкомъ, прот. Ипп. Мих. Богословскимъ-Платоновымъ (1-й маг. XIV к. 1844 г. моск. акад., до 1850 г. бакк. логики и истор. средн. и нов. философ.), очень почитаемымъ въ Москвѣ и распространеннымъ среди московской аристократіи и наконецъ съ ихъ общимъ товарищемъ по студенчеству, прот. Вас. Ив. Романовскимъ (19-й маг. того же XIV курса), очень оригинальною личностью.

Москва всегда отличалась хлѣбосольствомъ и широкимъ гостепріимствомъ, что пришлось испытать и мнѣ при посѣщеніяхъ моихъ московскихъ знакомыхъ. Но рекордъ въ этомъ отношеніи, какъ говорятъ нынѣ, побилъ о. прот. В. И. Романовскій. Нѣсколько разъ видѣлся съ нимъ у проф. С. К. Смирнова. Но вотъ однажды ѣду въ Москву и встрѣчаюсь съ нимъ на вокзалѣ. «Куда ѣдешь и зачѣмъ?», спрашиваетъ меня, обращаясь почему-то ко мнѣ на «ты», хотя мы не пили съ нимъ такъ называемаго «брудершафта». Въ Москву, чтобы, провѣтриться. «Гдѣ остановишься»? Въ гостинницѣ, отвѣчаю. «Вотъ какой вздоръ, глупости, ѣдемъ ко мнѣ». Не смотря на мой деликатный отказъ, онъ увезъ таки меня въ собственномъ экипажѣ, на парѣ, и привезъ въ свой домъ, въ Замоскворѣчьѣ, возлѣ Пятницкой церкви, при которой былъ настоятелемъ. Послѣ осмотра дома, началъ (не смотря на то, что было раннее утро) усиленно и, можно сказать, насильно угощать меня виномъ; отказаться не было никакой возможности и кончилось тѣмъ, что мнѣ сдѣлалось дурно. Вечеромъ отправилъ насъ съ сыномъ въ театръ, изъ театра позвалъ насъ, чрезъ прислугу, пить чай и закусить въ домъ одного богатаго купца, въ томъ же Замоскворѣчьѣ (Рыб—на), гдѣ находился самъ, чувствуя себя здѣсь какъ дома и обращаясь со всѣми безъ всякой церемоніи. По пріѣздѣ домой, началъ сватать мнѣ дочь этого

купца. Какъ ни былъ я благодаренъ о. протоіерею за его болѣе чѣмъ радушный пріемъ, но испытать его въ другой разъ не рѣшился. Вообще о. В. И. Р. былъ рѣдкій типъ широкой русской натуры въ рясѣ. Онъ пользовался большою популярностью у московскихъ купцовъ, въ особенности желѣзнодорожныхъ строителей и подрядчиковъ, вродѣ Губонина, и называлъ себя въ шутку желѣзнодорожнымъ архіереемъ, совершая освященіе мостовъ, вокзаловъ и т. п. Какъ самъ называлъ себя всегда полуименемъ, такъ звали его и другіе. Разсказывали, что онъ велъ широкую жизнь еще въ студенчествѣ, получивъ довольно большое наслѣдство отъ родителей. Былъ высокаго роста, очень видной наружности и атлетическаго сложенія.

Всѣ мы очень любили ѣздить въ Москву. Эти поѣздки доставляли много удовольствія и были очень полезны въ смыслѣ освѣженія и отдыха послѣ усиленныхъ трудовъ, въ особенности для молодыхъ баккалавровъ, составлявшихъ первый двухлѣтній курсъ лекцій. Къ сожалѣнію, скудость матеріальныхъ средствъ препятствовала возможно чаще доставлять себѣ это удовольствіе. Изъ 35 р. жалованья истратить 10 р. на поѣздку въ Москву значило лишить себя возможности сдѣлать потомъ хотя бы самый незначительный расходъ, напримѣръ для обновленія и ремонта костюма, да и помимо того, и безъ этихъ тратъ, являлось крайне трудно разрѣшимою задачею прожить, безъ дефицита и займа, мѣсяцъ на оставшіеся 25 р.—при платѣ ежедневно за столъ 1 р., да еще при неизбѣжномъ расходѣ на чай, сахаръ, табакъ (увы! я началъ курить). Правда, къ концу 1865 г. послѣдовала, благодаря митр. Филарету, прибавка жалованья баккалавру къ прежнимъ 429 р. еще 271 (=700 р.) изъ суммъ московской каѳедры,—первый примѣръ, которому послѣдовали и другія каѳедры: несомнѣнно петербургкая и вѣроятно кіевская, а можетъ быть и казанская. И еще лично для меня, съ 6 сент. 1866 г., денежныя средства увеличились на 10 р. въ мѣсяцъ съ назначеніемъ меня на должность помощника инспектора академіи (128 р. 70 к. въ годъ). Но это было уже черезъ два слишкомъ года послѣ начала службы, да и эти новыя средства, около 58 р. въ мѣсяцъ, требовали большой сдержанности и осмотрительности въ тратахъ на экстренные расходы, вродѣ поѣздокъ въ Москву. А потому я былъ счастливъ, если у кого-либо изъ моихъ московскихъ знакомыхъ находилъ себѣ пріютъ, при посѣщеніи

Москвы, и былъ избавленъ отъ тратъ на наемъ номера въ гостинницѣ, къ чему все-таки нерѣдко долженъ былъ прибѣгать, чтобы не обременять собою московскихъ друзей и добрыхъ знакомыхъ. Въ особенности часто останавливался у одного почтеннаго московскаго діакона И. Г. Богоявленскаго, близкаго родственника м. Филарета. Сынъ этого о. діакона К. И. Богоявленскій (впослѣдствіи старшій зять проф. С. К. Смирнова, былъ настоятелемъ ц. Василія Блаженнаго, 14-й маг. XXIV к. 1864 г. моск. акад.) былъ моимъ слушателемъ по академіи. Кстати, этотъ отецъ діаконъ разсказывалъ мнѣ о томъ, какимъ блестящимъ наставникомъ, кажется по Св. Писанію, былъ у нихъ въ московской семинаріи митр. Исидоръ (Никольскій), въ бытность его архим. ректоромъ московской семинаріи, а его, о. діакона,—ученикомъ. Мы, ученики, говорилъ онъ, слушали своего ректора, можно сказать, затаивъ дыханіе и крайне были недовольны, когда слышали звонокъ къ выходу изъ класса. Архиман. Исидоръ часто, однако, засиживался въ классѣ и послѣ звонка и уходилъ только тогда, когда являлся другой наставникъ давать слѣдующій урокъ. «Почему у васъ въ Петербургѣ митр. Исидоръ оказался такимъ... (кажется, прибавилъ мой собесѣдникъ) безцвѣтнымъ?» Не знаю, что отвѣчалъ ему тогда, а теперь сказалъ бы, что такимъ его сдѣлали: Петербургъ, имѣющій несчастное свойство обезцвѣчивать личности, затѣмъ традиціи исторіи синодальнаго періода (вродѣ высылки изъ Петербурга двухъ Филаретовъ московскаго и кіевскаго, что очень помнилъ мудрый и осторожный м. Исидоръ и о чемъ какъ-то разъ прямо заявилъ нашему петербургскому ректору, о. І. Л. Янышеву) и наконецъ личность м. Филарета, который былъ главнымъ заправителемъ нашей церховной жизни и безъ котораго у насъ тогда ничего не дѣлалось. Мудрый петербургскій святитель, м. Исидоръ, если хотѣлъ чего-либо достигнуть, дѣйствовалъ чрезъ глубоко имъ чтимаго м. Филарета, самъ оставаясь въ тѣни. У о. діакона И. Г. Б—го познакомился съ очень интересною и уважаемою въ Москвѣ личностью, съ настоятелемъ церкви, при которой служилъ о. діаконъ, съ протоіереемъ церкви Никиты мученика въ Басманной, Пл. Ив. Капустинымъ (2-й маг. XII к. 1840 г. моск. акад., 1840—преп. тобольск. сем., 1842—бакк. филос., 1844 — математики, 1850 — свящ. и прот. ц. Ник. муч.). Этотъ о. протоіерей считался не только очень умнымъ человѣкомъ, но и большимъ знатокомъ и любителемъ физики.

Онъ былъ, если не ошибаюсь, роднымъ братомъ извѣстнаго настоятеля нашей палестинской миссіи, знаменитаго архим. Антонина.

Троице-Сергіевъ Посадъ, прекрасное мѣсто для серьезныхъ ученыхъ занятій, былъ, однако, очень скученъ въ часы отдохновенія отъ нихъ, въ особенности для молодежи. Мы молодые положительно не знали куда дѣваться въ свободное отъ занятій время. Негдѣ было даже погулять; во всемъ Посадѣ совсѣмъ не имѣлось тротуаровъ, приходилось совершать прогулки по немногимъ грязнымъ или пыльнымъ улицамъ: Переславской, Виѳанской или около вокзала желѣзной дороги. Крошечнымъ бульваромъ возлѣ монастырской стѣны, близъ входа въ главныя, святыя ворота, завладѣли студенты, которые стѣсняли насъ, сами однако, какъ выше замѣчено, нисколько не стѣсняясь отъ встрѣчи съ нами. Приходилось для прогулокъ избирать даже монастырскія стѣны, на верху которыхъ были довольно широкіе проходные корридоры, или же топтаться въ маленькомъ академическомъ саду. Въ этомъ саду нерѣдко можно было встрѣтить и о. ректора, обычно здѣсь прогуливавшагося. Памятна мнѣ одна такая встрѣча, по одному съ нимъ разговору. «Знаете ли, говоритъ А. В., есть книжная новинка: вышло въ свѣтъ Догм. Богословіе пр. Филарета Черниговскаго» (1864 г.). Какъ вы его находите, рѣшился я спросить о. ректора. «Да что сказать вамъ. Была у насъ догматика католическая (пр. Макарія Булгакова), теперь явилась—протестантская, а православной все-таки нѣтъ». Вѣроятно о. А. В. Горскій словами «католическая» и «протестантская» хотѣлъ обозначить не довольно полную самостоятельность указанныхъ имъ догматикъ нѣкоторую зависимость авторовъ отъ западныхъ пособій и образцовъ не только относительно матеріала, но и относительно метода изложенія, но конечно не имѣлъ намѣренія набросить тѣнь на сущность догматическихъ воззрѣній нашихъ православныхъ догматистовъ. Такъ я понялъ его тогда, а потомъ и самъ въ свое время убѣдился въ справедливости такой, хотя и очень рѣзкой характеристики. Лучше бы, однако, выразиться такъ: одна «католичествующая», другая «протестанствующая»...

Послѣдній четвертый годъ (1866—1867) моей службы въ Московской Академіи, кромѣ обычныхъ занятій по составленію новыхъ лекцій, исправленію и дополненію старыхъ, прошелъ въ попыткахъ устроить себѣ семейную жизнь, не-

достатокъ которой почувствованъ былъ теперь особенно сильно. Гнетущей ежеминутной заботы о составленіи лекцій, благодаря составленному двугодичному курсу, не было, а потому оставалось болѣе, чѣмъ прежде, свободнаго времени подумать о себѣ, о прочномъ устройствѣ своей жизни на выпавшемъ на мою долю и симпатичномъ для меня поприщѣ службы.

Хотя Троице-Сергіевъ Посадъ, незавиднымъ своимъ мѣстоположеніемъ и скучнымъ складомъ крайне однообразной жизни, не удовлетворялъ человѣка, выросшаго въ такомъ выдающемся красотою городѣ, какъ Нижній, и проведшаго 4 года среди чрезвычайнаго оживленія петербургской жизни 60-хъ годовъ, но, думалось мнѣ, стоитъ породниться съ Москвою чрезъ женитьбу, и Москва восполнитъ мнѣ то, чего не достаетъ въ Посадѣ. Первопрестольная же, сразу привлекшая къ себѣ, еще при проѣздѣ въ Петербургъ для поступленія въ академію, стала мнѣ нравиться все болѣе и болѣе, среди нерѣдкихъ ея посѣщеній изъ Посада, удовлетворяя и эстетическимъ моимъ потребностямъ и тяготѣнію къ умственнымъ и общественнымъ движеніямъ. А потому я рѣшилъ жениться непремѣнно на москвичкѣ. Нашлись и люди, которые охотно взялись устроить меня въ этомъ отношеніи. И былъ одинъ моментъ, когда мнѣ казалось, что всѣ мои предположенія и планы осуществились. Но какъ-то совершенно все разстроилось [1]). А затѣмъ случилось со мною нѣчто совершенно не-

---

[1]) Задумалъ я взять себѣ подругу жизни въ семействѣ одного изъ самыхъ почтенныхъ московскихъ протоіереевъ и хотя не сдѣлалъ еще предложенія моей избранницѣ, но былъ принятъ въ семействѣ и имѣлъ полное основаніе думать, что не встрѣчу отказа ни съ ея стороны, ни со стороны ея родителей. Дѣло настолько уже подвинулось, что выписалъ мою мать изъ Нижняго въ Посадъ, чтобы получить отъ нея благословеніе на женитьбу. Мать пріѣхала, видѣла мою невѣсту, но послѣдняя ей не совсѣмъ понравилась... Тѣмъ не менѣе благословеніе матери было получено и проводивъ ее до Москвы, а въ Москвѣ—на нижегородскую желѣзную дорогу, я въ тотъ же вечеръ отправился къ своей невѣстѣ съ рѣшительнымъ намѣреніемъ сдѣлать ей предложеніе, но такъ его и не сдѣлалъ... Что-то помѣшало, слова ли матери,—или недостатокъ собственнаго влеченія къ будущей моей подругѣ, очень умной, прекрасно образованной, симпатичной. Вѣроятно, и то и другое. Такъ это дѣло и разстроилось. Послѣдствія имѣли огромное значеніе для всей моей жизни и службы. Въ упомянутый вечеръ рушились всѣ мои планы относительно Посада и Москвы и по истинѣ этотъ день имѣлъ роковое вліяніе на мою судьбу.

ожиданное и далеко необыкновенное. При чемъ невольно приходишь къ мысли, что пути нашей жизни направляются не нами, а Тѣмъ, Кто ведетъ насъ къ намѣченной Имъ цѣли нашей жизни. Вскорѣ послѣ несостоявшагося московскаго сватовства мнѣ сдѣлано предложеніе [1]) познакомиться съ семействомъ протоіерея и настоятеля нашей Парижской посольской церкви, о. Іосифа Васильевича Васильева, имѣющаго пріѣхать, съ двумя изъ своихъ дочерей, въ Петербургъ въ концѣ 1866 года. Совершенно не вѣря въ возможность такой необычайной женитьбы, больше для развлеченія и разсѣянія томившей меня скуки, рѣшился, однако, поѣхать въ Петербургъ, для свиданія съ почтеннымъ семействомъ парижскаго протоіерея. Взялъ на 14 дней отпускъ и пріѣхалъ въ Петербургъ въ началѣ октября, въ самый день въѣзда туда датской принцесы Дагмары, невѣсты тогдашняго Государя Наслѣдника Александра Александровича, нынѣшней Императрицы Маріи Өеодоровны. Гостинницы были переполнены, и я едва нашелъ мѣсто въ одной изъ нихъ и, удивительное дѣло, — въ той самой (противъ Казанскаго Собора), въ которую мы втроемъ были привезены 7 лѣтъ тому назадъ извозчикомъ съ Николаевскаго вокзала, при пріѣздѣ въ первый разъ въ Петербургъ для поступленія въ академію. Петербургъ видимо началъ влечь меня къ себѣ послѣ трехлѣтняго моего удаленія. Недолго продолжалось мое сватовство,—чрезъ недѣлю послѣ перваго моего свиданія съ невѣстой, мы были обручены. Вскорѣ

[1]) Предложеніе это сдѣлано было чрезъ бывшаго моего товарища по семинаріи, П. И. Покровскаго, тогда доктора одной изъ московскихъ больницъ, шурина свящ. П. И. Раева (тогдашняго ректора спб. семинаріи, архим. Палладія, † спб. митроп.). Въ бытность свою въ Петербургѣ, П. И. Покровскій, въ разговорѣ съ о. Палладіемъ, упомянулъ о мнѣ, какъ землякѣ, служащемъ въ Моск. Академіи, и сообщилъ о моемъ намѣреніи жениться, а равно и о томъ, что дѣло это почему-то не налаживается. Архим. Палладій въ свою очередь передалъ объ этомъ разговорѣ своему товарищу по семинаріи, свящ. церкви спб. Смоленскаго кладбища П. А. Матвѣевскому, также нашему общему земляку по семинаріи. О. же Матвѣевскій, слыша отъ о. Палладія хорошіе отзывы о мнѣ и о всемъ моемъ семействѣ, которое послѣдній прекрасно зналъ, задумалъ предложить меня въ женихи многосемейному своему свояку, прот. Парижской посольской церкви о. І. В. Васильеву, для одной изъ шести его дочерей. Возникла по этому поводу переписка между мной, док. П. И. Покровскимъ и о. архим. Палладіемъ. Произошелъ обмѣнъ фотографическихъ карточекъ—моей и невѣсты, старшей дочери о. Васильева, Софіи Іосифовны Васильевой.

я уѣхалъ въ Посадъ продолжать чтеніе лекцій до Рождественскихъ каникулъ, а семейство будущаго моего тестя осталось пока въ Петербургѣ, въ квартирѣ старшаго свояка о. Васильева, протоіерея В. П. Полисадова, проф. спб. университета и настоятеля Петропавловскаго собора. Рѣшено было сыграть свадьбу въ Парижѣ, куда всѣ Васильевы, гостившіе въ Петербургѣ, должны были, вмѣстѣ со мною, отправиться, въ концѣ декабря 1866 г., предъ самымъ праздникомъ Рождества Христова. Когда настало это время, взялъ я официальное разрѣшеніе на вступленіе въ бракъ и отпускъ на 28 дней на заграничную поѣздку. Кромѣ того, долженъ былъ явиться къ м. Филарету, чтобы лично получить отъ него благословеніе. Митрополитъ принялъ меня очень благосклонно. Когда хотѣлъ, онъ умѣлъ быть привѣтливымъ и даже любезнымъ. Съ улыбкою на лицѣ, выразивъ удивленіе, что я не могъ найти себѣ невѣсту въ Москвѣ и долженъ былъ искать ее такъ далеко, м. Филаретъ, благословляя меня, въ заключеніе произнесъ слѣдующія памятныя слова, врѣзавшіяся въ память съ буквальною точностью: «*передайте отъ меня почтеніе о. протоіерею*» (т. е. о. І. В. Васильеву). Онъ прекрасно зналъ о. Васильева и очень его уважалъ, что неудивительно послѣ знаменитыхъ писемъ о. І. В. къ нантскому епископу и постройки русскаго православнаго храма въ Парижѣ. Эта постройка заставила о. І. В. В. нѣсколько разъ ѣздить въ Москву и Нижній отчасти для сбора пожертвованій на построеніе храма. отчасти по поводу освященія—построеннаго уже храма—однимъ изъ нашихъ епископовъ, при чемъ приходилось вести продолжительныя бесѣды съ м. Филаретомъ, чтобы получить отъ него на то согласіе. Отъ согласія м. Филарета зависѣлъ благополучный исходъ ходатайства предъ Св. Синодомъ, какъ это было во всѣхъ сколько-нибудь выдающихся дѣлахъ.

По пріѣздѣ въ Петербургъ тотчасъ же отправились заграницу. Ѣхали вшестеромъ [1]). Проѣзжая черезъ Кельнъ, успѣли осмотрѣть тамошній знаменитый соборъ, чудо готиче-

[1]) Самъ прот. І. В. Васильевъ, его супруга Анна Ѳеимовна, моя невѣста Софія Іосифовна, ея сестра Надежда Іосифовна, нынѣ супруга настоятеля нашей русской церкви во Флоренціи, прот. В. И. Левицкаго, и 8-ми мѣсячный братъ ихъ—С. І. Васильевъ, нынѣ членъ спб. Окружнаго Суда.

скаго стиля. Здѣсь о. I. В. В—въ обратилъ мое вниманіе на одно барельефное изображеніе св. крещенія—чрезъ погруженіе. Пріѣхали въ Парижъ 23 дек. Послѣ святокъ, 18 янв. 1866 г., состоялось наше бракосочетаніе въ великолѣпномъ нашемъ парижскомъ храмѣ, при пѣніи прекраснаго хора изъ французскихъ оперныхъ пѣвцовъ, въ присутствіи всей, тогда очень знатной русской колоніи, во главѣ съ тогдашнимъ русскимъ посломъ, барономъ Будбергомъ [1]). Вѣнчалъ насъ самъ о. прот. I. В. В. Васильевъ. Стеченіе публики на свадьбу было такъ велико, что каретами русской знати была запружена даже часть ближайшей къ русской церкви улицы—Faubourg St. Honoré. А громкая извѣстность русскаго митрофорнаго протоіерея въ Парижѣ сдѣлала то, что французскія газеты не преминули описать бракосочетаніе одной изъ дочерей русскаго «епископа» (evêque) съ проф. Московской Академіи Mr Katansky, при чемъ даже перечислили многочисленные свадебные подарки, полученные новобрачною отъ русскихъ знатныхъ лицъ. Послѣ свадьбы, двумя знатнѣйшими изъ нихъ, свѣтл. кн. Чернышевою и фельдмаршаломъ кн. Барятинскимъ были даны новобрачнымъ свадебные обѣды. Въ особенности остался памятнымъ обѣдъ у кн. Барятинскаго. Этотъ покоритель Кавказа, въ то время прикованный сильнѣйшею подагрою къ креслу, показывалъ намъ, между прочимъ, великолѣпную, усыпанную крупными бриллiантами саблю, Высочайшій подарокъ за покореніе Кавказа.

До свадьбы о. I. В. Васильевъ знакомилъ меня съ Парижемъ и его достопримѣчательностями. Были мы въ парижскомъ каѳедральномъ соборѣ Notre Dame, въ ризницѣ котораго находится нѣсколько предметовъ изъ нашей русской церковной утвари, взятыхъ французскими войсками во время крымской войны. Здѣсь поразилъ меня французъ служитель, показывавшій намъ эту ризницу. Онъ ораторствовалъ съ та-

---

[1]) Изъ наиболѣе значительныхъ лицъ были: гр. Муравьевъ Амурскій съ супругою (близкій другъ о. Васильева), свѣтлѣйшая кн. Чернышева, княг. Барятинская (супруга кн. Барятинскаго, по болѣзни не присутствовавшаго на бракосочетаніи), кн. Ипсиланти, кн. Кочубей, графиня Радзивиллъ (представит. гр. Киселева, не присутствовавшаго лично по болѣзни), кн. Оболенскій съ супругою, гр. Самойлова, княжна Мещерская (впослѣдствіи Демидова Санъ-Донато), генер. Чертковъ, генер. Новицкій съ супругою (зять гр. Адлербергъ, мой посаженый отецъ) и мн. др.

кимъ необыкновеннымъ краснорѣчіемъ и жаромъ, точно ему пришлось говорить намъ первымъ. Мой спутникъ и руководитель объяснилъ мнѣ, что означенный служитель не составляетъ исключенія изъ общаго правила, что всѣ французы большіе ораторы, что какой-нибудь уличный продавецъ, напр., карандашей, говоритъ большія патетическія рѣчи собравшейся вокругъ него публикѣ, рекомендуя свой товаръ. Посѣтили мы Пантеонъ, съ необыкновенно широкимъ видомъ на весь Парижъ,—съ рѣшетки вокругъ его купола, и съ замѣчательною статуею Вольтера, въ его подземельѣ, церковь св. Женевьевы, ц. Инвалидовъ (съ гробницею Наполеона I), Клюни и мн. др. Въ Клюни, въ этомъ музеѣ французскихъ древностей, меня поразили въ особенности французскія иконы XII в., чисто византійскаго стиля.

Парижъ, съ его легкими изящными зданіями, веселыми бульварами, необыкновенною чистотою [1]), крайнею оживленностью уличной жизни, изысканною любезностью, привѣтливостью и веселостью парижанъ, прекраснымъ климатомъ (хотя въ тотъ годъ, въ январѣ мѣсяцѣ, были порядочные морозы, до 10 и болѣе град.) прямо очаровалъ меня. И неудивительно: изъ болѣе, чѣмъ скромнаго русскаго Посада попалъ я точно въ волшебное царство изящества, красоты, веселья, въ центръ утонченной европейской цивилизаціи. Было отъ чего закружиться головѣ и естественно являлось желаніе остаться здѣсь навсегда, или по крайней мѣрѣ потомъ, со временемъ, перейти сюда чрезъ заграничную службу гдѣ-либо въ другомъ мѣстѣ, въ санѣ священника, къ чему представлялась полная возможность. Эту комбинацію и предлагалъ мнѣ мой тесть, человѣкъ очень вліятельный и имѣвшій большія связи и въ духовномъ мірѣ и въ свѣтскомъ высшемъ обществѣ. Искушеніе было великое. Тѣмъ не менѣе, мнѣ удалось побѣдить его. Помогли мнѣ въ этомъ случаѣ: мое увлеченіе академическою службою и отчасти укоренившееся во мнѣ сознаніе моей непригодности къ служенію въ священномъ санѣ [2]), не говоря уже объ упо-

[1]) Не нужно забывать, что это было при Наполеонѣ III, въ эпоху самаго блестящаго состоянія французской столицы. Черезъ 20 лѣтъ, въ 1886 г., уже при республикѣ, когда мы съ женою снова посѣтили Парижъ, картина получилась другая: не было уже такой чистоты въ городѣ, да и характеръ парижанъ довольно рѣзко измѣнился къ худшему.

[2]) Недостатокъ представительной наружности, а главное слабость голоса и неумѣнье пѣть, вслѣдствіе совершеннаго отсутствія музыкаль-

мянутыхъ (гл. I) моихъ взглядахъ на высоту пастырскаго служенія. Вотъ почему, скрѣпя сердце, долженъ былъ оставить Парижъ, безъ всякой надежды когда-нибудь въ него возвратиться и вообще служить заграницей, въ составѣ нашего русскаго заграничнаго духовенства. Вернулись мы новобрачные сначала въ Петербургъ [1]), а потомъ въ Москву и Посадъ, явились къ назначенному сроку (6 февр.), наняли себѣ квартиру на Переславской улицѣ (за 200 р. въ годъ, цѣлый этажъ довольно большаго дома), и зажилъ я, наконецъ, семейной жизнью. Жалованья было тогда, благодаря милости м. Филарета [2]), по должности баккалавра 700 р., да еще 128 р. по должности помощника инспектора, и къ концу службы въ Моск. Акад. (съ 14 мая 1867 г.) квартирнаго пособія 120 р., такъ что можно было жить довольно безбѣдно,—при нетребовательности моей молодой супруги. Нужно замѣтить, что переѣздъ изъ блестящей міровой столицы въ скромную русскую деревню она перенесла, къ удивленію, очень благодушно. Въ этомъ случаѣ, кромѣ серьезнаго домашняго воспитанія, сказались, вѣроятно,—несоизмѣримость такихъ величинъ, какъ Парижъ и Посадъ, невозможность ихъ сопоставленія, подобно тому, какъ какому-нибудь путешественнику изъ цивилизованнаго міра въ страны, совершенно нетронутыя культурой, не приходитъ даже и въ голову сопоставлять, сравнивать несравнимое. Многое заинтересовывало мою молодую жену своею необычайностью, каково, напримѣръ, зрѣлище огромныхъ горъ снѣга очень суровой, снѣжной зимы 1867 года.

Въ этотъ четвертый и послѣдній годъ службы въ Московской Академіи, XXVI-му (1864—1868 г.) ея курсу [3]), читалъ

наго слуха (во всю мою жизнь я не могъ взять вѣрно ни одной ноты),—все это очень живо чувствовалось и отклоняло отъ принятія священства.

[1]) Въ Петербургъ изъ Парижа я отправленъ былъ, между прочимъ, курьеромъ съ депешами въ министерство иностранныхъ дѣлъ,—благодаря любезности парижскаго посла бар. Будберга, конечно, не ко мнѣ, а къ моему тестю. Курьерскихъ мнѣ было выдано 1,000 франковъ.

[2]) Моск. акад., какъ замѣчено выше, шла въ этомъ отношеніи впереди другихъ академій. Въ ней первой, по милости незабвеннаго митр. Филарета, совершилась прибавка къ казенному жалованью, „изъ неокладныхъ суммъ московской каѳедры“: орд. проф. вмѣсто 858—1200 р., экстр. проф., вмѣсто 429 р.,—900 р., баккал., вмѣсто 429 р.,—700 р. См. С. К. Смирнова—„Истор. моск. акад. до ея преобраз.“, стр. 344—345.

[3]) Въ этомъ курсѣ моими слушателями были, между прочимъ, мой преемникъ по каѳедрѣ, И. Д. Мансветовъ (1-й маг.), Н. Елеонскій (2-й маг.,

отдѣлы о внѣшнемъ, съ архитектурной стороны, и внутреннемъ устройствѣ храма и о священныхъ изображеніяхъ—церковной иконографіи.

Къ концу учебнаго года 186⁷/₈, по обычаю, былъ публичный экзаменъ, на которомъ въ первый день (по главнымъ предметамъ) присутствовалъ самъ м. Филаретъ, а во второй (по второстепеннымъ)—пр. Савва, тогдашній московскій викарій. Послѣ экзаменовъ были обычные два обѣда, первый—у митрополита въ его лаврскихъ покояхъ, второй—у ректора въ его помѣщеніи, а затѣмъ слѣдовали два обѣда въ виѳанской семинаріи.

По окончаніи экзаменовъ и всѣхъ учебныхъ дѣлъ потянуло насъ снова заграницу. Въ этотъ годъ, лѣтомъ 1867 г., въ Парижѣ была всемірная выставка. Въ этотъ же годъ и именно весной устроилось назначеніе моего тестя, прот. І. В. Васильева, въ предсѣдатели вновь учрежденнаго Учебнаго Комитета при Св. Синодѣ, вмѣсто прежняго духовно-учебнаго управленія. Предстоялъ переѣздъ всего его семейства изъ Парижа на постоянное жительство въ Петербургъ, послѣ 21 года пребыванія заграницей. Трудно было противостоять искушенію снова повидать очаровавшій меня городъ, да сверхъ того побывать на всемірной выставкѣ, а молодой моей женѣ проститься съ мѣстомъ ея родины и всей дѣвической жизни, до самаго замужества. На половину удешевленные билеты спеціальныхъ поѣздовъ (train de plaisir), по случаю всемірной выставки, дѣлали наше предпріятіе удобоисполнимымъ и съ денежной стороны. Получивъ изъ Парижа прогоны, мы съ радостью покатили заграницу.

Моя женитьба естественно потянула меня въ Петербургъ. Не будь этого обстоятельства, я окончательно осѣлъ бы въ Московской Академіи, тяготѣя къ милой издавна моему сердцу Москвѣ. Одновременно со мною потянуло изъ Посада и ближайшаго моего друга проф. Н. К. Соколова. Ему предложено было занять въ Московскомъ Университетѣ каѳедру церковнаго права [1]) и его выходъ изъ академіи, въ 1867 г., совершенно совпалъ съ моимъ выходомъ.

впослѣдствіи протоіерей проф. моск. университета), П. И. Цвѣтковъ (6-й маг., впослѣдствіи проф. москов. акад. по латинскому языку).

[1]) Потянула его туда вліятельная въ то время на юридическомъ факультетѣ кучка профессоровъ: Чичеринъ, Капустинъ и Дмитріевъ. Посредникомъ былъ проф. Капустинъ, который обратился къ Н. К. С—ву

Еще на каникулахъ, въ то время, когда мы гостили въ Парижѣ, намъ сдѣлалось извѣстнымъ, что переводятъ меня въ Петербургскую Академію на каѳедру догматическаго богословія, помощникомъ тогдашнему экстраординарному профессору и инспектору архим. Хрисанѳу (Ретивцеву), совмѣщавшему въ своемъ лицѣ преподавателя и основнаго и догматическаго богословій. Это назначеніе состоялось 30 іюня 1867 года.

Такъ моя судьба снова привела меня въ Петербургъ, но предварительно провела чрезъ строгую Филаретовскую школу, чрезъ полную ученыхъ традицій высокочтимую Московскую Академію, поставивъ подъ ближайшее руководство великаго ученаго, незамѣнимаго научнаго руководителя и въ особенномъ смыслѣ «отца» ректора, прот. А. В. Горскаго. Московская Академія была поистинѣ второю моею матерью, довершившею мое образованіе, какъ академическаго преподавателя. Она направляла и укрѣпляла мои первые, еще нетвердые

съ означеннымъ предложеніемъ и все время велъ съ нимъ переговоры. Впрочемъ, дѣло это наладилось не вдругъ. Профессоры университета долго торговались относительно признанія степени магистра богословія достаточною для занятія въ университетѣ профессорской каѳедры по церковному праву. Предлагали Н. К. то сдать экзаменъ на университетскаго магистра, то представить диссертацію на степень доктора юридическихъ наукъ, обѣщая оказать съ своей стороны, при полученіи этой степени, всевозможное снисхожденіе. Но Н. К. С—въ твердо стоялъ на томъ, чтобы (если они желаютъ имѣть его своимъ профессоромъ) признали степень магистра богословія достаточною для званія экстраординарнаго и даже ординарнаго профессора моск. университета и чтобы дали ему формальное въ этомъ удостовѣреніе. Въ концѣ концовъ онъ взялъ верхъ и поступилъ въ университетъ въ званіи экстраорд. проф. Впослѣдствіи онъ былъ ординарнымъ проф. Представилъ ли онъ докторскую диссертацію потомъ, состоя уже на службѣ университета, мнѣ неизвѣстно. Вѣроятно, нѣтъ, судя по тому, что онъ говорилъ, когда ему предлагали, по снисхожденію, дать степень доктора, при переходѣ изъ академіи въ университетъ. „Какой я докторъ юридическихъ наукъ, мнѣ стыдно носить это званіе, когда я сознаю, что не имѣю на него права". Вотъ подлинныя его слова. Единственную уступку настойчивости профессоровъ юристовъ онъ сдѣлалъ, представивъ, вродѣ какъ бы диссертацію pro venia legendi, небольшой трудъ по какому-то предмету, близкому къ области юридическихъ наукъ. Темы этой диссертаціи не помню. Вся эта исторія дѣлаетъ большую честь стойкости Н. К. Соколова въ отстаиваніи правъ нашихъ богословскихъ ученыхъ степеней. Не то было въ с.-петерб. универс. съ М. И. Горчаковымъ, котораго заставили и онъ согласился выдержать всѣ экзамены на университетскія степени: кандидата, магистра и доктора и представить соотвѣтствующія диссертаціи.

шаги на ученомъ поприщѣ. Проведенные въ ней годы были для меня важнѣе, чѣмъ всякое заграничное путешествіе. И если впослѣдствіи мнѣ удалось совершить нѣчто не совершенно безполезное для богословской науки, то этимъ, безспорно, во многомъ обязанъ тому закалу и направленію, которые я получилъ въ русскомъ Оксфордѣ.

Считаю себя крайне счастливымъ, что удалось дожить до 100-лѣтняго юбилея (1 окт. 1914 г.) дорогой Московской Академіи, которой и посвящаю этотъ очеркъ (IV гл.) своихъ «Воспоминаній» въ знакъ глубоко почтительной и сердечно благодарной о ней памяти. Vivat Academia, vivant professores!

А. Катанскій.

Гатчина, 25 сент.,
1914 г.

Избраніе александрійскихъ патріарховъ въ XIX вѣкѣ.

Историческій очеркъ *).

ПРОТЕСТЪ патріарха Кирилла VII противъ назначенія блаженнѣйшимъ Іероѳеемъ своего діадоха оказался дѣйствительнымъ, и его блаженство при жизни своей не указалъ и не поставилъ преемника по престолу. Когда блаженнѣйшій Іероѳей скончался, то представители (οἱ τὰ πρῶτα φέροντες) христіанскаго общества въ Александріи и Каирѣ обратились къ Великой Христовой церкви съ сыновнимъ письмомъ отъ 9 января, въ которомъ сообщили о смерти своего патріарха, выразили желаніе о возможно скоромъ поставленіи для мѣстнаго православнаго общества соотвѣтствующаго предстоятеля, достойнаго діадоха скончавшемуся патріарху, дабы паства не оставалась лишенною духовнаго предстоятельства, соотвѣтственно постановленію священныхъ каноновъ, указывали трехъ своихъ кандидатовъ для замѣщенія александрійскаго престола, въ числѣ которыхъ былъ названъ и ѳессалоникскій митрополитъ Каллиникъ, и просили вселенскаго патріарха Кирилла и константинопольскій священный синодъ произвести каноническое избраніе новаго александрійскаго патріарха [248]). Значитъ, вопросъ объ избраніи преемника скончавшемуся патріарху Іероѳею опять получилъ традиціонную постановку, примѣнительно къ древней и священной прономіи александрійскаго престола, хотя и безъ формальнаго — со стороны блаженнѣйшаго Іероѳея — указанія его діадоха, но примѣнительно къ общему желанію клира и народа Александрійской

*) Продолженіе. См. октябрь.

[248]) Ἀ. Καλλίνικος Δελικάνης. II. 134. 135—136.

церкви, заявившихъ объ этомъ и въ особой своей просьбѣ предъ Великою Христовою церковію.

Сохранился и протоколъ объ избраніи въ Константинополѣ александрійскаго патріарха Каллиника. Великая Христова церковь,—говорится здѣсь,—являясь, по всемогущей силѣ Божіей, источникомъ различныхъ дарованій Духа, способна заботиться о всѣхъ и различными средствами помогать домостроительству и созиданію всякаго христіанскаго общества, а тѣмъ болѣе исполняетъ долгъ попечительности и въ отношеніи къ остальнымъ святѣйшимъ патріаршимъ престоламъ, восполняя ихъ нужды и сохраняя свойственное имъ устройство [249]). Поэтому вселенскій патріаршій престолъ получилъ въ удѣлъ древнее дѣло и прономію оказывать помощь нуждающимся. И такъ какъ патріаршій престолъ Александріи и всего Египта оказался безъ предстоятеля, вслѣдствіе переселенія ко Господу и водворенія въ небесныхъ обителяхъ патріарха Іероѳея,—о чемъ сообщили Церкви *тамошніе благочестивые клирики и іереи вмѣстѣ съ прокритами—христіанами, которые посредствомъ подписанныхъ и снабженныхъ печатью своихъ прошеній предоставили Церкви и избраніе и поставленіе законнаго діадоха вдовствующаго александрійскаго престола*,—то пребывающіе въ Константинополѣ архіереи, собравшись, по побужденію и разрѣшенію святѣйшаго патріарха Кирилла, въ патріаршемъ храмѣ св. великомученика Георгія Побѣдоносца и предложивши каноническіе голоса для отысканія и избранія достойнаго и соотвѣтствующаго лица, имѣющаго принять патріаршій жезлъ и духовное предстоятельство и управленіе александрійскаго патріаршаго престола, первымъ поставили высокопреосвященнаго и богоизбраннаго митрополита Ѳессалоники киръ Каллинника, вторымъ—Хрисанѳа и третьимъ—Ѳеофилакта, имена которыхъ и были записаны въ священномъ кодексѣ Великой Христовой церкви и прочее.

Протоколъ датированъ январемъ 1858 года, но изъ другого источника [250]) извѣстно, что избраніе блаженнѣйшаго Каллиника состоялось *26 января.* Протоколъ подписали ми-

---

[249]) τὰς χρείας αὐτῶν ἀναπληροῦσα καὶ τὸν οἰκεῖον διασώζουσα κόσμον (ibid., II, 132): въ этомъ заключается основной характеръ отношеній вселенской патріархіи къ остальнымъ патріаршимъ престоламъ.

[250]) Καλλίφρων, Ἐκκλησιαστικὸν Δελτίον, 152—153.

трополиты: Паисій ефесскій, Панаретъ ираклійскій, Іоакимъ кизикскій, Діонисій никомидійскій, Герасимъ халкидонскій, Герасимъ дерконскій, Неофитъ тырновскій, проедръ Дидимотиха Мелетій, Діонисій меленикскій и Паисій видинскій [251]).

Блаженнѣйшій Каллиникъ, во время избранія его на александрійскій престолъ, находился въ Θессалоникѣ. Поэтому патріархъ Кириллъ и священный синодъ 27 января 1858 г. обратились къ нему съ извѣстительнымъ посланіемъ о состоявшемся возведеніи его на александрійскую патріаршую каθедру. Въ этой грамотѣ сообщалось, что послѣ кончины александрійскаго патріарха Іероθея и наступившаго вдовства патріаршаго престола въ Египтѣ тамошніе кинoты благочестивыхъ христіанъ Александріи и Каира, т. е. священный клиръ и остальные члены православнаго народа, посредствомъ общихъ прошеній обратились къ Великой Христовой церкви, предлагая вмѣстѣ съ двумя другими и имя киръ Каллиника; и просили законнаго завершенія того, что въ церковномъ и гражданскомъ отношеніи касается поставленія новаго патріарха. Патріархъ Кириллъ и священный синодъ, обсудивши вопросъ, единодушно обратили вниманіе на блаженѣйшаго Каллиника, руководясь справедливыми основаніями, такъ какъ его блаженство владѣетъ обширнымъ опытомъ и имѣетъ боголюбезныя и достойныя удивленія добродѣтели, и поэтому нѣтъ никакого сомнѣнія въ томъ, что онъ богоугодно будетъ управлять дѣлами александрійскаго престола. И вотъ, состоялось уже каноническое голосованіе, съ предпочтеніемъ его имени, въ церковномъ кодексѣ протоколовъ это голосованіе было уже синодально подписано, а самое патріаршее поставленіе также было совершено съ призываніемъ и по благодати Всесвятаго и Тайносовершителя Духа. Кромѣ того, благосклонно было принято это избраніе и со стороны турецкаго правительства, отъ котораго уже послѣдовало высокое одобреніе и оцѣнка, а вмѣстѣ съ тѣмъ *былъ патріархомъ Кирилломъ испрошенъ и высокій царскій бератъ на имя блаженнѣйшаго Каллиника.*

Сообщая объ этомъ киръ Каллинику и поздравляя его посредствомъ излагаемаго письма, которое было препровождено ему съ спеціальнымъ церковнымъ экзархомъ, вторымъ діакономъ патріархіи Мелетіемъ, святѣйшій Кириллъ и члены свя-

---

[251]) Ἀ. Καλλίνικος Δεληκάνης, II, 132—133.

щеннаго константинопольскаго синода братски просили, чтобы блаженнѣйшій Каллиникъ принялъ состоявшееся, по божественному совѣту, рѣшеніе о немъ, съ готовностью предалъ себя церковному и гражданскому постановленію и достодолжному дѣянію о законномъ и каноническомъ поставленіи его на александрійскій патріаршій престолъ и поспѣшилъ прибыть въ Константинополь вмѣстѣ съ патріаршимъ экзархомъ, дабы при личномъ его участіи закончить обычныя дѣла и привѣтствовать другъ друга братскимъ лобзаніемъ о Христѣ, а затѣмъ, послѣ необходимаго приготовленія, блаженнѣйшій Каллиникъ можетъ отправиться по своему назначенію, для духовнаго управленія и предстоятельства ввѣренной ему новой разумной паствы и для руководительства александрійскимъ патріаршимъ престоломъ [252]).

31 января 1858 года патріархъ Кириллъ VII и священный синодъ константинопольской церкви обратились съ посланіемъ къ представителямъ православнаго общества въ Александріи и Каирѣ, въ отвѣтъ на извѣстное уже ихъ прошеніе отъ 9 января того же года. Это прошеніе было своевременно прочитано въ засѣданіи священнаго синода и произвело на всѣхъ благопріятное впечатлѣніе, вслѣдствіе заявленной—со стороны александрійской паствы—христіанской ревности и благочестивой попечительности о церковныхъ дѣлахъ, равно и въ силу христіанской ея преданности общей для всѣхъ православныхъ любвеобильной матери, святой Христовой церкви. Патріархъ и члены священнаго синода были изумлены благочестивыми и боголюбезными ихъ чувствами, хвалятъ любочестное ихъ настроеніе и отъ всей души вѣнчаютъ всѣхъ синодальными благословеніями и благопожеланіями.

Благосклонно принявши сыновнюю преданность представителей православныхъ кинотовъ въ Александріи и Каирѣ, патріархъ Кириллъ VII и члены священнаго синода Константинопольской церкви поспѣшили исполненіемъ всего того, что относится къ законному избранію и поставленію предстоятеля вдовствующаго александрійскаго патріаршаго престола. И послѣ каноническаго голосованія въ патріаршемъ храмѣ св. Георгія былъ одобренъ и всѣмъ кандидатамъ предпочтенъ митрополитъ Θессалоники киръ Каллиникъ, мужъ благочестивый и добродѣтельный, украшенный образованіемъ и разумомъ, отли-

[252]) Тамъ же, 133—135.

чающійся соотвѣтствующими, приличествующими архіерею воззрѣніями, достойный и заслуживающій высокаго патріаршаго сана. Сообщая александрійской паствѣ о возведеніи—посредствомъ каноническаго синодальнаго избранія—и о поставленіи его блаженства въ наслѣдованіи александрійскаго патріаршаго престола, святѣйшій Кириллъ и митрополиты сердечно поздравляли все православное общество съ пріобрѣтеніемъ такого пастыреначальника, соотвѣтственно горячему всѣхъ желанію, а въ заключеніи посланія выразили увѣренность, что александрійская паства съ душевнымъ удовольствіемъ приметъ эту радостную вѣсть и будетъ признательна общей матери, святой Христовой церкви [253]).

Однако, самъ блаженнѣйшій Каллиникъ былъ, повидимому неособенно доволенъ состоявшимся возведеніемъ его на александрійскій патріаршій престолъ. Вопреки приглашенію изъ Константинополя возможно скорѣе прибыть сюда, дабы, по устройствѣ своихъ дѣлъ, отправиться и къ новой своей паствѣ, патріархъ Каллиникъ не спѣшилъ пріѣздомъ въ Константинополь, а затѣмъ прислалъ святѣйшему Кириллу VII письмо, которое по своему содержанію и тону не соотвѣтствовало восторженному обращенію къ нему патріарха и священнаго синода отъ 27 января. Въ виду этого, патріархъ Кириллъ и члены священнаго синода 11 февраля 1858 года обратились къ блаженнѣйшему Каллинику съ новымъ письмомъ, въ которомъ заявлялось, что отвѣтъ его блаженства, прочитанный въ засѣданіи священнаго синода, вызвалъ общее здѣсь недоумѣніе; однако, Константинопольская церковь ожидаетъ скораго его прибытія въ столицу имперіи и питаетъ откровенную увѣренность, что его блаженство, по характеризующей его разсудительности, не рѣшится болѣе оставаться въ епархіи, которая является чужою для него [254]), да къ тому же дальнѣйшее его пребываніе тамъ является нецѣлесообразнымъ и по политическимъ основаніямъ, какъ это, конечно, извѣстно и самому киръ Каллинику. Поэтому патріархъ Кириллъ и члены священнаго синода и заявили въ заключеніи письма, что ожидаютъ возможно скораго его пріѣзда въ Константинополь, въ сопровожденіи церковнаго экзарха, діакона Мелетія [255]).

---

[253]) Ἀ. Καλλίνικος Δελικάνης, II, 135—136.

[254]) 26 января 1858 г. на митрополичью каѳедру въ Ѳессалоникѣ былъ перемѣщенъ тырновскій митрополитъ Неофитъ (Καλλίφρων, 153).

[255]) Ἀ. Καλλίνικος Δελικάνης, II, 137.

Дѣйствительно, патріархъ Калляникъ вскорѣ послѣ этого прибылъ въ Константинополь, гдѣ и оставался до 25 іюня, когда уѣхалъ въ Александрію [256]).

Дѣятельность блаженнѣйшаго Каллиника въ Египтѣ была непродолжительна и недостаточно плодотворна. Между прочимъ, онъ нерадиво и безпорядочно велъ церковное хозяйство, какъ въ 1866 году заявилъ одинъ изъ ближайшихъ его преемниковъ по престолу, александрійскій патріархъ Никаноръ [257]). Это отчасти обусловливалось слабостью здоровья патріарха Каллиника. Уже 12 іюля 1859 года патріархъ Каллиникъ обратился къ святѣйшему Кириллу VII съ письмомъ, въ которомъ просилъ о разрѣшеніи пріѣхать въ Константинополь, такъ какъ египетскій климатъ оказался вреденъ для него, да къ тому же въ Константинополѣ долженъ былъ обсуждаться новый монастырскій вопросъ, вызванный конфискаціей монастырскихъ имѣній въ Молдавіи и Валахіи. Однако, патріархъ Кириллъ отклонилъ этотъ пріѣздъ въ своемъ отвѣтѣ отъ 10 августа [258]). Но прежде чѣмъ этотъ отвѣтъ былъ полученъ въ Александріи, блаженнѣйшій Каллиникъ отправился безъ предварительнаго разрѣшенія вселенской патріархіи и правительства въ Константинополь, куда и прибылъ внезапно 20 августа, а потомъ поселился на островѣ Принкипо и 24 августа послалъ святѣйшему Кириллу письмо, въ которомъ просилъ извиненія за пріѣздъ въ столицу безъ разрѣшенія, мотивируя свое необходимое путешествіе сильнымъ разстройствомъ здоровья. Это письмо было прочитано въ очередномъ синодальномъ засѣданіи и, послѣ обсужденія вопроса, просьба его блаженства была принята. Вселенскій патріархъ, отправившись къ великому визирю, сообщилъ ему о просьбѣ александрійскаго патріарха и о рѣшеніи синода [259]). Вслѣдъ затѣмъ патріарху Каллинику было отправлено синодальное письмо отъ 25 августа, разрѣшавшее ему пребываніе въ Константинополѣ [260]). Внезапный пріѣздъ патріарха Каллиника въ Константинополь вызвалъ различные комментаріи. Во время своего пребыванія въ Константинополѣ, патріархъ Каллиникъ принималъ участіе въ засѣданіяхъ смѣшаннаго церковно-

---

256) Καλλίφρων, 153.

257) Епископъ *Порфирій Успенскій*, Александрійская патріархія, I, 279.

258) 'Α. Καλλίνικος Δελικάνης, II, 139—140.

259) Καλλίφρων, 170.

260) 'Α. Καλλίνικος Δελικάνης, II, 140—141.

народнаго собранія или эѳносинелевсиса, который занимался составленіемъ Общихъ канонисмовъ, обсуждалъ вмѣстѣ съ другими патріархами вопросы синайскій, монастырскій и болгарскій, а во время избранія преемника отказавшемуся отъ престола святѣйшему Кириллу VII онъ былъ (въ октябрѣ 1860 г.) однимъ изъ трехъ кандидатовъ на вселенское патріаршество, при чемъ энергично добивался этого избранія [261]). Въ Египтѣ мѣстоблюстителемъ патріарха въ теченіе двухъ лѣтъ состоялъ архимандритъ Евгеній Данкосъ, который вполнѣ успѣшно выполнилъ свое назначеніе, такъ что православный кинотъ Египта письменно выразилъ ему свою благодарность за служеніе [262]).

Патріархъ Каллиникъ оставался въ Константинополѣ до самаго отреченія своего отъ престола, послѣдовавшаго 24 мая 1861 года, и въ теченіе почти двухъ лѣтъ не нашелъ возможнымъ ни разу посѣтить свою паству. Признавая такое положеніе ненормальнымъ, киръ Каллиникъ еще 17 января 1861 года послалъ киноту Александріи свое письменное отреченіе отъ управленія патріархатомъ, мотивируя его болѣзненнымъ своимъ состояніемъ, и предложилъ паствѣ приступить къ избранію новаго предстоятеля. Изъ трехъ намѣченныхъ кандидатовъ большинствомъ голосовъ (300 противъ 100 голосовъ) былъ въ Египтѣ избранъ александрійскимъ патріархомъ современный синайскій архіепископъ Кириллъ. По обыкновенію мѣстная православная паства обратилась въ Константинополь съ просьбою ко вселенскому патріарху и священному синоду оформить это избраніе своею церковною санкціею. Однако, прежде чѣмъ дѣло получило окончательное завершеніе, патріархъ Каллиникъ взялъ назадъ свое отреченіе отъ александрійскаго престола и опять сталъ во главѣ мѣстнаго церковнаго управленія [263]). Но въ маѣ того же года патріархъ Каллиникъ опять заявилъ о своемъ желаніи отказаться отъ власти, при чемъ 19 числа этого мѣсяца патріархи вселенскій Іоакимъ II и іерусалимскій Кириллъ II имѣли съ нимъ совѣщаніе относительно будущаго его преемника [264]).

---

[261]) *И. И. Соколовъ,* Константинопольская церковь въ XIX вѣкѣ, I, 724, 746—747, 752, 756.

[262]) Καλλίφρων, 192.

[263]) Καλλίφρων, 190.

[264]) Καλλίφρων, 195

Наконецъ, 24 мая [265]) блаженнѣйшій Каллиникъ обратился къ вселенскому патріарху Іоакиму II и священному при немъ синоду съ оффиціальнымъ отреченіемъ отъ престола.

Въ документѣ заявляется, что по Божественной милости киръ Каллиникъ получилъ пастырское предстоятельство александрійскаго патріаршаго престола, съ благопріятнымъ расположеніемъ управлялъ христіанскимъ обществомъ и, соотвѣтственно пастырской своей попечительности, пользовался и христіанскимъ отъ него уваженіемъ и любовью. Но возникшія съ нѣкотораго времени перемѣны въ его здоровьѣ и тѣлесныя страданія, трудно излечимыя при условіи жизни въ египетскомъ климатѣ и не умалившіяся и во время пребыванія патріарха въ Константинополѣ, не позволяютъ ему возвратиться въ Египетъ и проживать тамъ, вслѣдствіе вреда и опасности для здоровья, а отъ этого духовныя дѣла престола страдаютъ и создается препятствіе для душевнаго спасенія и для прочей духовной пользы тамошнихъ православныхъ христіанъ. Поэтому еще четыре мѣсяца тому назадъ блаженнѣйшій Каллиникъ написалъ письмо православнымъ кинотамъ Александріи и Каира, сообщилъ о печальной необходимости своего удаленія отъ власти и, заботясь о прономіи и правахъ александрійскаго престола, приглашалъ ихъ къ согласному избранію діадоха. Но такъ какъ киноты, вступивъ въ разногласіе по этому предмету, обратились съ письмами къ вселенскому патріарху и священному при немъ синоду, а потомъ и къ патріархамъ антіохійскому и іерусалимскому и выразили свое по дѣлу мнѣніе, то патріархъ Каллиникъ, соглашаясь съ мнѣніемъ кинотовъ, опять добровольно и непринужденно отрекается отъ патріаршаго престола Александріи, отъ глубины души испрашивая божественное благословеніе и благодать возлюбленнымъ своимъ дѣтямъ, а *святой Христовой Церкви, общей Матери всѣхъ благочестивыхъ, патріархъ вседушевно поручаетъ избрать для наслѣдованія этого престола того, кого она, совмѣстно съ нимъ, блаженнѣйшимъ Каллиникомъ, признаетъ достойнымъ и соотвѣтствующимъ для богоугоднаго предстоятельства его и управленія.* Разумѣется, что киръ Каллиникъ, отрекаясь отъ престола, никогда не отрекался отъ своего архіерейства и патріаршаго наименованія. Въ заключеніи отре-

---

[265]) *Каллифронъ* (стр. 195) неправильно датируетъ оффиціальную отставку блаженнѣйшаго Каллиника 23 мая.

ченія патріархъ Каллиникъ просилъ святѣйшаго Іоакима и священный его синодъ послать копіи этого акта кинотамъ Александріи и Каира для ихъ свѣдѣнія [266]).

Отказавшись отъ александрійскаго престола, патріархъ Каллиникъ отправился въ Θессалонику, а 6 ноября 1862 года переселился на островъ Митилину [267]), гдѣ вскорѣ и скончался [268]).

XIV.

Преемникъ блаженнѣйшаго Каллиника, патріархъ *Іаковъ* (25 мая 1861 г. † 30 декабря 1865 г.), былъ избранъ на другой же день послѣ каноническаго отреченія его предшественника. Такая скорость въ замѣщеніи патріаршей каθедры обусловливалась тѣмъ, что блаженнѣйшій Каллиникъ уже нѣсколько мѣсяцевъ тому назадъ предрѣшилъ принести каноническое отреченіе отъ престола, нѣсколько разъ совѣщался со вселенскимъ и другими патріархами о выборѣ своего преемника и, наконецъ, всецѣло поручилъ Великой Христовой церкви,—какъ видно изъ акта его отреченія,—избрать, при совмѣстномъ съ нимъ обсужденіи, будущаго предстоятеля Александрійской церкви. А съ другой стороны, среди клира и народа Александрійской церкви возникли, въ связи съ избраніемъ новаго патріарха, раздоры и нестроенія, которыя необходимо было возможно скорѣе пресѣчь, во избѣжаніе бо́льшаго зла. При такихъ условіяхъ, уже 25-го мая состоялось въ Константинополѣ избраніе патріарха Іакова, занимавшаго кизикскую митрополичью каθедру [269]). Въ немъ приняли участіе не только вселенскій патріархъ Іоакимъ II со своимъ синодомъ и бывшій александрійскій патріархъ Каллиникъ, но и патріархи іерусалимскій Кириллъ II и антіохійскій Меθодій, передавшій свой голосъ блаженнѣйшему Кириллу.

Протоколъ избранія патріарха Іакова, датированный маемъ 1861 года, составленъ въ своемъ предисловіи по образцу протокола, относящагося къ избранію блаженнѣйшаго Каллиника, а затѣмъ сообщаетъ о вдовствѣ александрійскаго престола,

---

266) Ἀ. Καλλίνικος Δελικάνης, II, 142—144.

267) Καλλίφρων, 202.

268) Отзывъ о немъ см. у *Филарета*, митрополита Московскаго, „Собраніе мнѣній и отзывовъ по дѣламъ православной церкви на Востокѣ“, стр. 185, 159 и др. Спб. 1886.

269) Καλλίφρων, 193.

такъ какъ патріархъ Каллиникъ, вслѣдствіе возникшихъ съ нѣкотораго времени тѣлесныхъ страданій, трудно излечимыхъ при египетскомъ климатѣ и усилившихся во время пребыванія его въ Константинополѣ, рѣшилъ добровольно отказаться отъ престола, дабы духовныя его дѣла, по отсутствію соотвѣтствующаго предстоятельства, не пришли въ разстройство, къ душевному вреду мѣстнаго православнаго общества, а четыре мѣсяца тому назадъ сообщилъ о добровольномъ своемъ отреченіи и тамошнимъ православнымъ кинотамъ. Вслѣдъ затѣмъ его блаженство, соотвѣтственно мнѣнію православныхъ христіанъ Египта, обратившихся по этому дѣлу и къ Великой Христовой церкви съ своими письмами, привелъ прежнее свое рѣшеніе въ исполненіе, посредствомъ своего непринужденнаго, подписаннаго и снабженнаго печатью отреченія, помѣщеннаго въ кодексѣ Великой Христовой церкви, причемъ вседушевно возложилъ на эту общую Матерь благочестивыхъ избрать, для наслѣдованія этого престола, того, кто будетъ достойно и богоугодно здѣсь предстоятельствовать. Находившіеся въ Константинополѣ архіереи, собравшись въ патріаршемъ храмѣ св. Георгія по побужденію и съ разрѣшенія святѣйшаго Іоакима, а также по согласному мнѣнію блаженнѣйшаго патріарха іерусалимскаго Кирилла, имѣющаго мнѣніе и патріарха антіохійскаго, первымъ поставили высокопреосвященнаго и богоизбраннаго митрополита Кизика и достопочтеннаго геронта киръ Іакова, вторымъ—Никодима и третьимъ—Мелетія и прочее. Протоколъ подписали патріархи — Каллиникъ и Кириллъ и митрополиты: Паисій ефесскій, Діонисій никомидійскій, Панаретъ филиппопольскій, Никодимъ серрскій, Агаѳангелъ драмскій, Діонисій мелениксскій, Гедеонъ приконнисскій, Неофитъ кассандрійскій, Пантелеимонъ дріинопольскій и Іероѳей стромницкій [270]).

Послѣ избранія блаженнѣйшаго Іакова, вселенскій патріархъ Іоакимъ II и священный синодъ обратились къ кинотамъ Александріи и Каира съ особымъ извѣщеніемъ о состоявшемся избирательномъ актѣ и съ другими необходимыми о немъ разъясненіями. Дѣло въ томъ, что съ момента перваго отреченія патріарха Каллиника II отъ престола, относящагося къ 18 января 1861 года, между кинотами Александріи и Каира возникло разногласіе относительно избранія по-

---

270) Ἀ. Καλλίνικος Δελικάνης, II 144—145.

ваго патріарха, причемъ были представлены два кандидата—синайскій архіепископъ Кириллъ и архимандритъ Евгеній Данкосъ. Столкновеніе между сторонниками того и другого кандидата достигло большой остроты и страстности и грозило большими нестроеніями во внутренней церковно-общественной жизни Египта. Съ цѣлью предотвратить неблагопріятныя волненія и опасные безпорядки, патріархъ Каллиникъ поспѣшилъ взять назадъ свое первое отреченіе и опять сталъ во главѣ церковнаго предстоятельства. Тѣмъ временемъ настроеніе въ Египтѣ измѣнилось, и киноты Александріи и Каира обратились къ Великой Христовой церкви съ прошеніями, въ которыхъ мрачными красками изобразили положеніе церковныхъ дѣлъ въ Египтѣ и, слѣдуя указанію своего киріарха, просили вселенскую церковь оказать имъ свою материнскую попечительность и избрать новаго патріарха, преемника отрекшемуся Каллинику II. Въ отвѣтъ на эти прошенія, изъ Константинополя и были 31 мая 1861 г. посланы церковныя грамоты кинотамъ Александріи и Каира.

Константинопольскій патріархъ и члены священнаго синода, указавши въ отмѣченныхъ грамотахъ на возникшія въ Египтѣ раздѣленія и споры, объяснили ихъ благороднымъ и похвальнымъ стремленіемъ мѣстныхъ христіанъ—поставить во главѣ церковнаго предстоятельства наиболѣе достойнаго и соотвѣтствующаго духовнаго пастыря, а вмѣстѣ съ тѣмъ и хвалили киноты Александріи и Каира за ихъ примиреніе и за ходатайство предъ Великой Христовой церковью относительно избранія новаго предстоятеля. Египетскіе христіане, поступая такъ, дѣйствовали въ благочестивомъ настроеніи и народолюбивомъ чувствѣ, достойно назначенія антипросопіи православнаго кинота. Патріархъ же и священный синодъ, хотя и были опечалены отреченіемъ блаженнѣйшаго Каллиника II, получили теперь удовлетвореніе въ соглашеніи египетскихъ христіанъ и въ ихъ ходатайствѣ и приложили достойную о нихъ заботу, руководясь извѣстною прономіей Великой Христовой церкви—оказывать содѣйствіе въ нуждахъ и прочихъ престоловъ и православныхъ Божіихъ церквей. Обсудивши вопросъ совмѣстно съ патріархами—александрійскимъ Каллиникомъ и іерусалимскимъ Кирилломъ, принявши во вниманіе споры и раздѣленія, возникшія въ Египтѣ въ связи съ кандидатурой на мѣстный патріаршій престолъ со стороны синайскаго архіепископа Кирилла и архимандрита Евгенія, и

предвидя и дальнѣйшее ихъ осложненіе въ случаѣ предпочтенія того или другого изъ этихъ кандидатовъ, патріархъ Іоакимъ II и члены священнаго синода рѣшили совершенно устранить ихъ отъ престола и избрать лицо нейтральное. Выборъ патріарха и священнаго синода остановился на митрополитѣ и геронтѣ кизикскомъ киръ Іаковѣ, мужѣ достойномъ уваженія, отличающемся глубокимъ умомъ, церковнымъ образованіемъ, опытностью и знаніемъ дѣла, заявившемъ себя, во время продолжительнаго служенія Церкви, божественною ревностью, добродѣтелью и способностью къ іерархической дѣятельности, пользующемся общимъ уваженіемъ и любовью со стороны Церкви и народа. Хотя киръ Іаковъ и необходимъ Великой Христовой церкви, особенно въ данное время, но Церковь поставила это лишеніе свое ниже пользы и значенія, какія связаны съ избраніемъ его на александрійскій патріаршій престолъ,—тѣмъ болѣе, что блаженнѣйшій Каллиникъ согласился на такое избраніе и призналъ киръ Іакова вполнѣ достойнымъ наслѣдованія александрійскаго престола. Въ виду этого, въ Константинополѣ уже было совершено синодальное избраніе киръ Іакова, съ призываніемъ Святаго Духа и съ соблюденіемъ всѣхъ необходимыхъ требованій для возведенія его въ высокое патріаршее достоинство, а послѣ интронизаціи, исполненной по надлежащему чину, киръ Іаковъ былъ объявленъ блаженнѣйшимъ и святѣйшимъ патріархомъ Александріи и всей земли Египетской.

Сообщивъ кинотамъ Александріи и Каира о состоявшемся избраніи патріарха Іакова и поздравивъ всѣхъ духовныхъ своихъ чадъ во Христѣ съ поставленіемъ такого архипастыря-отца, дарованнаго имъ, по милости Всевышняго, соотвѣтственно желанію и стремленію, на общую радость тамошняго христіанскаго общества и для улучшенія и развитія дѣлъ въ александрійскомъ престолѣ, патріархъ Іоакимъ и священный синодъ совѣтовали, увѣщевали и побуждали всѣхъ предать забвенію прежнія столкновенія, возобновить взаимную братскую и христіанскую любовь и, проникшись общимъ расположеніемъ къ рѣшенію Великой Христовой церкви, признавать отнынѣ блаженнѣйшаго патріарха Александріи Іакова духовнымъ своимъ отцомъ и евангельскимъ пастыремъ, каноническимъ для всѣхъ предстоятелемъ и законнымъ киріархомъ александрійскаго престола, поминать, какъ установлено, на-

тріаршее его имя во всѣхъ священныхъ службахъ и по всѣмъ подчиненнымъ ему городамъ и церквамъ. Будучи убѣждены въ томъ, что его блаженство оправдаетъ ожиданіе относительно духовнаго и нравственнаго развитія народа въ періодъ его патріаршества, святѣйшій Іоакимъ II и члены константинопольскаго священнаго синода въ заключеніи посланія отечески побуждали христіанъ Египта, чтобы они посредствомъ дѣлъ христіанскаго расположенія и ревности объ общей пользѣ содѣйствовали успѣху отеческихъ его намѣреній, умножая добрымъ своимъ поведеніемъ и сыновнею преданностью отеческую его любовь и доброжелательное расположеніе въ пользу всего, относящагося къ общимъ интересамъ христіанъ. Наконецъ, въ посланіи выражено пожеланіе получить изъ Александріи, равно и изъ Каира отвѣты, свидѣтельствующіе о полномъ согласіи и любви, водворившихся среди мѣстныхъ православныхъ кинотовъ [271]).

Самъ патріархъ Іаковъ въ общительной грамотѣ русскому Св. Синоду отъ 16 іюня 1861 г. писалъ о своемъ избраніи на престолъ въ слѣдующихъ общихъ выраженіяхъ: «Устрояющій все премудро ко спасенію и проявляющій силу свою въ немощи, преблагій Промыслъ благоволилъ призвать наше смиреніе къ наслѣдованію патріаршаго александрійскаго престола, отъ котораго отказался, по собственному произволенію, господинъ блаженнѣйшій патріархъ Каллиникъ. Покоряясь этому *общему* относительно насъ рѣшенію Церкви..., мы пріемлемъ тяжелое иго достоинства патріаршаго» и т. д. [272]).

Блаженнѣйшій Іаковъ лишь 30 августа 1861 г. отправился изъ Константинополя въ Александрію, куда и прибылъ

---

[271]) Ibid., 145—150.

[272]) Пользуемся переводомъ † епископа *Порфирія Успенскаго* (Александрійская патріархія, I, 277), такъ какъ греческій текстъ указанной грамоты въ печати неизвѣстенъ.

Въ предисловіи къ „Александрійской патріархіи" Х. М. Лопаревъ пишетъ о патріархѣ Іаковѣ: „Избранъ по настоянію іерусалимскаго патріарха Кирилла II и рукоположенъ въ Константинополѣ" (стр. CXVI). Намъ неизвѣстенъ источникъ свѣдѣній объ особомъ вліяніи іерусалимскаго патріарха Кирилла II въ дѣлѣ избранія блаженнѣйшаго Іакова, а въ „рукоположеніи" послѣдняго, какъ состоявшаго митрополитомъ Кизика, и вовсе не было нужды. Въ Константинополѣ избраніе (ἐκλογή) киръ Іакова выразились въ возведеніи (προβιβασμός) и интронизаціи (ἐνθρονισμός) его, въ связи съ объявленіемъ (ἀνάδειξις) блаженнѣйшимъ патріархомъ Александріи.

5 сентября [273]). Его дѣятельность на патріаршемъ престолѣ не была выдающейся: Іаковъ, подобно Каллинику II, нерадиво и безпорядочно велъ хозяйство александрійскаго престола, какъ въ 1866 г. свидѣтельствовалъ патріархъ Никаноръ [274]), и, не имѣя необходимыхъ матеріальныхъ средствъ, затруднялся въ разностороннемъ благоустройствѣ мѣстныхъ церковныхъ дѣлъ. 11 октября 1863 г. онъ прибылъ въ Константинополь для участія въ разсмотрѣніи и рѣшеніи пресловутаго монастырскаго вопроса, вызваннаго конфискаціей въ Румыніи имуществъ, преклоненныхъ святымъ мѣстамъ Востока, затѣмъ участвовалъ и въ обсужденіи болгарскаго церковнаго вопроса и лишь 4 декабря 1865 г. отправился на свою родину—островъ Патмосъ. Здѣсь блаженнѣйшій Іаковъ скоропостижно и скончался 30 декабря 1865 года [275]).

XV.

Избраніе преемника Іакова, блаженнѣйшаго *Никанора* (1 апрѣля 1866 г. † май 1870 г.), состоялось инымъ —сравнительно съ прежнею практикою — порядкомъ и вызвало въ Египтѣ продолжительныя и весьма неблагопріятныя для Церкви смуты, свидѣтельствовавшія, однако, о новомъ направленіи въ процессѣ избранія александрійскихъ патріарховъ.

Подробности акта избранія патріарха Никанора, представленныя въ протоколѣ и сопроводительныхъ документахъ, которые, по обыкновенію, были помѣщены въ оффиціальномъ священномъ кодексѣ александрійской патріархіи, остаются пока неизвѣстными. Извѣстно только, что это избраніе состоялось въ Александріи, при участіи духовенства и избранныхъ представителей отъ православныхъ кинотовъ Египта, безъ всякаго содѣйствія со стороны вселенской патріархіи. Выборъ духовенства и народа Александрійской церкви остановился на мѣстномъ іерархѣ, ѳиваидскомъ епископѣ Никанорѣ, который былъ извѣстенъ и въ Россіи, такъ какъ съ 1852 г. состоялъ здѣсь представителемъ александрійскаго патріарха Іероѳея II и производилъ сборъ на нужды православ-

---

[273]) Καλλίφρων, Ἐκκλησιαστικά, 199.

[274]) Епископъ *Порфирій Успенскій*, Александрійская патріархія, I, 279.

[275]) Καλλίφρων, 226, 248—249. Ср. Ἀρχιμ. Καλλίνικος Δελικάνης, II, 150.

ной церкви въ Египтѣ. Незадолго до избранія на александрійскій престолъ епископъ Никаноръ, находившійся уже въ Египтѣ, заболѣлъ психическимъ недугомъ, потомъ выздоровѣлъ, а 1 апрѣля 1866 г. былъ избранъ на патріаршій престолъ [276]).

Послѣ избранія патріарха Никанора, православные киноты Египта составили новый уставъ или органическій законъ, съ цѣлью обезпечить независимость (ἀνεξαρτησία) александрійскаго престола, представили его новому патріарху для руководства и исполненія и постановили, чтобы впредь каждый патріархъ Александрійской церкви, при своемъ избраніи, давалъ обязательство исполнять этотъ законъ. Уставъ состоитъ изъ одиннадцати кратко изложенныхъ параграфовъ слѣдующаго содержанія.

Патріаршій престолъ Александріи и всего Египта имѣетъ права независимости отъ остальныхъ патріаршихъ престоловъ православнаго Востока, въ силу автокефальнаго своего достоинства, и самостоятельно дѣйствуетъ въ области церковнаго законодательства, управленія и суда.

Александрійскій патріархъ избирается мѣстнымъ клиромъ и народомъ, безъ всякаго вмѣшательства въ это дѣло со стороны какой-либо иной власти, церковной или гражданской.

Патріархъ управляетъ дѣлами Александрійской церкви совмѣстно съ синодомъ, состоящимъ изъ духовныхъ лицъ александрійскаго престола.

Въ случаѣ вдовства какой-либо архіепископской каѳедры въ Египтѣ, преемникъ по каѳедрѣ избирается епархіей и утверждается священнымъ синодомъ.

Всякое дѣло, касающееся александрійскаго престола, рѣшается общимъ собраніемъ изъ членовъ синода и епитропій кинотовъ, подъ предсѣдательствомъ патріарха.

Печать патріархіи состоитъ изъ пяти частей, изъ которыхъ

---

[276]) Въ посланіи къ кіевскому митрополиту Арсенію отъ 30 іюня 1866 г. патріархъ Никаноръ писалъ: „Давно и часто надлежало намъ, возлюбленный брате, писать любви вашей, но рвеніе наше остановила *постигшая насъ тяжкая болѣзнь*. Выздоровѣвъ же, мы спѣшимъ сообщить вамъ, что *почти принужденно и противъ воли* взошли мы на апостольскій и патріаршій престолъ александрійскій *въ первый день минувшаго апрѣля*, и нашли его въ жалкомъ состояніи и великой бѣдности“ и пр. (Епископъ *Порфирій Успенскій*, Александрійская патріархія I, 278—279).

одною владѣетъ патрiархъ, а остальныя находятся у четырехъ членовъ священнаго синода.

Ежегодно отдается предъ епитропiями кинотовъ отчетъ въ доходахъ и расходахъ александрiйскаго престола.

Необходимымъ наслѣдникомъ патрiарха является престолъ.

Запрещается вмѣшательство блаженнѣйшаго патрiарха въ избранiе епитропiй кинотовъ и въ управленiе экономическими ихъ дѣлами.

Все то, что относится къ управленiю экономическими дѣлами кинотовъ, должно въ отдѣльности устанавливаться и опредѣляться патрiархомъ, священнымъ синодомъ и епитропiями кинотовъ.

Наконецъ, никто не можетъ быть избранъ патрiархомъ, если предварительно не приметъ изложенный органическiй законъ александрiйскаго патрiаршаго престола [277]).

Такимъ образомъ, новый уставъ Александрiйской церкви, опубликованный въ апрѣлѣ 1866 года, имѣлъ главною своей цѣлью обезпечить внутреннюю ея независимость и прежде всего—въ отношенiи къ избранiю мѣстныхъ патрiарховъ. Не подлежитъ сомнѣнiю, что требованiе о постороннемъ невмѣшательствѣ въ это избранiе, было направлено противъ вселенской патрiархiи, которая съ давняго времени сохранила за собою традицiю покровительства и содѣйствiя александрiйскому престолу въ избранiи предстоятелей, установивъ и опредѣленныя условiя для такой помощи. Отвергнувъ всякое вмѣшательство Константинопольской церкви въ избранiе александрiйскихъ патрiарховъ, хотя бы оно выражалось въ формѣ попечительности въ нуждѣ и содѣйствiя въ затруднительномъ положенiи Александрiйской церкви, новый уставъ предоставилъ это важное дѣло исключительно вѣдѣнiю и участiю мѣстнаго духовенства и народа. И гражданская власть Египта не должна была вмѣшиваться въ дѣло избранiя новыхъ александрiйскихъ патрiарховъ. Установивъ независимость александрiйскаго престола въ избранiи его предстоятелей, канонисмъ 1866 г. провозгласилъ и свободу внутренняго церковнаго его управленiя—при участiи священнаго синода, въ составѣ мѣстныхъ iерарховъ, предрѣшивъ, при помощи организацiи мѣстнаго священнаго синода, устраненiе въ буду-

---

[277]) Καλλίφρων, 254.

щемъ какого-либо участія Константинопольской и иныхъ церквей въ дѣлахъ Александрійской церкви, подъ предлогомъ отсутствія здѣсь священнаго синода. Практическое примѣненіе новаго устава было гарантировано и тѣмъ, что въ будущемъ никто не могъ вступить на патріаршій александрійскій престолъ безъ предварительнаго его принятія.

Кромѣ новаго порядка въ избраніи патріарховъ, канонисмъ 1866 г. обезпечивалъ крупное торжество мірянъ въ церковно-общественной жизни Египта, совершенно устранивъ патріарха отъ участія въ приходскихъ и кинотскихъ дѣлахъ, парализовавши его инициативу въ этомъ отношеніи и даже подчинивъ контролю мірянъ не только экономическое положеніе престола, но и административныя его распоряженія. На ряду съ патріархомъ и священнымъ синодомъ, новый уставъ поставилъ иную административную силу—въ формѣ епитропій кинотовъ, которыя, съ одной стороны, рѣшали вмѣстѣ съ патріархомъ и синодомъ общецерковныя дѣла, съ другой — не дозволяли патріарху вмѣшиваться въ избраніе епитропій и одновременно—требовали отъ патріарха представленія епитропіямъ экономическаго отчета патріархіи и не разрѣшали ему касаться экономическихъ дѣлъ кинотовъ. Ясно, что канонисмъ 1866 г. узаконялъ засилье мірянъ въ церковно-общественныхъ дѣлахъ Египта, утверждалъ зависимость патріарха отъ кинотовъ,—вмѣсто прежней его зависимости отъ вселенской патріархіи,—и предвѣщалъ грядущее омірщеніе мѣстныхъ церковныхъ отношеній [278]). Поэтому канонисмъ или органическій законъ 1866 года не обезпечилъ Александрійской церкви внутренняго мира, а напротивъ—послужилъ поводомъ къ борьбѣ и волненіямъ, возникшимъ около патріаршаго престола и связаннымъ съ избраніемъ блаженнѣйшаго патріарха Никанора.

Хотя патріархъ Никаноръ былъ избранъ въ Египтѣ, примѣнительно къ новому избирательному регламенту, тѣмъ не менѣе среди его паствы было много недовольныхъ его вступленіемъ на александрійскій престолъ. Недовольство христіанъ мотивировалось тѣмъ, что Никаноръ былъ совершенно неспособенъ къ управленію, вслѣдствіе своей старости и болѣзни—

---

[278]) Ср. *И. И. Соколовъ*, О современномъ управленіи Александрійской церкви (*Сообщенія И. Прав. Палестинскаго Общества*, 1905 (XVI), стр. 160—164).

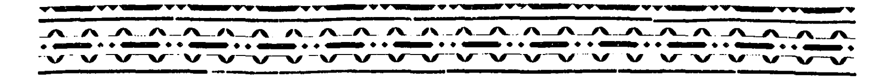
физической и психической. Наконецъ, оно выразилось въ томъ, что представители православныхъ кинотовъ въ Александріи и Каирѣ на общемъ собраніи въ декабрѣ 1866 г. избрали архимандрита Ксиропотамскаго на Аѳонѣ монастыря Евгенія Данкоса въ званіе попечителя, мѣстоблюстителя и преемника престарѣлаго патріарха Никанора, и сообщили въ Константинополь Великой церкви о состоявшемся избраніи. Въ свою очередь, египетское правительство извѣстило объ этомъ высокую Порту и ходатайствовало объ утвержденіи архимандрита Евгенія въ званіи мѣстоблюстителя и діадоха александрійскаго престола и о выдачѣ ему берата [279]) *).

И. Соколовъ.

---

[279]) Καλλίφρων, Ἐκκλησιαστικά, 269.

*) Продолженіе слѣдуетъ.



Гомилетическія произведенія св. Григорія Чудотворца, епископа Неокесарійскаго.

Похвальное слово въ честь первомученика и діакона святаго Стефана.

I. Досточестный Стефанъ какъ признанъ былъ достойнымъ дивнаго сіянія божественной славы, созерцанія и радости, такъ прославленный и исполненный благъ, именно свѣтоносным изліяніемъ даровъ Святаго Духа, возвышенъ подвигоположникомъ Христомъ и увѣнчанный сидитъ превыше верховныхъ апостоловъ, поелику онъ былъ первымъ и первороднымъ изъ мучениковъ. Онъ возвышался своею дивною чистотою какъ тѣла, такъ и души, и не только чистотою, но и превосходнымъ украшеніемъ своей крѣпкой вѣры, лучше которой не было ничего. Теперь я снова буду говорить о преславныхъ дѣяніяхъ, которыя онъ совершилъ и посредствомъ которыхъ, сокрушая врага правды и противника всего добраго, наполняетъ святую каѳолическую церковь благоуханіемъ вѣры и покаянія.

II. Стефанъ—первый примѣръ мучениковъ и вождь дѣвственниковъ въ трудномъ состязаніи противъ врага человѣческаго! Стефанъ—начало борьбы апостоловъ и для всѣхъ святыхъ и праведныхъ причина царствованія со Христомъ Богомъ въ безконечные вѣка! Стефанъ, которому нѣкогда ввѣрено было попеченіе о вдовахъ и служеніе, какъ діакону возвышенной благодати, теперь, сопричисленный къ воинству духовъ, не только какъ слуга вчиняется въ лики ангеловъ, но сдѣлался причастникомъ того же царства со Христомъ, съ

неизреченною радостью поднимаетъ главу въ возвышенномъ сіяніи славы, какъ равными муками содѣлавшійся подобнымъ самому Христу и какъ прежде всѣхъ мучениковъ увѣнчанный! Стефанъ, который нѣкогда внѣ вратъ земного Іерусалима убитъ былъ какъ свидѣтель истины, теперь, въ вѣчномъ блаженствѣ, украшенный высочайшими и безконечными радостями, прославляется всѣми ангельскими силами! Прославлять его подвигъ есть откровеніе, даже болѣе—только назвать его подвигъ есть проповѣдь между ангелами и у людей! Ибо имя Стефана на еврейскомъ языкѣ значитъ вѣнецъ: вѣнецъ правды, которымъ его увѣнчала мать[1]). Онъ увѣнчанъ былъ іудеями и принесенъ [въ жертву] за церковь язычниковъ, послику, когда увѣнчали его завистливые богоубійцы, враги христіанскаго благочестія, они невольно принесли его [въ жертву], какъ посредника надежды и жизни въ пользу церкви изъ язычниковъ. У іудеевъ, конечно, была причина для ревности и зависти, у церкви же — для прославленія и отрады. Онъ первый убивается местью того врага, который отъ начала былъ человѣкоубійцей, но сіяніемъ вѣры онъ сдѣлался надежнымъ мечомъ каѳолической церкви. Убили его, какъ совершающаго дѣло благоговѣнія ко Христу, и по силѣ Святаго Духа, которая въ немъ пребываетъ, онъ вѣнецъ радости для народа новаго во Христѣ. Поспѣшили изъять его изъ среды [живыхъ] надѣющіеся уничтожить проповѣдь вѣры, но Стефанъ сдѣлался могучей стѣной церкви, камнемъ несокрушимымъ волнами и вратами для всѣхъ почитающихъ Христа, дерзновенно моля виновника жизни, да даруетъ спасеніе и надежду жизни всѣмъ чтущимъ Христа, силою креста, обагреннаго кровію Христа.

III. Стефанъ—первое сѣмя пророческаго Духа и древо апостольской благодати, сопровождаемое всякими молитвами! Пріятный плодъ радости церкви изъ язычниковъ! Стефанъ—ученикъ апостоловъ, но учитель мучениковъ и ликованіе каѳолической церкви! Стефанъ—подобіе прекраснѣйшей розы, цвѣтущей среди терновиковъ іудейскаго народа и вставленной въ тіарѣ вѣнца небеснаго Жениха! Изгнанный за врата [города] въ міръ, онъ предалъ самого себя властелину міра, дракону, украшенному многими головами и чешуею, погибели, смерти, всѣмъ мукамъ; но такимъ образомъ онъ сдѣлался во

---

[1]) Пѣсн. пѣсн. III, 11.

всемъ подобнымъ Спасителю всѣхъ, кроткому, благому, тому непорочному Агнцу, который подъялъ грѣхи міра и который какъ овца пришелъ на закланіе [1]). Во время смерти онъ молился за побивающихъ его камнями враговъ истины, говоря: Господи, не вмѣни имъ грѣха сего [2]), и возрѣвши на небеса, куда спѣшилъ достигнуть, ставши на колѣна, сказалъ: Господи Іисусе, пріими духъ мой [3]), и послѣ того, какъ будто съ удовольствіемъ принявши воздаяніе, испустилъ духъ свой. Когда уснулъ во Христѣ, перенесенный отъ смерти къ жизни вышняго міра и обвитый треблаженнымъ сіяніемъ божественной славы, блистая, подобно солнцу, дивнымъ свѣтомъ, жизнью почившихъ праведниковъ, приложился къ душамъ древнихъ патріарховъ, гдѣ, въ царствѣ небеснаго Іерусалима, сдѣлавшись причиною радости для ангеловъ и для всѣхъ вѣрующихъ во Христа начаткомъ награды, держитъ скипетръ.

IV. Стефанъ, котораго, какъ глашатая благочестія, чтобы подавить Евангеліе, стремились изъять изъ среды [живыхъ], подражая дѣяніямъ богоубійцъ, теперь поставленъ въ высшей чести, между ангельскими чинами, съ Павломъ и со Святымъ святыхъ царствуетъ въ обителяхъ вышняго царства, радуясь и ликуя со всѣми святыми въ безконечные вѣка!

Стефанъ, какъ неподвижный фундаментъ и непоколебимое основаніе, предпоставленъ въ церкви каѳолической не только по своей дивной доблести и непобѣдимому духу, проявленному имъ, когда онъ, съ надеждою на небесную помощь, поборалъ врага правды, но также и тогда, когда исполненнымъ богословія опроверженіемъ тѣхъ, которые по зависти возставали на Бога, и обличеніемъ іудеевъ, которое имѣлъ предъ синедріономъ, онъ, просвѣщаемый свѣтомъ благодати Святаго Духа, чрезъ подъятые въ борьбѣ за Христа труды, явился для жаждущихъ жизни виною никогда неувядающаго вѣнца. Стефанъ—вѣнецъ пріятности, рукою Господнею, и діадема царства, рукою Божіею избранная! Поэтому драгоцѣнная, какъ бисеръ, или блестящая, какъ жемчугъ, она вставляется въ тіару Царя славы, поднимается изъ глубины безчисленныхъ испытаній бурнаго міра и сопричисляется къ украшенію вышняго Іерусалима.

V. Стефанъ по [своимъ] мукамъ и терпѣнію первый явился подобнымъ Спасителю, на подобіе Іова. Онъ подражалъ Ему въ

---

[1]) Иса. LIII, 2. [2]) Дѣян. VII, 60. [3]) Дѣян. VII, 59.

кротости и невинности, молясь и говоря: Господи, не вмѣни имъ въ грѣхъ [1]). Плодомъ молитвы его, между прочимъ, было спасеніе и призваніе Павла, и не только это, но (и спасеніе и призваніе) разсѣянныхъ народовъ, чрезъ сообщенное всѣмъ прощеніе и чрезъ вѣнецъ, дарованный прежде всего тѣмъ, которые измученные умерли за Христа. Чрезъ него толпы вдовъ, по вѣрѣ во Христа, получили отъ вѣры утѣшеніе; полки святыхъ, возвышенные въ своемъ желаніи, возрадовались въ церкви, наслаждаясь сіяніемъ благодати Святаго Духа.

VI. Такимъ образомъ, всѣ добродѣтели, на подобіе свѣта и соединенной съ нимъ красоты, при содѣйствіи божественной руки, блистаютъ, и толпы всѣхъ мучениковъ въ надеждѣ на первоначальную духовную красоту увѣнчаны дивнымъ сіяніемъ.

Удостоенные чрезъ Стефана апостольской чести радуются священники. Отъ него и съ нимъ получили начало діаконы, какъ причастники его діаконства и съ нимъ поставленные слугами Слова жизни вмѣстѣ съ священниками, но ниже священническаго достоинства.

Чрезъ него церкви сіяютъ, вѣрные умножаются и ангелы, празднуя съ людьми праздничные дни, возсылаютъ къ небесамъ небесному Отцу пріятное пѣніе и мелодіи разныхъ гимновъ. Чрезъ него радуются чины мучениковъ и ликуютъ сонмы святыхъ.

VII. Нынѣ открываются свѣтлыя скиніи, чтобы принять въ своихъ обителяхъ ревностно стремящихся къ высшей жизни. Сатана со стыдомъ удаляется. Потрясенные и устрашенные демоны приходятъ въ отчаяніе! Заклейменные безславіемъ и ужаснымъ стыдомъ еретики убѣгаютъ. А благочестивые вѣрные, прославляя Бога, съ ангелами совершаютъ праздникъ.

Посему, достигши столь высокой степени славы, великій первомученикъ признанъ былъ отъ Всесвятаго Духа достойнымъ свѣтлѣйшей высоты божественнаго сокровища, и такъ надъ всѣмъ, какъ сказано, возвышенъ, что простымъ умомъ видѣлъ славу Божію. Видѣлъ, конечно, Іисуса и великій между апостолами, но по образу тѣла Адамова; первый же изъ мучениковъ Стефанъ (видѣлъ Іисуса) преображеннаго и возвышеннаго до славы Божества, поелику видѣлъ Его преображеннаго, сидящаго одесную Всевышняго: грубаго измѣнив-

[1]) Дѣян. VII, 59.

шагося въ утонченнаго, смертнаго въ безсмертнаго, тлѣннаго въ нетлѣннаго, перстнаго въ духовнаго, влажнаго въ огненнаго, земного въ небеснаго, когда Онъ проникъ въ высоту вышняго міра, гдѣ снова удостоивается высочайшей чести одесную Отца свѣтовъ. Богъ устроилъ храмъ свѣта, поставивши надъ всѣми, какъ чувственными, такъ и духовными тварями смертнаго человѣка.

VIII. Итакъ, тогда отъ всей каѳолической церкви, чрезъ неусыпную ревность и неотлучную отъ Бога любовь, какъ сказано, онъ ушелъ духомъ къ первому небу и въ мѣстѣ духовъ упокоился. Если бы кто послѣ этого захотѣлъ вспомнить боголюбезные и свѣтомъ Христовымъ облитые лики младенцевъ, которыхъ убили въ Виѳлеемѣ іудейскомъ, то никто не возражалъ бы [противъ этого], поелику поистинѣ за Христа и во Христѣ умерли первородные изъ мучениковъ и первые мученики за истину. Вмѣстѣ съ тѣмъ они являются вождями святыхъ и праведныхъ, которые произошли изъ новаго народа, поелику они проникли на небеса прежде рожденія міру спасенія чрезъ крестъ. Но безсмертная и нетлѣнная жизнь начала процвѣтать въ мірѣ чрезъ крестъ, и потому они, насильственно умерщвленные, положены были среди на вѣкъ уснувшихъ, пока солнце правды пошлетъ туда лучи божественнаго свѣта. Что это, далѣе, такъ, научись отъ величайшаго между рожденными женами, отъ Іоанна Крестителя, который уже предъ самою смертью говорилъ Христу: Ты ли грядый, или намъ ожидать другого [1])? Здѣсь совершенно ясно, что дѣло идетъ о преисподней (куда Христосъ намѣренъ былъ идти) для совершенія спасенія тѣхъ. А если Іоаннъ могъ говорить это о себѣ самомъ и о восхожденіи праведныхъ, которые предшествовали ему, то насколько болѣе можно говорить это о младенцахъ, которыхъ, хотя они были невинны, убилъ Иродъ! Почему, раскрывая эту мысль, немного послѣ Спаситель сказалъ: Истинно, одно говорю вамъ, что изъ стоящихъ здѣсь есть нѣкоторые, кои не вкусятъ смерти, прежде чѣмъ увидятъ царство небесное [2]). Но, говоря о царствіи Божіемъ, Онъ не разумѣетъ ничего иного, какъ Свое воскресеніе, которое для всѣхъ святыхъ имѣло быть залогомъ всеобщаго воскресенія и нетлѣнія. А что Христосъ сказалъ: не вкусятъ смерти, то этимъ Онъ разу-

[1]) Мѳ. XI, 3. [2]) Мѳ. XVI, 28.

мѣлъ не разрушеніе настоящаго тѣла, а схожденіе во адъ послѣ освобожденія душъ святыхъ, совершеннаго крестомъ.

IX. И теперь, какъ Христосъ возвышенъ до небесъ и съ тѣмъ же тѣломъ, сидя одесную славы Божіей, для всѣхъ сдѣлался образцомъ всеобщаго воскресенія, безсмертія и нетлѣнія: такъ и души праведныхъ, которыя со Христомъ воскресли и которыя стремились къ небу, конечно, не по тѣлу, но по духу должны почитаться образцами для всѣхъ праведныхъ, которые во Христѣ сдѣлались великими или въ Ветхомъ, или въ Новомъ Завѣтѣ. Откуда ясно, что всѣ души, послѣдовавшія заповѣдямъ и волѣ Господа, послѣ исхода не погружаются въ преисподнюю, но устремляются къ небу, гдѣ, благоговѣя предъ возвышенной славой, пріобщаются къ свѣту живыхъ и полагаются среди ангеловъ и душъ святыхъ.

Заступничествомъ также и сего первомученика очищенный воздухъ сіяетъ, освѣщенные облака посылаютъ росу, обильные дожди щедрыми изліяніями орошаютъ земныя поля, земля украшается и насажденія, произрастая, приносятъ пріятные благоуханія цвѣтовъ и пріятность плодовъ, служа радости и наслажденію всѣхъ живущихъ. Отверстыя вверху небеса вливаютъ во всѣхъ грѣшниковъ дерзновеніе къ Богу спасеніемъ, надеждой покаянія, освобожденіемъ отъ грѣха и надеждой жизни во вѣкъ.

X. Адамъ, первый человѣкъ, былъ началомъ тварей Божіихъ; Ной—второй отецъ міра и изобрѣтатель воздѣлыванія полей; Авраамъ—таинство спасенія и первый изъ патріарховъ; Моисей—основатель закона, глава пророковъ и вождь въ землю обѣтованій; Давидъ—пророкъ Божій, начинатель царства израильскаго; Петръ—вождь апостоловъ и камень вѣры каѳолической церкви; Діонисій—первый епископъ Аѳинъ, вѣнчанный среди мучениковъ; блаженная Ѳекла—дѣвственнаго воинства апостолъ и первомученица. Такимъ образомъ, между возвышенными увѣнчанными, Стефанъ былъ первый, послѣ страданій Бога боговъ, жаждущій распятія, и поэтому онъ первый увѣнчанъ и сдѣлался и названъ началомъ мучениковъ каѳолической церкви; одѣтый свѣтлымъ сіяніемъ, на подобіе звѣзды, блистающей божественнымъ свѣтомъ, онъ сіяетъ между свѣтилами, своимъ разлитымъ свѣтомъ приводя разсѣянныхъ сыновъ Божіихъ отъ мрака идолослуженія къ свѣту, и располагая ихъ среди множества ангеловъ, чтобы они получили наслѣдіе со всѣми святыми вышняго Іеруса-

лима, то-есть, съ воинствомъ мучениковъ, которые имѣли часть въ страданіяхъ Христовыхъ, и со всѣми вѣрными, которые по-истинѣ возлюбили Бога. Будемъ и мы молить Стефана, чтобы, съ духомъ мудрости и страха и съ спасеніемъ, даровалъ (намъ) по благодати получить часть въ наслѣдіи, и чтобы, избѣгая дурной славы, и тѣ, которые слѣдуютъ нечестивымъ и богопротивнымъ таинствамъ, вмѣстѣ съ нами, съ радостною ревностью о благочестивой и православной вѣрѣ, сдѣлались достойными воздавать славу Отцу, Сыну и Святому Духу, теперь и всегда, во вѣки вѣковъ. Аминь.

Бесѣда въ честь Пресвятой Богородицы, Приснодѣвы *).

1. Всякій разъ, какъ я вспоминаю непослушаніе Евы, я плачу. Но когда я вижу плодъ [1]) Маріи [2]), я опять обновляюсь. <Безсмертный по происхожденію, невидимый въ своей славѣ, прежде вѣковъ свѣтъ отъ свѣта, Ты рожденъ отъ Бога Отца. Будучи Словомъ и Сыномъ Божіимъ, Ты воспринялъ плоть отъ Маріи Дѣвы, чтобы обновить Адама, созданнаго Твоею святою рукою.

2. Святый, безсмертный, вѣчный, неприступный, неизмѣнный, непреложный, Ты—истинный Сынъ Божій прежде вѣковъ; но Ты соизволилъ быть зачатымъ и образованнымъ воутробѣ святой Дѣвы, чтобы снова оживить человѣка, вначалѣ созданнаго Твоею святою рукою, но [теперь] мертваго вслѣдствіе грѣха.

3. Ты произошелъ по благоизволенію,—по благоизволенію и волѣ невидимаго Отца. Посему всѣ мы, именуя Тебя царемъ, взываемъ къ Тебѣ: будь нашимъ помощникомъ! Ты родился отъ Дѣвы, повитъ пеленами и положенъ въ ясли, питался отъ сосцовъ Маріи, ради того, чтобы снова оживить первозданнаго Адама, который умеръ вслѣдствіе грѣха.

4. Наслаждаясь вѣдѣніемъ отъ божественнаго вѣдѣнія, изнесемъ, подобно источнику, сладкозвучные гимны хваленія, прославимъ благостное могущество Божественнаго Слова. Вмѣстѣ со сладкозвучнымъ ученіемъ будемъ возсылать хвалу,

*) Напоминаемъ, что эта бесѣда сохранилась въ армянскомъ переводѣ съ именемъ Григорія Чудотворца и на греческомъ языкѣ (въ болѣе краткой редакціи) съ именемъ Григорія Нисскаго. Знаками <—> отмѣчены отдѣлы и выраженія, составляющія прибавки армянскаго перевода по сравненію съ греческимъ текстомъ.

[1]) Въ греч.: вижу и помышляю. [2]) Въ греч.: Богородицы Маріи.

достойную божественной благости, принявъ во вниманіе, какъ земля и море, и вся тварь, видимая и невидимая, благословляетъ и прославляетъ любовь Бога къ человѣку, потому что Его слава была среди [насъ]. Ибо, будучи Богомъ, Онъ явился во плоти и, принявъ на Себя крайнее уничиженіе, родился отъ святой Дѣвы ради того, чтобы опять обновить того, кто былъ мертвъ вслѣдствіе непослушанія>.

5. Пріидите, людіе, <и приступите>, воспоемъ всѣ Рожденнаго отъ Дѣвы. Ибо, будучи славою и образомъ Божества прежде вѣкъ, Онъ сдѣлался подобострастнымъ нашей нищетѣ. Будучи величественною силою [и] образомъ Божіимъ [1]), Онъ воспринялъ образъ раба. <Тотъ, Кто одѣвается свѣтомъ, какъ одеждою, входитъ въ общеніе съ людьми, какъ уничиженный>. Воспѣваемый херувимами и тмами ангеловъ [2]), жительствуетъ въ мірѣ. Прежде призвавшій къ жизни всякую тварь [3]) родился отъ Святой Дѣвы, чтобы снова оживотворить первозданнаго.

6. <Христосъ, Богъ нашъ, принимаетъ начало отъ человѣчества, будучи причастнымъ безначальности Бога Отца, чтобы падшаго человѣка возвысить до безначальности Божества.

7. Онъ воспринимаетъ образъ раба отъ святой Дѣвы, чтобы призвать насъ къ прославленному Владычнему образу. Онъ облекается во образъ перстнаго, чтобы сдѣлать насъ причастниками небеснаго образа. Онъ сѣдитъ на лонѣ святой Дѣвы, чтобы насъ посадить одесную въ пріискреннемъ общеніи съ Своимъ Отцемъ. Онъ былъ въ уничиженномъ тѣлѣ, и въ немъ же полагается во гробъ, чтобы насъ явить наслѣдниками вѣчной жизни. Необъятный—Онъ былъ заключенъ во утробѣ святой Дѣвы, чтобы обновить Адама, поврежденнаго грѣхомъ.

8. Сила Отчая и живой Источникъ, Христосъ, Богъ нашъ, [Онъ] есть живоносное таинство, въ которое мы вѣруемъ по [Его] живому гласу. Безконечною жизнь Онъ щедро одаряетъ надѣющихся на Него и Духомъ благодати просвѣщаетъ роды людей. Отъ этого Источника, живого, приснотекущаго и сладостнаго, напаяется и насыщается всякій жаждущій съ вѣрою.

9. Посему единымъ гласомъ [будемъ воспѣвать хвалы] Богу Слову, Который по достоинству каждаго есть виновникъ и совершитель спасенія для юныхъ и старыхъ, дѣ-

[1]) Въ греч.: во образѣ Божіемъ.

[2]) Въ греч.: на херувимахъ воспѣваемый тмами ангеловъ.

[3]) Въ греч.: прежде сущій и спасающій весь міръ.

тей и женъ. Ибо отъ Маріи, божественнаго источника неизреченнаго Божества, разливаются благодать и щедрый даръ Духа Святаго. Отъ одиной святой Дѣвы происходитъ многоцѣнная жемчужина, чтобы снова оживить первозданнаго человѣка, мертваго вслѣдствіе грѣха.

10. Онъ—Солнце правды, сіяющее на землѣ, и въ образѣ человѣческомъ Онъ соблагоизволилъ придти къ роду нашему. Сокрывши въ грубомъ веществѣ человѣчества лучезарное сіяніе Своего Божества и исполнивши [насъ] Божественнаго Духа, Онъ и насъ содѣлалъ достойными воспѣвать Ему ангельскую пѣснь хваленія.

11. Обовьемъ, какъ вѣнкомъ, наши души [празднолюбцы и слушатели] золотыми цвѣтами; увѣнчаемся вѣнками изъ неувядающихъ садовъ и, принося въ нашихъ рукахъ прекраснoплодоносные цвѣты Христовы, будемъ собирать [ихъ]. Ибо богоподобный храмъ святой Дѣвы достоинъ быть прославленнымъ такимъ вѣнцомъ, потому что [отъ Нея] происходитъ блистающая жемчужина, чтобы возвести къ присно-текущему свѣту тѣхъ, которые ниспали во тьму и сѣнь смертную.

12. Наслаждаясь врачеваніемъ божественныхъ словесъ Христа, по благодати Его, будемъ возсылать Ему достойную пѣснь. Поспѣшимъ собрать плоды таинства безсмертія. Поспѣшимъ вдохнуть въ себя благоуханіе облекающей Бога красоты. Пусть въ языкѣ [нашемъ] изобилуетъ божественная благодать; поспѣшимъ отогнать отъ себя зловоніе грѣха. Скорѣе облечемся въ благовоніе дѣлъ праведности. Надѣвши на себя щитъ вѣры и одежду добродѣтельной жизни и святое и непорочное одѣяніе чистоты, будемъ твердыми (или бодрственными). Ибо Онъ—превосходство, и имѣетъ Свое обитаніе съ миромъ, сопряженъ съ любовью и сожительствуетъ [съ нею]; Онъ—цвѣтокъ, благоухающій надеждою. И агнцы, которые съ вѣрою питаются имъ, возрастаютъ въ свѣтоподобную лозу Троицы>. Но, возлюбленные, притекая къ саду Спасителя [1]), воспоемъ святую Дѣву, говоря вмѣстѣ съ ангелами <языкомъ божественной благодати>: «радуйся и веселись!» [2]). Ибо отъ Нея впервые заблисталъ вѣчносіяющій свѣтъ [3]), освѣщающій насъ своею благостью.

---

[1]) Въ греч.: Посему пріидите, и мы, возлюбленные, притекши къ пристанищу (ἐπὶ τὸν λιμένα) Спасителя нашего.

[2]) Въ греч.: говоря съ Гавріиломъ: радуйся, благодатная.

[3]) Въ греч.: произошелъ свѣтъ истинный.

13. <Святая Дѣва> есть и пречестный храмъ Божій, и ковчегъ чистый [1]), и златый алтарь кадильный, по своей безпредѣльной чистотѣ, божественный ѳиміамъ смѣшенія и святой елей освященія, многоцѣнный сосудъ чистаго нарда, первосвященническая діадема, открывающая благоволеніе Бога, къ Которому она одна приблизилась, будучи святою по тѣлу и по душѣ [2]); Она—дверь, зрящая на востокъ, и вхожденіемъ и исхожденіемъ [чрезъ нее] озаряется вся земля [3]); Она—плодоносная маслина, отъ которой Духъ Святый взялъ плотскую вѣтвь Господа и спасъ страждущій родъ человѣческій [4]); Она—похвала дѣвъ и радость матерей, она — архангельское возглашеніе,—именно такъ и сказано [5]): «радуйся и веселись [6]), Господь съ Тобою», и еще: «отъ Тебя», <чтобы опять обновить мертваго вслѣдствіе грѣха>.

14. Ты соизволилъ сохранить ея дѣвство, и Тебѣ благоугодно было, Господи, возлежать въ утробѣ Дѣвы, пославъ напередъ архангела возвѣстить [ей] объ этомъ [7]). И онъ, пришедши къ Маріи отъ вышнихъ неизреченныхъ силъ, прежде всего возгласилъ ей такую вѣсть: «радуйся и веселись» [8]), и тотчасъ опять прибавилъ: «Господь съ Тобою! Благословенна Ты въ женахъ и благословенъ плодъ чрева Твоего». Она же смутилась и размышляла, что бы это было за привѣтствіе. И достойнымъ образомъ, <я думаю>, благодать избрала святую Дѣву [9]), ибо она была мудрою во всемъ, и не было подобной ей среди женъ во всѣхъ народахъ [10]).

15. Она поступила не такъ, какъ первая дѣва [11]), которая, будучи одна въ саду, <нетвердымъ> и разслабленнымъ умомъ

---

[1]) Въ греч.: Ибо она—священная скинія и пречестный храмъ Божій.

[2]) Въ греч.: открывающая неизреченную волю Божію, единая святая тѣломъ и духомъ.

[3]) Въ греч.: Владычнимъ вхожденіемъ и исхожденіемъ озаряющая міръ.

[4]) Въ греч.: Она—плодоносная маслина, отъ которой Духъ Святый взялъ таинственную вѣтвь Господню и устроилъ обуреваемый родъ людей.

[5]) Въ греч.: пріемлющая архангельское возглашеніе и божественное благовѣстіе.

[6]) Въ греч.: радуйся, благодатная.

[7]) Въ греч.: Ибо Господь, благоизволивъ быть зачатымъ отъ святой Дѣвы, предпослалъ благовѣствующаго архангела.

[8]) Въ греч.: радуйся, благодатная. [9]) Въ греч.: + Марію.

[10]) Въ греч.: ибо святая была мудрою во всемъ между женами изъ всѣхъ родовъ и ни одной никогда не было подобной ей.

[11]) Въ греч.: дѣва Ева.

приняла совѣтъ [1]) змія и такимъ образомъ извратила помышленіе сердца своего, чрезъ что явились всякій трудъ и скорбь для святыхъ [2]). Но такова была Святая Дѣва, что ею были исправлены также и преступленія первой (т. е. Евы) [3]). Она не поступила и подобно Саррѣ, которая, получивъ благую вѣсть о рожденіи отъ нея сына, необдуманно засмѣялась; не поступила она и какъ Ревекка, которая, подобно перебѣжчику, приняла украшенія и съ готовностью напоила верблюдовъ своего жениха. И не какъ всякая [другая] жена, она не приняла пріятнаго привѣтствія неразсудительно (или безъ испытанія), а только послѣ яснаго и отчетливаго размышленія [4]).

16. Откуда ты принесъ намъ такое благословеніе? и [изъ] какой сокровищницы ты подалъ намъ жемчужину слова? [5]). Я хотѣла бы знать, что это за даръ, кто приноситъ слово [6]) и кто послалъ? Ты пришелъ съ неба, а показываешь образъ человѣка и блистаешь сіяніемъ свѣта [7]).

17. Объ этомъ въ сомнѣніи спрашивала саму себя святая Дѣва [8]). Но ангелъ разрѣшилъ ея [9]) недоумѣніе такими словами: *Духъ Святый найдетъ на Тебя, и сила Всевышняго осѣнитъ тебя. Посему ты зачнешь и родишь Сына и наречешь имя Ему Іисусъ, <чтобы Онъ спасъ родъ человѣческій отъ смерти грѣха>.*

18. Дѣва [10]) говоритъ въ отвѣтъ ангелу: <мой умъ утопаетъ въ твоихъ словахъ, какъ въ морѣ>. Какъ это будетъ со мною, когда я не желаю знать земного мужа, поелику я посвятила себя небесному Жениху? Я хочу остаться дѣвой. Я не желаю нарушать достоинства моего дѣвства.

---

[1]) Въ греч.: рѣчь.

[2]) Въ греч.: и чрезъ нее произошелъ всякій подвигъ святыхъ.

[3]) Въ греч.: но въ единой только святой Дѣвѣ было исправлено паденіе той.

[4]) Въ греч.: но съ сильнымъ размышленіемъ и яснымъ разсудкомъ недоумѣвала въ себѣ и говорила: что бы это было за привѣтствіе? въ чемъ этотъ даръ имѣетъ основаніе?

[5]) Въ греч.: откуда онъ принесъ намъ это благословеніе? Изъ какихъ сокровищъ намъ послана жемчужина слова?

[6]) Въ греч. просто: καὶ τίς ὁ φέρων.

[7]) Въ греч.: ты пришелъ съ неба, а показываешь образъ человѣка (ἀνθρώπου χαρακτῆρα δεικνύεις): зрю человѣка, а блистаешь сіяніемъ свѣта.

[8]) Въ греч.: объ этомъ она недоумѣвала въ себѣ и говорила.

[9]) Въ греч.: Маріи. [10]) Въ греч.: святая Дѣва.

19. Но Ангелъ снова утвердилъ святую <Дѣву> такими словами: не бойся, Марія. Ибо я пришелъ не устрашать тебя, но отогнать всякое основаніе для страха. Не бойся, Марія; ибо ты обрѣла благодать въ рукахъ Божіихъ [1]). Не изслѣдуй благодати, ибо благодать не терпитъ подчиненія законамъ естества. Духъ Святый найдетъ на тебя, почему и раждаемое отъ тебя святое наречется Сыномъ Божіимъ, сообразнымъ, соединосущнымъ и совѣчнымъ Отцу [2]); въ Которомъ Отецъ имѣетъ всецѣлое откровеніе [3]), какъ образъ въ ипостаси [4]), и въ Немъ чрезъ отраженіе сіяетъ Его слава [5]).

20. <Велика эта тайна>. Ты узнала, Марія [6]), то, что доселѣ было сокрыто и отъ ангеловъ; ты постигла то, чему не ясно внимали [7]) пророки и патріархи; ты услышала [8]) то, чего никогда не удостоивался слышать ликъ богоносныхъ. Давидъ и Исаія и всѣ пророки [9]) предвозвѣщали о Господнемъ вочеловѣченіи. Но только ты одна, святая Дѣва, восприняла [10]) невѣдомую имъ тайну; внимай и не разсуждай относительно того, какъ это будетъ съ тобою. Ибо создавшій человѣка изъ дѣвственной земли, Самъ и теперь творитъ все, что Онъ хочетъ, чтобы спасти собственное созданіе.

21. <Новый лучъ вѣчнаго свѣта сіяетъ намъ во вдохновенномъ благозвучіи этихъ словъ>. Теперь и мнѣ прилично и благовременно выразить удивленіе поведенію святой Дѣвы, которую достойно привѣтствуетъ ангелъ прежде всего такъ: «радуйся и веселись» [11]); поелику съ нею пробуждаются и оживаютъ всѣ сокровища благодати [12]). <Изъ всѣхъ родовъ она одна только была и дѣва и матерь, не познавшая мужа, святая по тѣлу и по душѣ>. Изъ всѣхъ родовъ лишь она одна содѣлалась достойною родить Бога; она одна только носитъ въ себѣ глаголомъ своимъ носящаго всяческая.

---

1) Въ греч.: у Бога. 2) σύμμορφος, συνομοούσιος, συναΐδιος τῷ πατρί.
3) Въ греч.: + Божества. 4) ὁ χαρακτὴρ ἐν τῷ προσώπῳ.
5) Въ греч.: + да просвѣтитъ во тьмѣ сидящихъ.
6) Въ греч.: блаженная ὦ μακαρία.
7) Въ греч.: τὰ τοὺς προφήτας καὶ πατριάρχας λανθάνοντα.
8) Въ греч.: + Марія. 9) Въ греч.: οἱ λοιποὶ θεηγόροι.
10) Въ греч.: пріими и узнай — ὑποδέχου καὶ μάνθανε.
11) Въ греч.: радуйся, благодатная.
12) Въ греч.: поелику съ нею жительствуетъ (πολιτεύεται) все сокровище благодати.

22. И надлежитъ дивиться не только красотѣ святой Матери Божіей [1]), но также и превосходству ея души; посему къ ней и были обращены слова: «Господь съ Тобою, и еще: Господь отъ Тебя» [2]). <Этимъ какъ бы такъ было сказано: Онъ, какъ многомилостивый, спасетъ того, кто по его образу>. Святая Дѣва содѣлалась какъ бы готовымъ ковчегомъ божественной тайны, въ которомъ облечена была въ плоть и запечатлѣна жемчужина жизни; и такимъ образомъ она стала вмѣстилищемъ премірнаго и божественнаго спасенія [3]).

23. Итакъ, возлюбленные, приступимъ и мы и воздадимъ нашъ долгъ по мѣрѣ нашихъ силъ и, слѣдуя гласу архангела, громко воскликнемъ: радуйся и веселись [4]), Господь съ тобою! [5]) Не какой нибудь земной [6]) <женихъ>, но самъ Господь, Отецъ чистоты, хранитель дѣвства и Господь освященія, зиждитель нетлѣнія, податель свободы, ходатай спасенія, распорядитель и раздаятель истинной мудрости, [7])—Самъ Господь съ тобою, поелику въ тебѣ <и на тебѣ> почила божественная благодать, <дабы подобострастный Господь оживилъ родъ человѣческій>.

24. [8]) Адамъ больше не боится коварнаго змія, потому что пришелъ Господь нашъ и разъсѣялъ сонмъ враговъ [9]). Родъ человѣческій уже не страшится обольщенія и коварства змія, потому что Господь сокрушилъ главы дракона въ водѣ крещенія. Не боюсь уже и я слышать слова: земля еси и въ землю отъидеши. Ибо Господь въ крещеніи [10]) истребилъ во мнѣ скверну грѣховную. Я уже больше не плачу, не стенаю, не считаю опять несчастіемъ, когда терніи уязвляютъ

---

[1]) Въ греч.: Богородицы.

[2]) Въ греч.: посему и провозгласилъ ей ангелъ: радуйся, благодатная, Господь съ тобою.

[3]) Въ греч. только: ибо святая, уготовавши свою душу гостепріимною для Бога, содѣлалась вмѣстилищемъ гостепріимныхъ и божественныхъ тайнъ.

[4]) Въ греч.: радуйся, благодатная.

[5]) Въ греч. далѣе слѣдуетъ: ибо тебѣ воистину надлежитъ радоваться, поелику съ тобою вселился Господь, какъ вѣдалъ.

[6]) Въ армянскомъ, очевидно, по ошибкѣ: небесный.

[7]) Въ греч.: истиннаго міра.

[8]) Въ греч. + Радуйся, благодатная, Господь съ тобою.

[9]) Въ греч.: потому что родившійся отъ тебя разрушилъ всю силу врага.

[10]) Въ греч.: во святомъ крещеніи.

меня [1]). Ибо Господь нашъ, исторгши терніи грѣховъ нашихъ, увѣнчалъ ими Свою главу. Разрѣшена древняя клятва [2]), говорившая: терніи и волчцы земля возраститъ тебѣ (Быт. III, 18), ибо терніе исторгнуто и волчецъ засохъ; а отъ святой Дѣвы произошло древо жизни и благодати. Ева не боится больше ни поношенія, ни мукъ рожденія. ибо святою Дѣвою ея преступленія [3]) упразднены и изглажены, <такъ какъ изъ нея родился Богъ, чтобы оживить созданнаго по Своему образу>.

25. Святая Дѣва содѣлалась оплотомъ [4]) <нетлѣнной> жизни для насъ и источникомъ свѣта для вѣрующихъ во Христа, явившись востокомъ мысленнаго свѣта. Радуйся и веселись [5]), Господь съ тобою и отъ тебя, совершенный въ Божествѣ <и въ человѣчествѣ>, въ Которомъ обитаетъ вся полнота Божества. Радуйся и веселись [6]): Господь съ тобою <и отъ тебя>—съ Своею рабою Господь славы [7]), съ пескверною—освящающій всяческая, съ прекрасною—красенъ добротою паче всѣхъ сыновъ человѣческихъ, чтобы оживить созданнаго по Своему образу [8]).

26. Мы вѣруемъ въ божественныя слова Учителя и радуемся, потому что Христосъ, наша нетлѣнная весна, пришелъ къ намъ съ розами, лиліями и благоухающими вѣнками и наполнилъ прекрасный садъ церквей, равно какъ и питомники нашихъ сердецъ [цвѣтами] изъ рая Божія [9]). Итакъ, приблизимся съ чистымъ сердцемъ и обрѣтемъ вѣру, блистающую подобно золоту и благоухающую плодами безсмертія. Ибо изъ неистлѣнной Маріи [10]) произрасло для насъ древо, приносящее прекрас-

---

[1]) Въ греч.: Я уже больше не плачу, не стенаю, не говорю: возвратихся на страсть, егда унзе ми тернъ (см. Псал. XXXI, 4).

[2]) Въ греч.: Разрѣшенъ грѣхъ мой, разрѣшена древняя моя клятва.

[3]) Въ греч.: ибо въ святой Дѣвѣ исправлено ея заблужденіе.

[4]) Въ греч.: источникомъ. [5]) Въ греч.: радуйся, благодатная.

[6]) Въ греч.: радуйся, благодатная.

[7]) Въ греч.: съ рабою—Царь.

[8]) Въ греч.: чтобы спасти, человѣка, котораго создалъ по образу Своему; Его божественною вѣрою и благодатію мы радуемся и трисолнечнымъ свѣтомъ просвѣщаемся.

[9]) Въ греч. начало этого параграфа изложено такъ: Розы и лиліи и помазанія умнаго благоуханія! Пришелъ Христосъ, наша неизреченная весна, пріятный и прекраснѣйшій рай церквей, и божественными ароматами и небесными дарами исполнилъ трехчастную нашу душу.

[10]) Въ армянск.: въ пустынѣ Маріи.

ные плоды [1]), <чтобы, какъ святой и милостивый, Онъ оживилъ Свое твореніе>.

27. Преблагословенная Дѣва была святою и мудрою, во всѣхъ отношеніяхъ несравнимою среди всѣхъ народовъ и безподобною между женами [2]). Она [поступила] не такъ, какъ первая дѣва Ева, которая, будучи одна въ саду, въ своемъ слабомъ умѣ была обольщена зміемъ, и такимъ образомъ, принявши его рѣчь, внесла въ міръ смерть, и по причинѣ этого произошли всѣ страданія святыхъ [3]). Но въ ней одной, въ сей святой Дѣвѣ Маріи [4]), произросъ для насъ отпрыскъ жизни, потому что она одна содѣлалась непорочною по душѣ и тѣлу.

28. Съ дерзновеннымъ умомъ она отвѣчала ангелу: откуда это привѣтствіе, и какъ это будетъ со мною? Ты научи [5]), какимъ образомъ величественная сила дѣлается подобострастною нашей нищетѣ? Какъ имѣющій власть надъ небесными силами воспринимаетъ образъ нашего уничиженія? Какъ предвѣчный Богъ можетъ сдѣлаться младенцемъ и воплотиться Тотъ, Кто одѣвается свѣтомъ, какъ одеждою, <и даетъ жизнь Своему творенію>? Научи меня,—сказала Святая Дѣва,—этой непостижимой тайнѣ, и я, при осѣненіи Святаго Духа, сдѣлаюсь сосудомъ, который приметъ божественную тайну (или мысль), и я воспріиму истинную плоть Его въ свою плоть, при созиданіи премудростію свыше [6]).

29. Слово стало плотію и обитало въ насъ, т. е., въ той самой плоти, которую Оно приняло отъ насъ и которая была одушевлена Духомъ—[виновникомъ] ея рожденія [7]). Неизмѣ-

---

[1]) Въ греч.: произрасло для насъ присно-живое древо благодати.

[2]) Въ греч.: Блаженная во всѣхъ родахъ была исполнена духовной мудрости во всемъ. Ни одна изъ женъ не сдѣлалась подобною ей, утвержденною во всѣхъ чувствахъ.

[3]) Въ греч.: и вслѣдствіе этого произошла многая борьба и труды святыхъ и преподобныхъ мужей.

[4]) Въ греч.: Но въ одной только нескверной и Приснодѣвѣ Маріи.

[5]) Въ греч.: я хочу узнать.

[6]) Отрывокъ: „ты научи меня—премудростію свыше“ въ греч. построенъ такъ: И ангелъ говоритъ къ ней: поистинѣ такъ сіе благоизволилъ (Богъ), чтобы спасти собственное созданіе. Святая Дѣва изслѣдовала столь непостижимое таинство и содѣлалась вмѣстилищемъ божественныхъ тайнъ, при осѣненіи Святаго Духа. И воспринята истина плоти, и премудрость создала домъ (Притч. IX, 1).

[7]) Въ греч.: которую приняло отъ человѣка, и которую духъ разумной души одушевилъ (καὶ πνεῦμα ψυχῆς λογικῆς ἐψύχωσεν.

няемый Богъ воспринялъ образъ раба, чтобы вѣрующими почитаться, какъ человѣкъ, а невѣрующимъ открыться, какъ Богъ, <да обновитъ первозданнаго>.

30. Отъ святой Дѣвы воспринялъ плотское естество Сынъ Божій, ибо Онъ есть Богъ прежде вѣковъ. Онъ благоизволилъ родиться, быть наименованнымъ Сыномъ человѣческимъ и сдѣлаться видимымъ, будучи невидимымъ; ради насъ обнищаваетъ Тотъ, Кто есть всякое богатство, и безстрастный и безсмертный страдаетъ, какъ человѣкъ [1]). Онъ <истинно> соединился съ плотью, но не измѣнился духомъ. Невидимый облекся въ смертное тѣло [2]), чтобы и его содѣлать безсмертнымъ, дѣлая его сопричастнымъ въ безсмертіи Божеству, <да обновитъ созданнаго Своею святою рукою>.

31. <Слава и> свѣтъ пришелъ въ міръ—Христосъ Богъ нашъ, <прославляя и> просвѣщая все присно-текущимъ свѣтомъ,—Онъ, о Которомъ гласъ невидимаго Отца свидѣтельствовалъ: «Сей Сынъ Мой и Слово, Который прежде вѣковъ» (ср. Мѳ. III, 17).

32. Марія была успокоена словомъ ангела, однако размышляла въ себѣ о рожденіи Господа, наталкиваясь на несоизмѣримость его съ человѣческою мыслью: то она возносится на высоту Божественнаго, то опять ея умомъ овладѣваетъ уничиженность человѣчества. И когда такимъ образомъ она колеблется на вѣсахъ размышленія то въ ту, то въ другую сторону, въ это именно время она дѣлается <истинно> достойною опредѣленнаго божественнаго рѣшенія. Ибо, сохранивши чистое сокровище дѣвства неповрежденнымъ, она сдѣлала непреклоннымъ и рѣшеніе своего сердца. И [такимъ образомъ] спасена тварь, которую Онъ создалъ по Своему образу [3]).

33. Христосъ, Сынъ Божій, родившійся [4]) отъ <святой> Дѣвы [5]), пришелъ <въ міръ>, какъ благодать [6]); создавшій вся ческая оживилъ [7]) насъ благодатію. Нынѣ родился въ мірѣ Хри-

---

[1]) Въ греч.: Ибо будучи Сыномъ Божіимъ и предвѣчнымъ Богомъ, Онъ удостоилъ содѣлаться сыномъ святой жены, невидимый дѣлается видимымъ и богатый ради насъ обнищаваетъ и безстрастный и безсмертный страдаетъ, какъ человѣкъ.

[2]) Въ греч.: необъятный заключился въ смертное тѣло.

[3]) Въ греч.: Итакъ, святая исполнилась внутренней радости чрезъ Того, Кто отъ нея воспринялъ плоть.

[4]) Въ греч. + неизреченно. [5]) Въ греч. + Маріи.

[6]) Въ греч. + для насъ. [7]) Въ греч.: спасаетъ.

стосъ, — и вся тварь ликуетъ. <Въ залогъ Онъ даетъ Свое искупленіе, червонецъ долготерпѣнія, чтобы пріобрѣсти [для насъ] обители царства. Святая Дѣва исполнилась радости, потому что отъ нея Онъ воспринялъ Свою плоть, чтобы опять возстановить подпавшаго грѣху.

34. Да отвратятся отъ насъ дурные помыслы, когда мы воспѣваемъ псалмы Тебѣ, Небесный и Святый Отче, взирая на великій свѣтъ, который Ты даровалъ намъ, Іисуса Христа, рожденнаго отъ святой Дѣвы и Божествомъ Своимъ творящаго чудеса, однако ради насъ принимающаго страданія Своею плотію>. Посему и мы, еще сущіе во плоти, поспѣшимъ <тѣломъ и душею> умилостивить Бога ангельскими славословіями, посредствомъ испытаннаго образца вѣрно всѣемъ въ нашу мысль истину божественныхъ ученій. Ибо тайна эта непостижима, невидима, неизмѣнна, неописуема, въ молчаніи покланяемая и страшная для ума. Ибо даже святая <Дѣва> сама изумлялась способу, какъ сіяніе свѣта бываетъ рожденіемъ жены? Она скрывала въ себѣ сокровище жизни и продолжала размышлять о привѣтствіи архангела, доколѣ не принесла зрѣлаго плода спасенія, <долженствовавшаго спасти [или: обновить] человѣка>.

35. Та́къ вотъ прекрасные цвѣты ученія Христова производятъ <намъ на этомъ мѣстѣ> плоды благословенія; та́къ всякая чистота и благоуханіе съ чистою совѣстію приносятъ Богу ѳиміамъ молитвы. Такъ дѣвство и ликовствующее цѣломудріе плодоносятъ живоносный гроздъ. Та́къ знаменія побѣдоносной силы произращаютъ намъ сокровища любви. Та́къ таинство Святой Троицы открыто ангеломъ Дѣвѣ по Евангелію: «Духъ Святый найдетъ на тебя и сила Всевышняго осѣнитъ тебя, посему рождаемое отъ тебя святое наречется Сыномъ Божіимъ,— Ему слава и честь во вѣки вѣковъ [1]).

Н. Сагарда.

[1]) Въ греч.: Ему слава и держава и поклоненіе во вѣки. Аминь.

Императоръ Константинъ Великій и миланскій эдиктъ 313 года [1]).

Мнѣнію о двухъ эдиктахъ Константина и Ликинія въ обоихъ его видахъ, какъ оно высказано было и Валуа и Кеймомъ [2]), въ концѣ 60-хъ годовъ и въ дальнѣйшее время было противопоставлено нѣкоторыми учеными (Гунцикеръ 1868. Цанъ 1876. и другіе) то естественное соображеніе, что въ отмѣненномъ закономъ 313 г. предыдущемъ ограничительномъ законѣ (ἀντιγραφή въ § 3 греческаго текста, γράμματα въ § 6) нѣтъ никакой необходимости усматривать особое постановленіе самихъ же Константина и Ликинія: имѣются въ виду здѣсь и отмѣняются ограничительныя условія для христіанъ въ дополнительномъ письмѣ къ извѣстному эдикту Галерія 311 г., изданномъ отъ имени не только Галерія, но и Константина и Ликинія. Это предположеніе было потомъ принято многими изслѣдователями. Въ новѣйшее время обстоятельный разборъ мнѣній Валуа и Кейма далъ Бильмейеръ [3]).

---

[1]) См. февральскую книжку. На стр. 142, строка 5 снизу, вмѣсто „Ликинія“ должно быть „Максимина“; 148, строка 16 сверху, вмѣсто „*nomine*“ — „*nomine* uidebantur“; 149, строка 12 снизу слѣва, вмѣсто „colenda“—„colendo“; 149, строка 6 снизу справа, вмѣсто „τιξᾶν“—„τιμᾶν“.

[2]) *Bihlmeyer* въ Theol. Quartalschrift, 1914, S. 91, указываетъ, что сходное съ гипотезой Кейма мнѣніе высказалъ еще ранѣе *Othmar Rauscher*, Geschichte der christl. Kirche. II (1829) 207 f.

[3]) *K. Bihlmeyer*, Das angebliche Toleranzedikt Konstantins von 312. Mit Beiträgen zur Mailänder Konstitution (313), въ Theol. Quartalschrift, XCVI, 1914, S. 65—100, 198—224. Кромѣ *O. Hunziker*, Zur Regierung und Christenverfolgung des Kaisers Diokletianus und seiner Nachfolger 303—313, въ Büdinger's Untersuchungen zur römischen Kaisergeschichte. II. Leipzig

Но если, такимъ образомъ, устранялся, какъ не существовавшій на дѣлѣ, эдиктъ Константина и Ликинія 312 г., то на ряду съ этимъ выдвинуто было опять въ новое время мнѣніе, отрицавшее существованіе и эдикта 313 года.

Въ 1891 г., въ то время какъ, между прочимъ, Буассье заявлялъ, что миланскій эдиктъ «есть одинъ изъ тѣхъ документовъ древней исторіи, которыми мы обладаемъ несомнѣнно въ ихъ цѣлости» [1], извѣстный изслѣдователь константиновской эпохи, Зеекъ, независимо, повидимому, отъ указаній Манси и Клинтона, въ небольшой статьѣ подъ заглавіемъ: «Такъ называемый миланскій эдиктъ», обратилъ опять особое вниманіе на то обстоятельство, что документъ, находящійся у Лактанція, есть именно не болѣе лишь какъ письмо Ликинія виѳинскому президу [2]). Считая и документъ у Евсевія переводомъ также Ликиніева письма, которое послано было и въ Палестину, гдѣ жилъ Евсевій, Зеекъ выступилъ съ рѣшительно заявленнымъ мнѣніемъ, что и существовало на дѣлѣ только именно это никомидійское письмо Ликинія. Значеніе оно имѣло мѣстное, лишь для востока: имъ отмѣнялись тѣ ограниченія, которыми со стороны Максимина парализовано

1868, S. 246, и *Th. Zahn*, Konstantin der Grosse und die Kirche. Hannover 1876. S. 34 f. (перепечатывалось въ Th. Zahn, Skizzen aus dem Leben der Alten Kirche), Бильмейеръ (215) перечисляетъ еще цѣлый рядъ авторовъ, которые держатся того же, обосновываемаго имъ самимъ мнѣнія, что закономъ 313 г. отмѣнялись изданныя еще при Галеріи ограниченія (Harnack, Mason, Uhlhorn, Antoniades, Hilgenfeld, Görres, Belser, Allard, Möller-Schubert, Schwartz, Workmann, Schnyder, Funk, Krüger, Wittig). Другіе ученые, тоже отвергая гипотезу о двухъ эдиктахъ, полагаютъ, что подъ отмѣняемымъ въ законѣ 313 г. постановленіемъ нужно разумѣть извѣстное письмо Максимина Савину 312 г. и, можетъ быть, письмо Савина 311 г. (Seeck, Hülle, Carassai, ср. разборъ у Bihlmeyer'a, 205—213), или что ἀντιγραφή въ § 3 есть эдиктъ Галерія, но γράμματα въ § 6—указы Максимина (Linsenmayer, Duchesne, Gwatkin, ср. у Bihlmeyer'a, 213—214; того же мнѣнія держится De Bacci Venuti), или, наконецъ, что это суть инструкціи, данныя Ликиніемъ правителямъ своихъ провинцій раньше. въ 311—313 гг. (Batiffol, въ Bulletin d'ancienne littér. et d'archéol. chrétiennes. 1914, 249).

[1]) *G. Boissier*, La fin du paganisme. I. Paris 1891, p. 50 (первоначально было напечатано въ Revue des deux mondes, 1887, t. LXXXII, 521): „C'est donc l'un des documents de l' histoire ancienne que nous sommes le plus sûrs de posséder dans leur intégrité“.

[2]) *O. Seeck*, Das sogenannte Edikt von Mailand, въ Zeitschrift für Kirchengeschichte. XII. 1891, S. 381—386.

было въ его области значеніе эдикта Галерія. Въ заглавіи его, тѣмъ не менѣе, должно было стоять, по предположенію Зеекка, будто бы, не только имя самого Ликинія и имя Константина, но также и имя Максимина, такъ какъ хотя онъ и былъ разбитъ Ликиніемъ 30 апрѣля, но безъ согласія Константина не могъ еще быть объявленъ лишеннымъ престола. Такимъ образомъ, какъ формулируетъ свое мнѣніе самъ Зееккъ, обычно называемый «миланскимъ эдиктомъ» документъ «во-первыхъ, вовсе не есть эдиктъ, во-вторыхъ, изданъ не въ Миланѣ, въ третьихъ, не Константиномъ, и въ четвертыхъ, не устанавливаетъ юридической вѣротерпимости, которою христіане давно уже пользовались, для всего государства, но содержаніе его имѣетъ гораздо болѣе ограниченное значеніе» [1]). Изданнаго въ Миланѣ Константиномъ и Ликиніемъ эдикта о христіанахъ съ общимъ значеніемъ вовсе не было. Въ 312 г. со стороны Константина были лишь посланы письма Максимину [2]).

Въ результатѣ получалось, что Константинъ не издавалъ никакого общаго закона въ пользу христіанъ; былъ лишь раньше изданъ эдиктъ Галеріемъ въ 311 г.,—а для востока затѣмъ въ 313 г. издано еще адресованное къ мѣстнымъ властямъ узаконеніе Ликинія.

На защиту существованія эдикта Константина 313 г. противъ Зеекка немедленно выступилъ Гёрресъ (1892), съ давнихъ поръ занимавшійся исторіей гоненій на христіанъ, въ частности эпохи Діоклетіана [3]). Онъ, между прочимъ, вполнѣ справедливо отмѣтилъ, что документъ 313 г. вообще даетъ христіанамъ на дѣлѣ гораздо болѣе, чѣмъ эдиктъ Галерія 311 г., и что исходить это новое узаконеніе во всякомъ случаѣ должно, въ концѣ концовъ, отъ Константина, а не отъ Ликинія съ его языческимъ по существу настроеніемъ. Но отстаивая фактъ изданія эдикта въ Миланѣ, Гёрресъ призналъ, что сохранился у Лактанція и Евсевія именно лишь документъ, изданный Ликиніемъ, а «архетипъ» эдикта, древнѣйшая первоначальная форма его, тотъ видъ, въ какомъ онъ былъ обна-

---

[1]) 381.

[2]) *O. Seeck*, Geschichte des Untergangs der antiken Welt. I. 3 Aufl. Berlin 1910, S. 147.

[3]) Eine Bestreitung des Edicts von Mailand durch O. Seeck. Kritisch beleuchtet von *Fr. Görres*, въ Zeitschrift für wissenschaftliche Theologie, XXXV, 1892, S. 282—295.

родованъ Константиномъ и Ликиніемъ въ 313 г. («въ началѣ марта») для префектовъ преторіи, не дошелъ до насъ. Какихъ-либо соображеній по вопросу объ отношеніи имѣющихся у Лактанція и Евсевія текстовъ къ предполагаемому «архетипу» авторъ не высказываетъ. Между тѣмъ, очевидно, къ этому вопросу должна была сводиться, при такой постановкѣ дѣла, дальнѣйшая задача изслѣдованія.

Итальянскій историкъ Кривеллуччи, въ то же время (1892), въ самомъ текстѣ Ликиніева рескрипта находилъ указаніе на способъ его происхожденія: ненужныя повторенія въ немъ свидѣтельствуютъ, что онъ есть передѣлка миланскаго документа, компиляція изъ него, произведенная такимъ образомъ, что къ тексту послѣдняго присоединены мѣста, имѣющія отношеніе къ «рескриптамъ» Максимина [1]). Въ миланскомъ законѣ содержались, по его мнѣнію, опредѣленія какъ о религіозной свободѣ, такъ и о возвращеніи христіанамъ отнятыхъ храмовъ и имущества [2]).

Попытку выполнить указанную задачу и опредѣлить болѣе или менѣе точно отношенія сохранившагося рескрипта къ его «архетипу» представилъ Гюлле (1895), въ своемъ изслѣдованіи о толерантныхъ указахъ римскихъ императоровъ въ пользу христіанства [3]). Соглашаясь съ Зееккомъ въ томъ, что дошедшій до насъ документъ въ цѣломъ не есть эдиктъ, что онъ получилъ начало не въ Миланѣ и не отъ Константина, а есть никомидійскій рескриптъ Ликинія, онъ, однако, думаетъ, что въ этомъ рескриптѣ не только указывается на изданіе въ Миланѣ прави-

---

[1]) *A. Crivellucci*, L'editto di Milano, въ Studi storici. I. Pisa 1892, p. 250: [rescritto liciniano] „fosse piuttosto una rifusione, una rabberciatura di quello di Milano, cioè quello stesso coll' aggiunta dei luoghi che accennano ai rescritti di Massimino“. Приведено у *De Bacci Venuti*, 323. Какъ представитель подобнаго же мнѣнія, здѣсь указывается еще *C. Carussai*, La politica religiosa di Costantino il Grande, въ Archivio storico della Società Romana di Storia patria, XXIV, 1901, p. 102—103. Кривеллуччи признавалъ сначала (въ книгѣ Della fede storica di Eusebio nella vita di Costantino. Livorno 1888, p. 123 s., у *Sesan*'а, 149) эдикты и Галерія, и миланскій, намѣренно искаженными (adulterati) Евсевіемъ, потомъ, въ отзывѣ о книгѣ Буассье, присоединился къ отрицательному мнѣнію Зеекка, но очень скоро затѣмъ призналъ, что „миланскій эдиктъ, хотя съ ограниченнымъ значеніемъ, существовалъ“. Ср. *G. L. Perugi*, Storia di una controversia, въ Roma e l'Oriente. 1913, № 35—36, p. 7—12.

[2]) Ср. у *Hülle*, 98_2.

[3]) *H. Hülle*, Die Toleranzerlasse römischer Kaiser für das Christentum bis zum Jahre 313. Berlin 1895. S. 80—103.

телями особаго закона, именно эдикта, но и его содержаніе, даже, можетъ быть, буквально и вполнѣ, передается въ томъ мѣстѣ рескрипта, гдѣ дѣлается упоминаніе о миланскомъ постановленіи. Именно, изъ эдикта онъ считаетъ заимствованными слова послѣ hoc consilium ineundum esse credidimus: «ut nulli omnino — — benevolentiamque praestare» (§ 3). Все прочее до этихъ словъ и послѣ составляетъ рескриптъ Ликинія [1]). Въ той части, гдѣ говорится о возвращеніи христіанамъ конфискованныхъ имуществъ, этотъ Ликиніевъ рескриптъ имѣетъ соотвѣтствіе въ рескриптѣ Константина проконсулу Анулину [2]). Съ Зееккомъ Гюлле соглашается и въ томъ, что имя Максимина, не смотря на его борьбу съ Ликиніемъ, стояло въ заглавіи рескрипта; упоминаемый въ рескриптѣ другой рескриптъ (ἀντιγραφή), содержавшій ограниченія для исповѣдниковъ христіанской религіи, есть письмо Максимина къ Савину [3]). Въ сообщеніи Евсевія о посланіи «совершеннѣйшаго» закона о христіанахъ Константиномъ и Ликиніемъ Максимину сразу послѣ пораженія Максентія Гюлле видитъ, подобно Кейму, ошибку Евсевія: миланскій эдиктъ 313 г. у Евсевія оказывается существующимъ уже въ 312 г. На дѣлѣ было лишь посольство или письма со стороны Константина къ Максимину, послѣ чего тотъ, въ концѣ 312 года, и написалъ свой рескриптъ Савину [4]). Къ Гюлле присоединился, напр., Шультце [5]).

Близко къ Гюлле въ рѣшеніи вопроса о томъ, что̀ нужно считать въ письмѣ Ликинія заимствованнымъ изъ миланскаго эдикта, стоитъ англійскій историкъ Гуоткинъ (1909) [6]). Но онъ уже нѣсколько расширяетъ объемъ предполагаемаго заимствованія и высказываетъ мнѣніе, что «сущность» эдикта воспроизводится вообще въ начальномъ отдѣлѣ текста документа у Лактанція: «Cum feliciter — — praestare» (§ 2, 3), а не заключается лишь въ словахъ «ut nulli — — praestare» (§ 3). Письмо Ликинія начинается собственно съ Quare (§ 4). На существованіе эдикта указываетъ, какъ онъ думаетъ, упо-

[1]) 97. [2]) 103. [3]) 94—5. [4]) 63—7.

[5]) *V. Schultze* въ Hauck's RE³X (1901), S. 763. Въ отзывѣ о книгѣ Sesan'a въ Theol. Literaturblatt, 1912, S. 295, онъ называетъ лишь вопросъ „труднымъ“ и еще ожидающимъ разъясненія.

[6]) *H. M. Gwatkin*, Early Church History to A. D. 313. II. London 1909, p. 357—360. Введеніе у Евсевія Гуоткинъ, очевидно, относитъ къ рескрипту Ликинія, такъ какъ подъ упоминаемымъ въ немъ ἀντιγραφή онъ разумѣетъ изданный Максиминомъ рескриптъ (357).

требленное Евсевіемъ въ заглавіи приведеннаго у него документа выраженіе «ἀντίγραφον βασιλικῶν διατάξεων (= эдиктъ, по Гуоткину)». Но въ дѣйствительности Евсевій даетъ подъ этимъ заглавіемъ лишь litterae Licinii, рескриптъ Ликинія, который приводится и у Лактанція и въ которомъ Ликиній воспроизводитъ эдиктъ и предписываетъ привести его въ исполненіе. Но такая «подмѣна» (substitution) естественна. Максиминъ, конечно, не опубликовалъ эдикта на востокѣ, гдѣ жили Лактанцій и Евсевій; весьма вѣроятно, что и Ликиній не позаботился опубликовать его тамъ снова. А въ такомъ случаѣ онъ былъ для нихъ, такъ сказать, представленъ чрезъ рескриптъ Ликинія, который они и даютъ. Рескрипту Ликинія на востокѣ соотвѣтствуетъ до нѣкоторой степени на западѣ рескриптъ Константина проконсулу Африки Анулину.

Съ мнѣніемъ, что мы имѣемъ дѣло у Лактанція и Евсевія лишь съ «рескриптомъ» Ликинія, но въ этотъ рескриптъ включенъ такъ или иначе текстъ и миланскаго постановленія, согласились въ послѣднее время (1913) итальянскіе ученые, Де Баччи Венути и Галли, и французскій ученый, аббатъ Батиффоль, но въ способѣ выдѣленія искомаго текста изъ текста рескрипта они расходятся какъ съ Гюлле и Гуоткиномъ, такъ и между собою.

Де Баччи Венути [1]) не только не ограничиваетъ заимствованнаго, по его предположенію, изъ миланскаго эдикта текста въ рескриптѣ Ликинія лишь указываемымъ у Гюлле мѣстомъ, но идетъ далѣе и Гуоткина. Введеніе къ документу у Евсевія онъ считаетъ принадлежащимъ къ рескрипту Ликинія. Но все начало текста у Лактанція «Cum feliciter — — praestare» (§ 2, 3) относится имъ, подобно Гуоткину, къ эдикту. Съ Quare (§ 4) тонъ законодательнаго акта измѣняется, и начинается изложеніе Ликинія, обращенное къ магистрату. Но въ эдиктъ входили, по нему, далѣе, и слова о возвращеніи богослужебныхъ зданій христіанамъ: «Atque hoc — — consulatur» (§ 7, 8), за исключеніемъ фразы «de quibus etiam datis ad officium tuum litteris certa antehac forma fuerat comprehensa» (въ § 7). Онъ находитъ затѣмъ возможнымъ и изъ дальнѣйшаго текста удержать для

---

[1]) *T. De Bacci Venuti*, Dalla grande persecuzione alla vittoria del Cristianesimo. Milano 1913, p. 303—339: Appendice intorno alla esistenza e al valore storico dell' editto di Milano.

эдикта еще слова: «Hactenus fiet — — perseveret» (§ 11), бывшія, по его предположенію, заключеніемъ эдикта [1]). Если въ рескриптѣ Ликинія говорится о прежнихъ ограничительныхъ условіяхъ для религіозной свободы христіанъ, то имѣется въ виду не какой-либо законъ самихъ же Констанстантина и Ликинія, но эдиктъ Галерія и толкованіе, данное ему Максиминомъ [2]). Проектъ миланскаго закона, извѣщеніе о намѣреніи издать его, были посланы и Максимину. Объ этомъ именно и сообщаетъ Евсевій въ IX, 9, 12. Когда же Максиминъ отказался подписать его и обратился вмѣсто того съ своимъ рескриптомъ къ Савину, Константинъ и Ликиній въ мартѣ обнародовали эдиктъ отъ своего имени. Самаго эдикта Максиминъ не имѣлъ у себя и точно содержанія его не зналъ; этимъ объясняются нѣкоторые разности въ его собственномъ послѣдующемъ эдиктѣ отъ миланскаго эдикта: онъ не дѣлаетъ, напр., различія, говоря о возвращеніи имущества христіанамъ, между церковнымъ имуществомъ и собственностью частныхъ лицъ, что̀ могло находиться въ миланскомъ эдиктѣ и было повторено Ликиніемъ въ его рескриптѣ. Тѣмъ болѣе нельзя думать, что онъ подписалъ этотъ документъ, такъ какъ тогда онъ долженъ бы въ своемъ послѣднемъ эдиктѣ дать христіанамъ еще что-нибудь большее, а не оставаться въ предѣлахъ Ликиніева рескрипта. Изложенное представленіе о ходѣ дѣлъ должно, по автору, подтверждать правдивость сообщеній Евсевія [3]).

Еще болѣе расширяетъ предполагаемый сохранившійся въ рескриптѣ текстъ эдикта Галли [4]). Повторяя частію разсужденія Де Баччи Венути, кромѣ всѣхъ тѣхъ мѣстъ, которыя отнесены къ эдикту у этого автора, онъ признаетъ относящимся къ нему и приведенное только у Евсевія введеніе; и отдѣлъ «Et quoniam — — sperent» (§ 9); въ послѣднемъ нужно лишь признать при этомъ слова «reddi jubebis» (обращеніе во второмъ лицѣ къ магистрату) замѣняющими какое-либо другое бывшее сначала въ эдиктѣ выраженіе, можетъ быть, «reddantur» [5]). Согласно этой реконструкціи, очевидно, боль-

---

[1]) 318—323. [2]) 320—321. [3]) 323—328.

[4]) *E. Galli*, L'Editto di Milano del 313, въ La Scuola cattolica, XLI, ser. V, vol. II, 1913, maggio e giugno, p. 39—73.

[5]) 62—67. Галли, между прочимъ, указываетъ (65) для предполагаемаго „reddantur" аналогію въ „restituantur" въ концѣ § 7 письма Ликинія; но по Брандту (232), въ рукописи стоитъ „restituant", и невѣрно

шая часть текста письма Ликинія (почти 2/3) является воспроизведеніемъ эдикта, и прибавленнымъ къ послѣднему оказывается сравнительно лишь немногое (§ 4—6, 10 и 12, и по нѣсколько строкъ въ 7 и 8, въ цѣломъ немного болѣе 1/3 всего документа по числу строкъ).

Напротивъ, Батиффоль, которому извѣстна и статья Галли, не находитъ нужнымъ въ такой степени увеличивать объемъ того, что въ рескриптѣ можно считать взятымъ изъ эдикта, и предлагаетъ свой особый опытъ реконструкціи [1]). Признавая всю трудность отдѣлить съ увѣренностью текстъ эдикта отъ сопровождающаго его «комментарія» или «глоссы» самого Ликинія, онъ полагаетъ, что къ эдикту съ вѣроятностью можно относить прежде всего слова о сдѣланномъ въ Миланѣ постановленіи касательно религіозной свободы. Но въ отличіе отъ Гюлле, такими словами онъ считаетъ лишь начальную тираду латинскаго текста у Лактанція: «Cum feliciter — — possit existere» (§ 2). Въ слѣдующей тирадѣ: Itaque hoc consilio — — credidimus, ut nulli — — praestare (§ 3,=эдиктъ по Гюлле) онъ видитъ уже лишь тавтологическую глоссу къ указанному тексту; дальнѣйшее (Quare — — a nobis, § 4—6) есть инструкція Ликинія магистрату. Но подобно Де Баччи и Галли, къ эдикту же онъ относитъ, далѣе, и постановленіе о возвращеніи христіанамъ богослужебныхъ зданій: «Atque hoc — — clementiam consulatur» (§ 7, 8); лишь замѣчаніе здѣсь: de quibus — — comprehensa (§ 7), нужно считать глоссою. Все дальнѣйшее (Quae omnia въ § 8, до конца), равно и сохраненное у Евсевія начало, принадлежитъ къ рескрипту Ликинія [2]). Эдиктъ изданъ былъ въ Миланѣ въ началѣ 313 г.,

---

нѣкоторые издатели (Le Nourry, Dübner, Fritsche) читаютъ здѣсь „restituantur". Для гипотезы Галли, впрочемъ, это не имѣетъ особаго значенія.

[1]) *P. Batiffol*, Les étapes de la conversion de Constantin. II. L'édit de Milan, въ Bulletin d'ancienne littérature et d'archéologie chrétiennes, 1913, № 4, 241—264.

[2]) 243—247. Относительно отдѣла „Et quoniam — — sperent" (§ 9) Батиффоль (246_3) не находитъ возможнымъ согласиться съ Галли, такъ какъ здѣсь, помимо произвольности предположенія Галли о чтеніи „reddantur", слова „lege quam superius comprehendimus" должны, по Батиффолю, указывать на эдиктъ; кромѣ того, здѣсь вводятся выраженія corpus christianorum съ синонимами ecclesiae и conventicula, тогда какъ эдиктъ употребляетъ лишь названіе christiani.

не позже февраля [1]), и былъ сообщенъ Максимину; изданный потомъ самимъ Максиминомъ эдиктъ и отражаетъ на себѣ несомнѣнно стремленіе приспособиться къ миланскому эдикту [2]). Батиффоль, такимъ образомъ, съ довѣріемъ относится къ извѣстію Евсевія объ отправленіи къ Максимину закона о христіанахъ, и думаетъ, что это было уже въ 313 г. Упоминаемыя въ рескриптѣ прежнія ограниченія для христіанъ находились въ прежнихъ инструкціяхъ Ликинія правителямъ его провинцій [3]).

Исходнымъ пунктомъ въ указанныхъ попыткахъ реконструкціи подлиннаго вида миланскаго эдикта является фактъ наименованія имѣющагося у Лактанція документа «письмомъ» (litterae) Ликинія къ президу и упоминаніе въ то же время въ этомъ письмѣ о состоявшемся въ Миланѣ узаконеніи обоихъ западныхъ правителей, которое во всякомъ случаѣ должно было лежать въ основѣ этого письма (§ 2: haec — — ordinanda esse credidimus [рукоп.: credimus]). Руководящія указанія при выдѣленіи изъ него предполагаемаго текста миланскаго эдикта думаютъ находить, главнымъ образомъ, въ неодинаковомъ характерѣ изложенія въ разныхъ мѣстахъ документа, отличая въ немъ отъ выраженія законодательной воли въ общей формѣ повелительныя формулы и заявленія, прямо обращенныя къ магистрату (§ 4: quare scire dicationem tuam convenit, placuisse nobis etc., § 8 кон.: quae omnia corpori Christianorum protinus per intercessionem tuam ac sine mora tradi oportebit etc.), и объясняя повтореніе одинаковыхъ мыслей въ разной лишь формѣ присоединеніемъ къ тексту первоначальнаго миланскаго закона тавтологическихъ глоссъ въ письмѣ Ликинія. Результаты получились довольно разнообразные: то видятъ подлинный текстъ эдикта лишь въ нѣсколькихъ строкахъ письма, то отождествляютъ съ нимъ большую часть письма [4]).

Но оставался въ силѣ и тотъ фактъ, что у Евсевія этотъ же по существу документъ называется не письмомъ или рескрип-

---

1) 242, 251. 2) 249.

3) 249. Между прочимъ, въ подтвержденіе существованія изданнаго Константиномъ и Ликиніемъ закона о христіанахъ Батиффоль указываетъ (250) на слова карѳагенскаго проконсула Эліана при допросѣ Ингентія 15 февраля 314 г. (по дѣлу донатистовъ): Константинъ и Ликиній ita pietatem Christianis exhibere dignantur, ut disciplinam corrumpi nolint etc. Acta purgationis Felicis, ed. Ziwsa, p. 203.

4) Результаты могутъ быть представлены въ слѣдующемъ видѣ. Съ текстомъ эдикта отождествляютъ §§ письма Ликинія:

томъ Ликинія, а именно «закономъ» (διατάξεις νόμος) Константина и Ликинія, и что при всемъ соотвѣтствіи въ общемъ греческаго перевода этого документа у Евсевія латинскому тексту у Лактанція, греческій текстъ имѣетъ совсѣмъ отсутствующее у Лактанція введеніе и, сверхъ того, представляетъ такія особенности въ частностяхъ, которыя могутъ давать основаніе видѣть въ бывшемъ подъ руками Евсевія латинскомъ оригиналѣ особую редакцію. Останавливая вниманіе на этой сторонѣ дѣла, можно было придти къ инымъ въ сравненіи съ указанными выше выводамъ.

Этимъ путемъ пошелъ и попытался весьма обстоятельно аргументировать свое особое мнѣніе о миланскомъ эдиктѣ православный ученый, профессоръ черновицкаго университета Шесанъ, въ своей книгѣ «Церковь и государство въ римско-византійскомъ государствѣ отъ Константина В. до паденія Константинополя. Т. I» (1911) [1]. Анализъ разностей между латинскимъ текстомъ Лактанція и греческимъ Евсевія, произведенный уже Гюлле, который, однако, не сдѣлалъ изъ него надлежащихъ выводовъ, показываетъ, по автору, что греческій текстъ не есть переводъ съ никомидійскаго рескрипта Ликинія. Но нельзя допустить и вообще, чтобы онъ былъ переводомъ съ какой-либо иной формы Ликиніева рескрипта, такъ какъ президъ Виѳиніи, конечно, не былъ уполномоченъ издавать рескриптъ въ измѣненномъ видѣ для неподвластной ему къ тому же провинціи—Палестины, и для самого Ликинія нельзя указать поводовъ посылать рескриптъ въ Палестину именно въ такомъ измѣненномъ видѣ [2]. Это есть

Hülle:			3 (съ ut nulli)				
Gwatkin:		2	3				
De Bacci Venuti:		2	3	7 (безъ de quibus — comprehensa)	8 (до quae omnia)		11
Galli:	введеніе у Евсевія	2	3	7 (тоже)	8 (тоже)	9	11
Batiffol:		2		7 (тоже)	8 (тоже)		

[1]) *V. Şesan*, Kirche und Staat im römisch-byzantinischen Reiche. I. B. Die Religionspolitik der christlich-römischer Kaiser von Konstantin d. Gr. bis Theodosius d. Gr. (313—380). Czernovitz 1911. S. 128—237: Über den Bestand, den Text und den Inhalt des Mailänder Ediktes. О текстѣ—S. 168—216.

[2]) 168—181.

именно миланскій эдиктъ, только переведенный на греческій языкъ. Такъ смотритъ на этотъ документъ самъ Евсевій, и мы не можемъ не довѣрять ему. Если эдиктъ существовалъ, то невѣроятно, чтобы Евсевій не интересовался имъ и чтобы онъ не могъ получить копіи его даже и къ тому времени, когда онъ писалъ X книгу своей исторіи,—хотя впослѣдствіи, при Юліанѣ Отступникѣ, документъ этотъ могъ быть уничтоженъ въ константинопольскомъ архивѣ и не вошелъ въ кодексъ Ѳеодосія. Не въ IX, а въ X книгѣ Евсевій помѣстилъ его потому, что ко времени написанія лишь этой книги (324) документъ находился у него въ рукахъ. Рескриптъ Ликинія онъ не помѣстилъ именно потому, что это есть не болѣе какъ копія эдикта [15]).

Что у Евсевія мы имѣемъ изданный въ Миланѣ эдиктъ, это можно видѣть изъ самаго сличенія документа у Евсевія съ документомъ у Лактанція. За это говоритъ уже прежде всего названіе документа у Евсевія постановленіемъ (διατάξεις—constitutio = νόμος — edictum), а не «письмомъ» (litterae) лишь, какъ именуется онъ у Лактанція. Далѣе, введеніе въ документъ не могло бы быть опущено Лактанціемъ, если бы оно было и въ никомидійскомъ рескриптѣ, такъ какъ это было бы искаженіемъ съ его стороны всѣмъ извѣстнаго документа; не могло оно быть прибавлено и Ликиніемъ или кѣмъ-либо другимъ въ предполагаемомъ палестинскомъ рескриптѣ, такъ какъ непонятна цѣль такой прибавки; но въ миланскомъ законѣ оно было вполнѣ умѣстно и его могъ опустить лишь самъ Ликиній въ своемъ рескриптѣ. Наконецъ, разныя характерныя особенности въ текстахъ греческомъ и латинскомъ становятся понятными именно при томъ предположеніи, что греческій переводъ сдѣланъ съ первоначальнаго текста эдикта, а текстъ у Лактанція есть уже послѣдующее воспроизведеніе эдикта съ нѣкоторыми измѣненіями. Такъ, присутствіе въ греческомъ и опущеніе въ латинскомъ текстѣ, при упоминаніи о прежнемъ указѣ съ ограничительными для свободы христіанъ условіями, которыя теперь отмѣняются, наименованія указа «нашимъ» (§ 6: ἐν προτέροις ἡμῶν γράμμασι, въ латинскомъ просто prius scriptis) можетъ быть легко объясняемо тѣмъ, что лишь Константинъ могъ говорить такъ по отношенію къ своей области, такъ какъ, по мнѣнію автора, онъ еще въ 312 г., находясь

---

[15]) 181—9.

во время похода противъ Максентія въ верхней Италіи, и именно—тоже въ Миланѣ [1]), издалъ такой указъ, на востокѣ же Ликиній могъ имѣть въ виду въ данномъ случаѣ лишь прежнія распоряженія о христіанахъ Максимина. Также и нелестная характеристика этого указа, находящаяся тоже лишь въ греческомъ текстѣ (πάνυ σκαιὰ καὶ τῆς ἡμετέρας πραότητος ἀλλότρια), понятна именно лишь въ устахъ искренно расположеннаго къ христіанству Константина, а не Ликинія, который поэтому и опустилъ ее въ своемъ рескриптѣ. Въ этомъ же смыслѣ объясняются и нѣкоторыя другія особенности греческаго текста. На вопросъ, почему у Евсевія нѣтъ обычнаго для такихъ документовъ заглавія съ перечисленіемъ именъ правителей, авторъ отвѣчаетъ предположеніемъ, что въ оригиналѣ стояли имена всѣхъ трехъ правителей, но имена подвергавшихся потомъ осужденію правителей были устраняемы изъ такихъ документовъ (сначала Максимина, уже въ 313, впослѣдствіи и Ликинія), и поэтому заглавіе не приводится у Евсевія [2]).

Что касается рескрипта Ликинія у Лактанція, то это есть лишь сокращенная копія эдикта, видоизмѣненнаго, но весьма въ общемъ незначительно, примѣнительно къ мѣстнымъ обстоятельствамъ, при обнародованіи въ Никомидіи. Такъ, начало введенія, содержавшее мотивировку миланскаго совѣщанія и постановленія, опущено, и оставлено въ качествѣ введенія указаніе только на самое это совѣщаніе. Слова: «Quare scire dicationem tuam convenit» (§ 4)—чему нѣтъ соотвѣтствія въ текстѣ у Евсевія—составляютъ весьма хорошій переходъ къ дальнѣйшему изложенію и придаютъ документу видъ какъ бы собственнаго рескрипта Ликинія. Но весь документъ производитъ впечатлѣніе цѣльности; авторъ протестуетъ противъ попытки Гюлле различить въ немъ разнородныя части. Ликиній «скопировалъ» лишь миланское постановленіе, а не издалъ самостоятельнаго изложенія закона о христіанахъ потому, что въ противномъ случаѣ законъ этотъ исходилъ бы отъ него, между тѣмъ какъ Ликиній вовсе не питалъ самъ и тогда особаго расположенія къ христіанамъ; повторяя лишь миланское постановленіе, онъ какъ бы слагаетъ съ себя отвѣтственность за него предъ язычниками, на которыхъ онъ потомъ и опирался въ своей борьбѣ съ Кон-

[1]) 358—359. [2]) 189—207.

стантиномъ. Притомъ миланскій документъ былъ намѣренно изложенъ Константиномъ въ такой формѣ, что Ликиній безъ ущерба для своего самолюбія могъ воспроизвести его. Наконецъ, нужно имѣть въ виду, что это былъ законъ, который долженъ былъ имѣть значеніе для всей имперіи [1]).

Такимъ образомъ, авторъ весьма подробно обосновываетъ свой тезисъ, предусматривая разныя возможныя противъ него возраженія.

Къ одинаковому выводу съ Шесаномъ, независимо отъ него, пришелъ католическій ученый Виттигъ (1913), которому книга Шесана сдѣлалась, по его словамъ, извѣстной уже послѣ того, какъ онъ собственнымъ изслѣдованіемъ установилъ тѣ же положенія [2]). Виттигъ идетъ въ общемъ тѣмъ же путемъ сравненія текста Евсевія и Лактанція, внося при этомъ нѣкоторыя поправки къ утвержденіямъ Шесана. Онъ отвергаетъ принимаемое Шесаномъ вслѣдъ за многими другими учеными мнѣніе объ изданіи будто бы самимъ Константиномъ еще въ 312 г. особаго указа о вѣротерпимости съ какими-то, однако, ограниченіями для христіанъ. Миланское постановленіе направлено было само по себѣ къ отмѣнѣ ограниченій, сопровождавшихъ законъ Галерія. Это и имѣется въ виду при упоминаніи объ ἀντιγραφή во введеніи къ документу, читаемомъ у Евсевія. Но такъ какъ законъ Галерія Максиминомъ въ его владѣніяхъ не былъ въ дѣйствительности обнародованъ, то въ рескриптѣ Ликинія, назначавшемся именно для подвластной прежде Максимину области, это введеніе и опущено. Дальнѣйшія же упоминанія миланскаго документа о прежнихъ ограниченіяхъ для христіанъ въ никомидійскомъ рескриптѣ могли быть сохранены, такъ какъ они могли быть отнесены къ стѣснительнымъ мѣрамъ противъ христіанъ со стороны Максимина; этимъ и объясняется опущеніе слова ἡμῶν Ликиніемъ [3]). Названіе миланскаго постановленія «эдиктомъ» Виттигъ съ своей стороны находитъ неправильнымъ, потому что этотъ актъ не имѣлъ формы императорскаго эдикта въ собственномъ смыслѣ, а появился въ видѣ рескрипта къ префектамъ прето-

---

[1]) 207—216.

[2]) *J. Wittig*, Das Toleranzreskript von Mailand 313, въ юбилейномъ изданіи F. J. Dölger, Konstantin der Grosse und seine Zeit. Fr. i. Br. 1913, S. 40—65.

[3]) 56—7, 64.

ріи. Эдиктомъ онъ оказывался, такъ сказать, уже въ низшей инстанціи, когда объявляли его къ общему свѣдѣнію низшіе начальники. Авторъ называетъ его поэтому «миланскимъ рескриптомъ» [1]).

Между прочимъ, Виттигъ, какъ и Шесанъ, вслѣдъ за Гюлле признаетъ, что при всей достовѣрности въ общемъ извѣстія Евсевія объ изданіи «совершеннѣйшаго» закона въ пользу христіанъ Константиномъ и Ликиніемъ, Евсевіемъ допущенъ анахронизмъ, когда онъ говоритъ объ отправленіи миланскаго закона, изданнаго не ранѣе января 313 г., къ Максимину и объ изданіи затѣмъ послѣднимъ рескрипта Савину. Въ дѣйствительности Максимину было послано лишь извѣщеніе о побѣдѣ Константина надъ Максентіемъ [2]).

Съ изложеннымъ мнѣніемъ Шесана и Виттига совпадаетъ по существу мнѣніе Мартруа (1914), съ тѣмъ лишь отличіемъ, что онъ прилагаетъ къ документамъ у Лактанція и Евсевія терминъ «мандатъ», а не «эдиктъ» и не «рескриптъ» [3]). Въ посланіяхъ съ этимъ именемъ, содержащихъ тѣ или иныя инструкціи государей къ властямъ, какъ и въ рескриптахъ, излагается сначала мотивъ узаконенія, потомъ слѣдуетъ самая инструкція, и наконецъ, предписаніе объ опубликованіи узаконенія. Нѣтъ никакой необходимости признавать, подобно Батиффолю, еще особый эдиктъ, изданный въ Миланѣ предъ этимъ посланіемъ. Въ послѣднемъ во всякомъ случаѣ должна бы находиться прямая ссылка на него, между тѣмъ тамъ мотивируется необходимость вообще излагаемаго далѣе узаконенія. Вообще, никакихъ слѣдовъ существованія этого ненужнаго эдикта нѣтъ, имѣются лишь два неодинаково редактированныя посланія съ тождественнымъ по существу содержаніемъ, одно, вышедшее изъ канцеляріи Ликинія, у Лактанція, другое—изъ канцеляріи Константина, въ греческомъ переводѣ у Евсевія. Если въ текстѣ ихъ замѣчаются повторенія, это указываетъ не на объединеніе въ немъ съ изданнымъ ранѣе закономъ комментаріевъ къ этому закону императорской канцеляріи, какъ думаетъ Батиффоль, но объясняется самымъ способомъ происхожденія императорскихъ

---

[1]) 62—3.

[2]) *Şesan*, 166—7. *Wittig*, 52—3.

[3]) *F. Martroye*, A propos de „l'édit de Milan", въ Bulletin d'ancienne littérature et d'archéologie chrétiennes, IV, 1914, № 1, p. 47—52.

законовъ, когда къ формулированному рѣшенію императора и и его совѣта въ «экспедиціи» потомъ подставлялись мотивы; плохой стиль и повторенія составляютъ принадлежность и другихъ конституцій Константина. Религіозная свобода дарована была, такимъ образомъ, въ Миланѣ чрезъ простую инструкцію магистратамъ безъ объявленія правъ въ эдиктѣ.

Согласенъ съ тѣмъ же мнѣніемъ, въ вопросѣ о значеніи разностей редакцій документовъ у Лактанція и Евсевія, и Морисъ (1911, 1914) [1]). И по нему, это различіе объясняется происхожденіемъ одного изъ нихъ отъ Ликинія, другого отъ Константина. Именно, въ самомъ уже Миланѣ, по его предположенію были редактированы письма и Константина и Ликинія, которыя они потомъ разослали правителямъ своихъ областей. Litterae Licinii для его области и находимъ у Лактанція, тогда какъ Евсевій приводитъ litterae Constantini для запада. Отсюда и объясняется разность текстовъ ихъ, и между прочимъ—отсутствіе въ письмѣ Ликинія введенія, которое было въ общемъ для обоихъ императоровъ проектѣ письма и выражало намѣреніе установить религіозную свободу безъ какихъ-либо ограниченій (une intention absolue de liberté religieuse), но Ликиніемъ устранено, чтобы не затрогивать городскихъ муниципалитетовъ и правителей провинцій на востокѣ, преслѣдовавшихъ христіанъ при Максиминѣ. Морисъ, правда, думаетъ, что написанію этихъ посланій предшествовало въ Миланѣ изданіе еще особаго закона (νόμος, πρόγραμμα), на основаніи котораго были затѣмъ изложены сохранившіяся письма. Но въ отличіе отъ Гюлле и другихъ ученыхъ, которые видятъ и у Лактанція и у Евсевія лишь разныя формы рескрипта Ликинія, онъ полагаетъ, что у Евсевія мы во всякомъ случаѣ имѣемъ документъ, идущій отъ самого Константина, хотя это не есть самый миланскій эдиктъ и сохранился онъ только въ греческомъ переводѣ [2]).

---

[1]) *J. Maurice*, Numismatique Constantinienne. T. II. Paris 1911, p. LI—LV. *Его же*, Note sur le préambule placé par Eusèbe en tête de l'Édit de Milan, въ Bulletin d'ancienne littérature et d'archéologie chrétiennes, IV, 1914, № 1, p. 45—47.

[2]) Среднее, повидимому, положеніе между мнѣніями Мартруа и Мориса занимаетъ въ сущности мнѣніе *W. Schnyder'a* въ статьѣ: Die Anerkennung der christlichen Kirche von seiten des römischen Staates unter Konstantin dem Grossen. 1913 (=Beilage zum Jahresbericht der kantonalen höheren Lehranstalten in Luzern 1913/13), S. 28, судя по передачѣ у Биль-

Отстаивать существованіе изданнаго въ Миланѣ закона о христіанахъ и признавать, что мы имѣемъ и нынѣ текстъ его, вполнѣ, однако, можно было, и не придавая различію редакцій помѣщеннаго у Евсевія и Лактанція документа такого важнаго значенія, какое усматриваютъ въ немъ представители только что изложеннаго мнѣнія. Именно, можно было опереться въ этомъ случаѣ на самое показаніе Евсевія въ его исторіи объ изданіи Константиномъ и Ликиніемъ этого закона и отправленіи его къ Максимину, и отождествить его съ тѣмъ или другимъ видомъ сохранившагося текста.

На этой точкѣ зрѣнія и стоитъ извѣстный издатель исторіи Евсевія Швартцъ (1904, 1913) [1]. По его мнѣнію, нѣтъ ни малѣйшаго основанія сомнѣваться въ достовѣрности указаннаго сообщенія Евсевія (IX, 9, 12): императоры дѣйствительно издали въ Миланѣ «конституцію» о христіанахъ, устанавливавшую для послѣднихъ restitutio in integrum и возвращеніе конфискованныхъ ранѣе имуществъ, и отправили ее Максимину. Максиминъ не подписалъ ея, и Ликиній самъ уже потомъ объявилъ ее по вступленіи въ Никомидію. Лактанцій сообщаетъ ее именно по выставленному тогда въ Никомидіи экземпляру, у Евсевія дается переводъ, сдѣланный съ одного изъ экземпляровъ, разосланныхъ затѣмъ ко всѣмъ правителямъ провинцій. Въ заслугу Зеекку нужно поставить, что онъ устранилъ «вульгарное» названіе этой конституціи «миланскимъ эдиктомъ о вѣротерпимости (Toleranzedikt)». Въ переводѣ текстъ искаженъ по мѣстамъ интерполяціями (напр. въ § 6), которыя принадлежатъ не Константину и, вѣроятно, не Евсевію, а тому лицу, которому Евсевій былъ обязанъ

мейера въ Theol. Quartalschrift, 1914, 69 (рекомендующаго эту статью, какъ „recht lesenswerte Abhandlung“). По Бильмейеру, Шнидеръ считаетъ тезисъ Шесана и Виттига не доказаннымъ и самъ думаетъ, что разность текстовъ Евсевія и Лактанція объясняется лучше всего предположеніемъ, что въ Миланѣ состоялся (vereinbart wurde) не формальный законъ, а только протоколъ, который каждый изъ правителей въ своей области редактировалъ особо предъ публикаціей. Еще раньше Шнидеромъ была напечатана статья: L'Editto di Milano ed i recenti studi critici che lo riguardano, въ Atti della Pontificia Accademia dei N. Lincei, 1903, ser. II, t. VII, p. 149 s.

[1]) *E. Schwartz,* Zur Geschichte des Athanasius, IV, въ Nachrichten von der Königl. Gesellschaft der Wissenschaften zu Göttingen. Philol.-hist. Klasse. 1914, H. 5, S. 533—535. *Его же,* Kaiser Constantin und die christliche Kirche. Berlin 1913, S. 72—74.

этимъ переводомъ; отсюда, излюбленный пріемъ—исправлять латинскій текстъ по греческому переводу у Евсевія, на дѣлѣ приводилъ лишь къ немалой порчѣ текста. Введеніе къ документу у Евсевія нужно, однако, признать подлиннымъ. Упоминаемыя въ этомъ введеніи стѣсненія для христіанъ, которымъ христіане ранѣе подвергались, относятся здѣсь на счетъ ограниченій, сопровождавшихъ эдиктъ Галерія 311 г., но на дѣлѣ здѣсь должны были имѣться въ виду отношенія къ христіанамъ Максимина, и допускается, такимъ образомъ, неправда, для которой подобные правительственные указы обычно имѣютъ свои основанія.

На ряду со всѣми этими предположеніями, что не только существовалъ написанный въ Миланѣ законодательный документъ, какую бы онъ ни имѣлъ форму и какъ бы ни назывался, но что мы и имѣемъ его сохранившимся доселѣ, или, по крайней мѣрѣ, можемъ возстановить текстъ его съ приблизительной точностію, нѣкоторыми учеными высказывается и теперь лишь то общее мнѣніе, что если такой документъ, или вообще документъ идущій отъ Константина и основанный на миланскомъ соглашеніи, и былъ, онъ до насъ не дошелъ, и мы можемъ судить только о его содержаніи по письму Ликинія, въ разныхъ редакціяхъ приведенному у Лактанція и Евсевія.

Въ этомъ смыслѣ высказывается, напр., Дюшенъ въ своей исторіи древней церкви (1907) [1]). Опубликованный Ликиніемъ въ Никомидіи отъ имени обоихъ императоровъ «эдиктъ», у Лактанція приведенный на латинскомъ языкѣ безъ введенія, у Евсевія на греческомъ языкѣ, но въ полномъ видѣ, исходилъ непосредственно отъ Ликинія и былъ адресованъ, безъ сомнѣнія, префекту преторіи востока, который долженъ былъ затѣмъ объявить его и сообщить правителямъ провинцій и другимъ магистратамъ. Для запада и для Иллирика, въ силу миланскаго договора, еще ранѣе былъ обнародованъ (Константиномъ) другой «эдиктъ», но онъ не сохранился, и о содержаніи его мы можемъ заключать только на основаніи соотвѣтствующаго восточнаго документа. Одного общаго закона, изданнаго вмѣстѣ Константиномъ и Ликиніемъ, Дюшенъ, очевидно, не предполагаетъ; выраженіе «эдиктъ» нужно понимать у него, повидимому, въ широкомъ значеніи.

[1]) *L. Duchesne*, Histoire ancienne de l'église. II. Paris 1907, p. 35—39 (русск. переводъ, М. 1914, стр. 23—26). Къ Дюшену присоединяется, напр., *C. Carbone*. L'Editto di Milano da chi e perchè? Macerata 1913, p. 100.

«Обычнаго» воззрѣнія, что Лактанцій и Евсевій передаютъ одинъ и тотъ же восточный текстъ «декрета» о вѣротерпимости, считаетъ правильнымъ держаться Бильмейеръ (1914) [1]. Но, по нему, этотъ документъ воспроизводитъ существенное содержаніе первоначальнаго миланскаго указа, который до насъ не дошелъ. Этотъ не сохранившійся законъ имѣлъ, нужно думать, форму рескрипта, и если выражаться точно, то не слѣдуетъ говорить о миланскомъ «эдиктѣ»; самъ Бильмейеръ предпочитаетъ, поэтому, употреблять въ данномъ случаѣ болѣе общее выраженіе—миланская «конституція» [2].

Изъ сдѣланнаго обзора исторіи вопроса видно, что предлагались и предлагаются весьма неодинаковыя рѣшенія его.

---

[1]) *K. Bihlmeyer*, Das angebliche Toleranzedikt Konstantins von 312. Mit Beiträgen zur Mailänder Konstitution (313), въ Theol. Quartalschrift, XCVI, 1914, S. 67—69. Не соглашаясь съ гипотезой Шесана и Виттига, Бильмейеръ обѣщаетъ представить со временемъ обстоятельный разборъ этой гипотезы. Вопросъ, по нему, касается здѣсь прежде всего критики текста (ist in erster Linie eine textkritische), но именно эта сторона дѣла и представляетъ у Шесана значительные недочеты, не смотря на ученость и остроуміе, примѣненные въ высокой мѣрѣ къ обоснованію имъ своего тезиса.

[2]) Въ русской литературѣ мнѣніе, что миланскій эдиктъ „не дошелъ до насъ, но содержаніе заключеннаго между обоими государями соглашенія извѣстно для насъ изъ сохраненнаго у Лактанція позднѣйшаго указа Ликиніева", было высказано у *Ф. А. Терновскаго*, Грековосточная церковь въ періодъ вселенскихъ соборовъ. Кіевъ 1883, стр. 11. *А. П. Лебедевъ*, Эпоха гоненій на христіанъ и утвержденіе христіанства въ греко-римскомъ мірѣ при Константинѣ В. Спб. 1904[3], стр. 297—9, непосредственно отождествляетъ, повидимому, съ эдиктомъ текстъ у Лактанція. *В. В. Болотовъ*, какъ видно изъ курса 1884/5 г. и литографированныхъ записей его лекцій 1898/9 г., признавая, кромѣ миланскаго эдикта 313 г., еще эдиктъ 312 г., считалъ первый сохранившимся сполна въ переводѣ Евсевія. Лекціи по исторіи древней церкви. II. Спб. 1910, стр. 162—163. (Въ записяхъ на стр. 163 допущена была явная путаница, оставшаяся, къ сожалѣнію, неустраненною и въ печатномъ изданіи; слова: „Часть его—въ Миланѣ", отъ 4 до 9 строки сверху, должны быть вычеркнуты). Въ лекціяхъ 1899/1900 г., говоря что „шумъ открытія" Зеекка, будто никакого миланскаго эдикта не было,—„весьма дешеваго свойства", В. В. Болотовъ поясняетъ: „эдиктъ сохранился лишь въ видѣ litterae ad praesidem (Bithyniae) datae; дѣло касается лишь формы эдикта, а никакъ не его содержанія. И конечно, въ такомъ же видѣ получили litterae и всѣ президы, а не одинъ виѳинскій". Лекціи, III, Спб. 1913, стр. 104. Очевидно, признается лишь незначительное измѣненіе документа со стороны формы, но въ какомъ именно видѣ онъ могъ быть изданъ въ Миланѣ, не разъясняется.

Характерно при этомъ, что защитники самаго новаго по времени предположенія, что у Евсевія дано именно само миланское постановленіе, но только въ греческомъ переводѣ, возвращаются собственно къ мнѣнію Баронія и Валуа, высказанному въ самомъ еще началѣ исторіи вопроса, когда извѣстна была только исторія Евсевія. Открытіе сочиненія Лактанція дало потомъ поводъ издателю его, Балюзу, отожествить именно латинскій текстъ документа у Лактанція непосредственно съ миланскимъ эдиктомъ, и это мнѣніе сдѣлалось общераспространеннымъ. Но уже Манси, руководясь данными Лактанція, въ видѣ дилеммы, высказалъ мнѣніе, что или изданнаго въ Миланѣ эдикта вовсе не было, или же онъ не сохранился и имѣлъ иной видъ въ сравненіи съ приведеннымъ у Лактанція (и Евсевія) документомъ (Манси, однако, при этомъ признаетъ, что законъ о христіанахъ во всякомъ случаѣ былъ уже изданъ гдѣ-то ранѣе Константиномъ и Ликиніемъ). Въ новое время въ отрицательномъ смыслѣ и высказался рѣшительно Зееккъ. Но рядъ другихъ ученыхъ, напротивъ, считаютъ миланскій законъ лишь утраченнымъ и нѣкоторые изъ нихъ пытаются такъ или иначе возстановить его (Гюлле, Де Баччи Венути, Галли, Батиффоль). Представители же новѣйшаго мнѣнія (Шесанъ, Виттигъ) думаютъ, что утраченъ лишь латинскій подлинникъ документа, но его первоначальному виду соотвѣтствуетъ имѣющійся греческій переводъ. Швартцъ, очевидно, примыкаетъ болѣе или менѣе къ традиціонному мнѣнію, высказанному еще Балюзомъ.

Нужно признать, что при настоящемъ положеніи дѣла, при тѣхъ данныхъ, которыми мы располагаемъ, въ общемъ не являются сами по себѣ безусловно невозможными рѣшенія всѣхъ главныхъ отмѣченныхъ выше типовъ.

Не невозможно, прежде всего, что въ Миланѣ состоялось лишь устное соглашеніе между Константиномъ и Ликиніемъ относительно религіозной свободы и возстановленія имущественныхъ правъ христіанъ, письменное же распоряженіе предоставлялось уже сдѣлать потомъ каждому изъ нихъ особо для своей области, т. е. что эдикта, или вообще какого-либо письменнаго постановленія, въ Миланѣ императорами не было издано.

Но, съ другой стороны, также возможно и нисколько не менѣе вѣроятно, что результаты переговоровъ въ Миланѣ были тогда же формулированы въ императорскомъ совѣтѣ и

затѣмъ канцеляріи въ видѣ законодательнаго акта въ собственномъ смыслѣ, или хотя бы только въ «протоколѣ» (Шнидеръ). Въ такомъ случаѣ тѣ письма, съ которыми Константинъ и Ликиній потомъ обращались къ правителямъ своихъ областей для приведенія сдѣланнаго постановленія въ исполненіе, должны были точно воспроизводить содержаніе этого акта и, быть можетъ, даже букву его. Отсюда естественными являются попытки извлечь изъ сохранившагося у Лактанція и Евсевія документа мѣста, относящіяся на долю предполагаемаго миланскаго опредѣленія.

Но отсюда, далѣе, уже возможенъ переходъ и къ тому мнѣнію, что въ Миланѣ получилъ начало и весь вообще документъ, который у Евсевія приводится въ цѣльномъ видѣ, у Лактанція—съ опущеніемъ введенія,—называть ли этотъ документъ эдиктомъ, или рескриптомъ, или мандатомъ, или, наконецъ, лишь вообще конституціей. При этомъ полный текстъ у Евсевія можетъ быть возводимъ къ первоначальной миланской редакціи, особенности же текста у Лактанція могутъ быть объясняемы произведенными Ликиніемъ измѣненіями; или же, разностямъ текстовъ у Евсевія и Лактанція можно не придавать особаго значенія и объяснять ихъ особой судьбой привезеннаго на востокъ именно Ликиніемъ документа.

Уже самое разнообразіе мнѣній и взаимная критика, которой подвергаютъ другъ друга ихъ авторы, показываетъ, какъ трудно въ настоящемъ случаѣ обосновать съ достаточной степенью убѣдительности какое-либо изъ этихъ мнѣній, какъ наиболѣе вѣроятное. Неопредѣленность и недостаточность данныхъ заставляетъ здѣсь прибѣгать на каждомъ шагу къ предположеніямъ, которыя сами еще требуютъ обоснованія и наряду съ которыми могутъ быть поставлены другія, не менѣе правдоподобныя [1]). Тѣ или другіе факты, на которые обращаютъ

---

[1]) Для примѣра можно указать, что въ то время, какъ Де Баччи Венути (327) думаетъ, что миланскій эдиктъ Константина и Ликинія не былъ извѣстенъ въ своемъ подлинномъ видѣ Максимину, и этимъ объясняются нѣкоторыя разности въ содержаніи эдикта самого Максимина въ сравненіи съ миланскимъ, Батиффоль, наоборотъ, считаетъ несомнѣннымъ вліяніе послѣдняго на Максиминовъ эдиктъ (249: est incontestablement une adaptation de l'édit de Milan). Или, въ то время, какъ Шесанъ (197, 209) полагаетъ, что Ликиній, какъ язычникъ, не находилъ возможнымъ допустить въ своемъ указѣ даже въ примѣненіи къ Максимину слова въ § 6 греческаго текста: καὶ ἅτινα πάνυ σκαιὰ κτλ., Батиффоль (249) думаетъ, что онъ могъ примѣнить ихъ и къ себѣ.

вниманіе разные ученые. аргументируя свои мнѣнія, сами по себѣ могутъ быть вѣрны, но изъ нихъ дѣлаются иногда слишкомъ уже опредѣленные и категоричные выводы. Очевидно, наиболѣе вѣроятною гипотезою при такихъ условіяхъ нужно будетъ признать ту. которая болѣе другихъ считается со всею совокупностью находимыхъ въ источникахъ историческихъ данныхъ.

Что у Лактанція приведено лишь письмо Ликинія, это не подлежитъ никакому спору, и заслуга Зеекка состоитъ въ томъ, что онъ въ новое время обратилъ должное вниманіе на это обстоятельство. Но самъ онъ идетъ слишкомъ далеко въ своихъ утвержденіяхъ, когда полагаетъ, что все достовѣрное здѣсь сводится исключительно къ факту изданія Ликиніемъ въ Никомидіи этого документа, и что Ликинія всецѣло и исключительно мы должны считать его авторомъ. иначе говоря, что и существовало только это изданное Ликиніемъ письмо, и за нимъ не скрывается никакой другой документъ, который могъ бы лежать въ его основѣ, или былъ бы воспроизведенъ въ немъ, и который былъ составленъ ранѣе именно въ Миланѣ. При такомъ утвержденіи слишкомъ мало придается значенія даннымъ въ исторіи Евсевія, прежде всего—его прямому заявленію, что Константиномъ и Ликиніемъ не только былъ составленъ законъ о христіанахъ, но и отправленъ Максимину. И во всякомъ случаѣ, на самомъ дѣлѣ несомнѣнно, что основное содержаніе «письма» Ликинія должно быть возводимо не къ Ликинію, а именно къ Константину, хотя бы даже относительно этого содержанія въ Миланѣ въ свое время состоялось одно лишь устное соглашеніе между нимъ и Ликиніемъ. Попытка Зеекка совсѣмъ какъ бы устранить Константина отъ участія въ происхожденіи этого документа и умалить значеніе послѣдняго, какъ не прибавившаго будто бы ничего новаго къ тому, что̀ дано было уже эдиктомъ Галерія, отзывается уже очевидной тенденціозностью и явно несправедлива, какъ показалъ это Гёрресъ.

Но признавая, что уже въ Миланѣ воля законодателей могла найти письменное выраженіе, приходится дѣлать выборъ между дальнѣйшими указанными выше гипотезами, или же остановиться на выводѣ, что хотя содержаніе миланскаго постановленія отразилось въ имѣющемся у насъ документѣ, но текстъ его, или текстъ хотя бы основаннаго на немъ указа самого Константина, намъ неизвѣстенъ.

Первая изъ этихъ гипотезъ, что дошедшее до насъ письмо Ликинія у Лактанція и соотвѣтствующій ему документъ у Евсевія представляютъ объединеніе буквальныхъ выписокъ изъ текста первоначальнаго миланскаго постановленія съ собственными комментаріями и инструкціями Ликинія, утверждается лишь на анализѣ текста сохранившагося документа. Но для выдѣленія изъ этого документа частей, относящихся къ предполагаемому несохранившемуся эдикту, не смотря на остроумныя догадки сторонниковъ этого мнѣнія, нѣтъ вполнѣ ясныхъ и съ несомнѣнностью рѣшающихъ дѣло признаковъ, и разные авторы производятъ это разграниченіе неодинаково. И всѣ тѣ мѣста въ документѣ, которыя имѣютъ видъ толкованій и инструкцій, разъясняющихъ извѣстныя общія положенія, и въ которыхъ дѣлается обращеніе къ магистрату, могли находиться уже въ составленномъ въ Миланѣ постановленіи, если допустить, что оно написано было тамъ уже въ видѣ обращеннаго къ префекту преторіи закона. Повторенія и недостатки изложенія свойственны и другимъ законодательнымъ документамъ того времени, какъ указываетъ на это Мартруа. И по отношенію къ данному документу нельзя отвергать, что, не смотря на повторенія, весь онъ имѣетъ характеръ цѣльности. Очевидно, идя намѣчаемымъ авторами этой гипотезы путемъ, къ рѣшительнымъ результатамъ придти невозможно. Нужно замѣтить, сверхъ того, что сосредоточивая вниманіе на самомъ документѣ, и эта гипотеза, подобно отрицательному мнѣнію Зеекка, утверждающагося на показаніи Лактанція, слишкомъ мало считается съ данными Евсевія.

Другая гипотеза, что у Евсевія сохранился переводъ миланскаго документа въ его первоначальномъ видѣ, а письмо Ликинія у Лактанція есть уже идущая отъ Ликинія особая редакція этого документа, исходнымъ пунктомъ и основаніемъ для себя имѣетъ, кромѣ названія у Евсевія этого документа, отличія въ приводимомъ Евсевіемъ текстѣ его въ сравненіи съ текстомъ Лактанція. Нельзя не видѣть, что сторонниками этого мнѣнія такимъ отличіямъ придается въ общемъ слишкомъ уже преувеличенное значеніе. Въ дѣйствительности, и у Евсевія (вслѣдствіе недоразумѣній переводчика и частію позднѣйшихъ измѣненій со стороны переписчиковъ), и у Лактанція (въ виду неудовлетворительности единственной сохранившейся рукописи) тексты дошли до насъ въ видѣ настолько несовершенномъ въ частностяхъ, что дѣлать на основаніи ихъ вполнѣ

категоричные выводы было бы неосторожно [1]). Возможно, что въ § 6 и соотвѣтствующее греческому ἡμῶν—которому усвояется столь важное значеніе Шесаномъ и Виттигомъ — слово, и фраза, соотвѣтствующая греческому ἐνείχοντο καὶ ἅτινα πάνυ σκαιὰ — — εἶναι были и въ латинскомъ текстѣ Лактанція (§ 4), но выпали изъ него по недосмотру переписчиковъ [2]). Съ другой стороны, если въ томъ же § 6 греческаго текста начальная фраза не соотвѣтствуетъ латинскому тексту, который представляетъ «очень хорошее» введеніе къ дальнѣйшему изложенію въ письмѣ Ликинія, то на дѣлѣ и это можетъ объясняться не передѣлкой Ликиніемъ первоначальнаго соотвѣтствовавшаго греческому тексту латинскаго текста, а недоразумѣніемъ греческаго переводчика [3]). Если за какимъ указаніемъ разности

[1]) У Евсевія, напр., въ одномъ мѣстѣ латинское hominibus (§ 2) переведено чрезъ ἅπασιν, потому что было, очевидно, прочитано вмѣсто него omnibus, certa forma (§ 7)—чрезъ τύπος ἕτερος, т. е. caetera forma. Что касается латинскаго текста у Лактанція, то, напр., для конца § 6 писецъ кольбертинской рукописи, или другой, болѣе ранней, отъ которой она ведетъ начало, имѣлъ, повидимому, въ томъ оригиналѣ, откуда онъ списывалъ, совершенно неудовлетворительный, неразборчивый или стершійся текстъ, такъ что долженъ былъ скопировать лишь отрывочныя слова. Между прочимъ, въ концѣ § 2, въ фразѣ: quod quidem diuinitas — — placatum ac propitium possit existere, чтеніе placatum ac propitium едва ли должно быть исправляемо на вполнѣ, повидимому, естественное placata ac propitia, въ виду того, что это чтеніе, при своей явной несообразности въ имѣющемся нынѣ латинскомъ текстѣ, тѣмъ не менѣе поддерживается греческимъ εὐμενές, хотя бы греческій текстъ въ данномъ мѣстѣ въ другихъ отношеніяхъ самъ основывался на недоразумѣніяхъ (οὐρανίου πράγματος).

[2]) Для отдѣльнаго слова, предполагаемаго „nostris", это вполнѣ возможно, особенно въ томъ случаѣ, если оно было написано въ сокращенномъ видѣ. Но и цѣлая фраза легко могла выпасть въ виду ὁμοιοτέλευτον предполагаемаго „contin*ebantur*" (= ἐνείχοντο) и uid*ebantur* (ἐδόκει), причемъ ταῦτα ὑφαιρεθῇ καὶ въ греческомъ могло быть пояснительною вставкою переводчика; возможно и то, что какой-либо переписчикъ латинскаго текста и здѣсь имѣлъ неразборчивое мѣсто въ оригиналѣ, какъ въ концѣ § 6, но могъ здѣсь опустить его безъ особаго нарушенія смысла цѣлаго, при чемъ однако cauere естественнѣе замѣнить соотвѣтствующимъ греческому ἐλευθέρως—libere

[3]) Предполагая, что латинскій текстъ, находившійся предъ глазами переводчика, написанъ былъ не вполнѣ отчетливо, можетъ быть, съ разными сиглами и аббревіатурами, появленіе вмѣсто quare scire dicationem tuam conuenit placuisse nobis въ греческомъ переводѣ словъ ἅτινα οὕτως ἀρέσκειν ἡμῖν ἀντιγράψαι ἀκόλουθον ἦν можно, повидимому, объяснять тѣмъ, что вмѣсто quare scire переводчикъ прочиталъ qua[e] resc[r]i[be]re;

редакцій документа у Евсевія и Лактанція можно признать особую важность, то это относительно факта нахожденія у Евсевія особаго введенія къ документу; объяснять его отсутствіе у Лактанція намѣреннымъ опущеніемъ со стороны Лактанція можно, но это объясненіе весьма мало вѣроятно. Но безусловнаго рѣшающаго значенія и это указаніе не можетъ имѣть [1]). Нельзя дѣлать твердыхъ выводовъ и изъ неопредѣленнаго самого по себѣ названія документа у Евсевія «постановленіемъ» или «закономъ» (διατάξεις, νόμος).

Заслуга представителей разсматриваемаго мнѣнія заключается во всякомъ случаѣ въ томъ, что они снова поставили на видъ особое значеніе въ разсматриваемомъ вопросѣ Евсевія и находимыхъ у него данныхъ. Если Зееккъ выступалъ съ своимъ мнѣніемъ, опираясь на Лактанція и игнорируя Евсевія, если сторонники мнѣнія о включеніи миланскаго закона въ письмо Ликинія хотѣли утверждаться на анализѣ изложенія этого послѣдняго документа, то теперь выдвинутъ былъ опять на сцену, какъ особый источникъ свѣдѣній, и Евсевій. Аргументація на основаніи особенностей самаго документа, приведеннаго у Евсевія, къ которой прибѣгаютъ защитники этого

появилось ли οὕτως вмѣсто dicationem tuam вслѣдствіе какого-либо графическаго недоразумѣнія, или переводчикъ вынужденъ былъ опустить dicationem tuam, какъ затруднившее его при его неправильномъ пониманіи этого мѣста и показавшееся излишнимъ (далѣе сразу же слѣдуетъ въ текстѣ ad officium tuum, πρὸς τὴν σὴν καθοσίωσιν, но у Евсевія и dicatio § 6, и officium § 4, 7, передается чрезъ καθοσίωσις), а οὕτως поставилъ самъ для поясненія текста, трудно сказать. Примѣры латинскихъ сиглъ изъ рукописи юридическаго содержанія, ватиканскаго палимпсеста IV—V в. (cod. Vat. 5766), можно видѣть въ приложеніи къ изданію Bethmann-Hollweg'a (1833) въ Corpus juris romani antejustiniani находящихся въ ней такъ наз. Vaticana fragmenta.

[1]) Лактанцій опускаетъ имена и длинные титулы правителей, когда приводитъ эдиктъ Галерія (с. 34), въ отличіе отъ Евсевія, гдѣ имѣется и это такъ наз. inscriptio документа (h. e. VIII, 17, 3), но это вполнѣ понятно въ его сочиненіи De mortibus persecutorum. Но едва ли можно допустить, чтобы онъ по какимъ-либо литературнымъ мотивамъ, стремясь къ краткости и какому-то предполагаемому риторическому эффекту, какъ полагаетъ, напр., Батиффоль (248), рѣшился урѣзать начало самаго изложенія въ столь важномъ документѣ, какъ обнародованный Ликиніемъ законъ о христіанахъ. Слишкомъ радикальнымъ, хотя не безусловно невозможнымъ теоретически, было бы и предположеніе о какомъ-либо случайномъ пропускѣ введенія къ документу въ позднѣйшее время, при перепискѣ сочиненія Лактанція. Батиффоль признаетъ, что введеніе у Евсевія составляетъ трудную для рѣшенія загадку.

мнѣнія, правда, сама по себѣ вполнѣ прочныхъ доводовъ не представляетъ (за исключеніемъ развѣ лишь, какъ упомянуто выше, указанія на введеніе въ документъ). Но уже самымъ обращеніемъ къ Евсевію открывается единственно, повидимому, возможный нынѣ, при имѣющихся данныхъ, путь хотя бы къ вѣроятному болѣе или менѣе рѣшенію труднаго вопроса.

Но при этомъ на первомъ планѣ должно стоять не изслѣдованіе особенностей текста документа у Евсевія въ сравненіи съ Лактанціемъ—такъ какъ оно, по указанной причинѣ, не имѣетъ вполнѣ твердой почвы для себя,—а разъясненіе вопросовъ, съ одной стороны, вообще о положеніи и судьбѣ документа въ церковной исторіи Евсевія, и съ другой, въ связи съ этимъ, о сообщеніи Евсевія, что Константинъ и Ликиній послали свой «совершеннѣйшій законъ» о христіанахъ Максимину. Сторонниками указаннаго мнѣнія эти вопросы особо не разсматриваются, для второго вопроса предполагается у нихъ рѣшеніе, для Евсевія не вполнѣ благопріятное. Между тѣмъ пересмотръ этихъ вопросовъ могъ бы, кажется, дать болѣе твердое обоснованіе мнѣнію, нежели соображенія относительно разностей текстовъ. Въ этомъ случаѣ получаютъ особое значеніе установленные Шварцемъ факты относительно рукописнаго преданія исторіи Евсевія, и съ другой стороны, его мнѣніе о достовѣрности указаннаго извѣстія Евсевія. Но разъясненія Шварца сами въ нѣкоторыхъ пунктахъ требуютъ поправокъ, и возможно нѣсколько иное въ частностяхъ представленіе дѣла, нежели какое предлагается имъ

А. Бриллiантовъ.
